

4-567

4-56
23

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

..... Придетъ ли времечко,
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

Н. А. Некрасовъ.

49253

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

и

ПОРТРЕТОМЪ А. П. ЧЕХОВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКІЙ ОТДѢЛЪ
КОМИССАРИАТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ПЕТРОГРАДЪ. 1918.

Отъ Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія.

Литературно-Издательскій Отдѣлъ К. Н. Пр. prepares къ печати заново переработанныя изданія сочиненій русскихъ классиковъ. Работа эта требуетъ времени, а между тѣмъ народъ крайне нуждается въ хорошей книгѣ, которую теперь невозможно найти даже за баснословно высокую цѣну. Книжный голодъ вынуждаетъ К. Н. Пр., не прерывая начатую подготовку новыхъ изданій, перепечатывать классиковъ въ спѣшномъ порядкѣ по старымъ матрицамъ, мирясь съ тѣми недочетами, которые трудно было исправить по техническимъ условіямъ.

Всѣ сочиненія А. П. Чехова монополизированы Россійской Федеративной Совѣтской Республикой на пять лѣтъ, по 31 декабря 1922 г.

Никѣмъ изъ книгопродавцевъ указанная на книгѣ цѣна не можетъ быть повышена подѣ страхомъ отвѣтственности передъ закономъ страны.

Правительственный Комиссаръ Лит.-Изд. Отд.
Biblioteka *И. Дебедевъ-Полянский.*

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ.
ПЕТРОГРАДЪ, ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 29.

Въ настоящій сборникъ вошли матеріалы, найденные при разборѣ литературнаго архива А. П. Чехова. Они распадаются на три отдѣла: 1) драматическія и беллетристическія произведенія А. П., какъ законченныя, такъ и отрывки, 2) замѣтки изъ его записной книжки и на отдѣльныхъ листкахъ, 3) его публицистическія статьи.

Наиболѣе крупнымъ, законченнымъ произведеніемъ перваго отдѣла является пьеса „На большой дорогѣ“, о которой А. П. упоминаетъ въ письмѣ къ Н. А. Лейкину (1884 г. ноябрь 4, см. „Письма А. П. Чехова“. Томъ I, 2-е изд., стр. 118): „..... Въ эту недѣлю не посылаю Вамъ нѣсколько рассказовъ, ибо былъ все время и боленъ и занятъ: пишу маленькую чепуху для сцены—вещь весьма неудачную... По утрамъ и вечерамъ готовлюсь къ докторскому экзамену“. Автографъ пьесы въ бумагахъ А. П. не разысканъ. Найдена она была, въ копіи, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ семьѣ А. П. сохранилось смутное воспоминаніе о какой-то его пьесѣ, запрещенной и задержанной Петербургскимъ Цензурнымъ Драматическимъ Комитетомъ. Одинъ изъ біографовъ А. П. указалъ и ея названіе—„Баринъ“. Подѣ этимъ названіемъ ее и искали въ спискѣ запрещенныхъ пьесъ, но не нашли. При этихъ поискахъ счастливый случай натолкнулъ на забытую, затерявшуюся въ цензурномъ архивѣ пьесу—„На большой дорогѣ“, „драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи А. Чехонте“. На представленномъ авторомъ въ драматическую цензуру (въ писарской копіи) экземплярѣ пьесы сохранилась характерная пометка цензора драматическихъ сочиненій Кейзера фонъ-Кюгельгенъ: „Къ представленію припано неудобнымъ. 20 сент. 1885 г. Неудобно. Мрачная и грязная пьеса—не можетъ быть дозволена. Къ запрещенію“. Остальные произведенія перваго отдѣла сохранились

въ бумагахъ А. П. и печатаются съ его автографовъ. Въ приложеніи къ нему даны факсимиле нѣсколькихъ шуточныхъ стихотвореній А. П. изъ альбома Саши Киселевой („Василисы Пявтелеевны“).

Во второй отдѣлѣ вошли замѣтки, темы и наброски для будущихъ сочиненій А. П., очень характерные для самаго процесса его художественнаго творчества. Среди бумагъ А. П. былъ найденъ рядъ листовъ, вложенныхъ въ особую обложку, съ надписью: „Темы, мысли, замѣтки, отрывки“. У О. Л. Книпперъ-Чеховой сохранилась записная книжка А. П., въ которую онъ вносилъ отдѣльныя мысли, планы задуманныхъ произведеній, понравившіяся ему цитаты и пр. Использованное имъ зачеркивалось. Какое значеніе придавалъ самъ А. П. этимъ матеріаламъ, можно видѣть изъ того, что болѣшую часть ихъ онъ набѣло переписалъ въ особую тетрадку.

Кое-что изъ напечатаннаго нами въ этомъ отдѣлѣ вошло, въ измѣненномъ видѣ, въ его печатныя произведенія. Мы нашли нужнымъ издать и эти матеріалы, такъ какъ они вводятъ читателя въ процессъ творчества А. П.

Вошедшія въ третій отдѣлѣ публицистическія статьи были напечатаны въ „Новомъ Времени“ анонимно и подъ псевдонимами. Принадлежность ихъ А. П. устанавливается его перепиской; большинство ихъ сохранилось въ его архивѣ въ видѣ газетныхъ вырѣзокъ въ особомъ пакетѣ.

I.

Драматическія и беллетристическія произведенія

и отрывки.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи.

дѣйствующія лица:

Тихонъ Евстигнѣвъ, содержатель кабака на большой дорогѣ.
Семень Сергѣевичъ Борцовъ, разорившійся помѣщикъ.
Марья Егоровна, его жена.
Савва, старикъ-странникъ.
Назаровна } богомолки.
Ефимовна }
Феда, прохожій фабричный.
Егоръ Мерикъ, бродяга.
Кузьма, проѣзжій.
Почтальонъ.
Кучеръ Борцовой.
Богомольцы, гуртовщики, проѣзжіе и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ южно-русскихъ губерній.

Сцена представляетъ собой кабакъ Тихона. Направо прилавокъ и полки съ бутылками. Въ глубинѣ дверь, ведущая наружу. Надъ нею снаружки виситъ красный, засаленный фонарикъ. Полъ и скамьи, стоящія у стѣнъ, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многіе, за неимѣніемъ мѣста, спятъ сидя. Глубокая ночь. При поднятіи занавѣса слышится громъ и въ дверь видна молнія.

ЯВЛЕНИЕ I

За прилавкомъ Тихонъ. На одной изъ скамей, развалиясь, полудрежитъ Феда и тихо наигрываетъ на гармоникѣ. Около него сидитъ Борцовъ, одѣтый въ поношенное лѣтнее платье. На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна.

Ефимовна (Назаровнѣ). Потолкай-ка, мать, старца! Словно, никакъ Богу душу отдаетъ.

Назаровна (*поднимая съ лица Саввы край ссрыага*). Божій человекъ, а Божій человекъ! Живъ ты, аль ужъ померъ?

Савва. Зачѣмъ померъ? Жить, матушка! (*Приподнимаясь на локотѣ*) Укрой-ка мнѣ, убогонькая, ноги! Вотъ такъ. Правую больше. Вотъ такъ, матушка. Дай Богъ здоровья! Назаровна (*прикрывая Савву ноги*). Спи, батюшка!

Савва. Какой ужъ тутъ сонъ? Было бѣ терпѣнье муку эту перенести, а спаны, матушка, хоть и не надо. Не достоинъ грѣшникъ покой имѣть. Это что шумить, богомолочка?

Назаровна. Грозу Богъ посылаетъ. Вѣтеръ воетъ, а дождикъ такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. По крышѣ и въ стекла словно горошкомъ дробненькимъ. Чуешь? Разверзлись хлѣби небесныя... (*Громъ*). Святъ, святъ, святъ...

Бедя. И гремитъ, и гудитъ, и шумитъ, и конца краю нѣтъ! Гууу... словно дѣсь шумитъ... Гууу... Вѣтеръ какъ собака воетъ... (*Ежится*). Холодно! Одежа мокрая, хоть возьми да выжми, двери настѣжь... (*Тихо наигрываетъ*). Размокла моя гармонія, православные, никакой музыки нѣтъ, а то бы я вамъ такую концерту отшпандорилъ, что держись шапка! Великолѣпно! Кадрель ежели, или полку, положимъ... или какой русскій куплестецъ... все это мы можемъ. Въ городѣ, когда въ коридорныхъ при грандъ-ателѣ состояли, денегъ не нажилъ, а въ разсужденіи гармоніи все ноты превозмошелъ. И на гитарѣ умѣю.

Голосъ изъ угла. Дуракъ, дурачкія и рѣчи.

Бедя. Отъ дурака слышу. (*Пауза*).

Назаровна (*Савву*). Тебѣ бы, старикъ, таперича въ теплѣ полежать, пожку-то погрѣть. (*Пауза*). Старикъ! Человекъ Божій! (*Толкаетъ Савву*). Ай помирать собираешься?

Бедя. Ты бы, дѣдусъ, водочки выпилъ. Ты выпьешь, а оно въ животѣ погоритъ, погоритъ, да отъ сердца и оттянетъ малость. Выпей-ка!

Назаровна. Не бахвальничай, паренъ! Старикъ, можетъ, душу Богу отдаетъ да о грѣхахъ кается, а ты слова такія, да съ гармоніей... Брось музыку-то! Глаза безстыжіе!

Бедя. А ты чего къ нему пристала? Ему не въ ночь, а ты... бабки глупости... Онъ изъ праведности не можетъ тебѣ грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что онъ тебя, дуру, слушаетъ... Спи, дѣдусъ, не слушай! Пушай болтаетъ, а ты наплюй. Бабій языкъ—чортова помело, вымететъ изъ дому хитреца и мудреца. Наплюй... (*Вле-*

еживаетъ руками). Да и худой же ты, братецъ ты мой! Страсть! Чисто какъ ни па есть мертвый шкелеть! Пива-кой живности! Ай я впрямъ помираешь?

Савва. Зачѣмъ помирать? Избави, Господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а тамъ и поднимусь съ Божьей помощью... Не попуститъ Матерь Божія въ чужой землѣ помереть... помру дома...

Бедя. Издалече самъ?

Савва. Вологодскій. Изъ самой Вологды... мѣщанинъ тамошній...

Бедя. А гдѣ это Вологда?

Тихонъ. За Москвой... Губернія...

Бедя. Тю, тю, тю... Запесло же тебя, борода! И все пѣшкомъ?

Савва. Пѣшкомъ, паренекъ. Былъ у Тихона Задопскаго, а иду въ Святые Горы... Изъ Святыхъ Горъ, коли на то воля Господня, въ Одесю... Оттуда, сказываютъ, въ Ерусалимъ задешево отправляютъ. Будто за двадцать одинъ рубль...

Бедя. А въ Москвѣ былъ?

Савва. Эва! разовъ пять...

Бедя. Хорошій городъ? (*Закуриваетъ*). Стоящій?

Савва. Святыхъ много, паренъ... Гдѣ святыхъ много, тамъ вездѣ хорошо...

Борцовъ (*подходитъ къ прилавку и Тихону*). Еще разъ прошу! Дай, Христа ради!

Бедя. Главное въ городѣ, чтобъ чистота была... Ежели пыль—поливать, ежели грязь—чистить. Чтобъ дома высокіе были... театръ, полиція... извозчики, которые... Самъ жилъ въ городахъ, понимаю.

Борцовъ. Рюмочку... вотъ эту маленькую. Въ долгъ вѣдь! Отдамъ!

Тихонъ. Ладно.

Борцовъ. Ну, прошу! Сдѣлай милость!

Тихонъ. Стунай!

Борцовъ. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, повѣжа, если въ твоей деревянной, мужицкой головѣ есть хоть капля мозга, не я прошу, нутро, выражаясь по-твоему, по-мушкетерскому, просить! Болѣзнь моя просить! Пойми!

Тихонъ. Нечего намъ понимать... Отходи!

Борцовъ. Вѣдь если я не выпью сейчасъ, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступленіе совершить. Я Богъ знаетъ что могу сдѣлать! Ви-

дать ты, хамъ, на своемъ кабацкомъ вѣку много пьянаго люда, и неужели же ты до сихъ поръ не сумѣлъ уяснить себѣ, что это за люди? Это больные! На цѣпь ихъ сажай, бей, рѣжь, а водки дай! Ну, покорнѣйше прошу! Сдѣлай милость! Унижаюсь! Боже мой, какъ я унижаюсь!

Тихонъ. Деньги давай, тогда и водка будетъ.

Борцовъ. Гдѣ же мнѣ взять денегъ? Все пропито! Все до тла! Что же я могу тебѣ дать? Пальто вотъ только одно осталось, но дать тебѣ его я не могу... Оно на голомъ тѣлѣ... Хочешь шапку? *(Снимаетъ шапку и подаетъ ее Тихону)*.

Тихонъ *(осматривая шапку)*. Гм... Шапка шапкѣ рознь... Дыръ, словно въ рѣшетѣ...

Федя *(сѣмется)*. Дворянская! По улицѣ въ ней ходитъ да передъ мамзелями снимать. Здравсте, прощайте! Какъ поживаете?

Тихонъ *(отдаетъ Борцову шапку)*. И даромъ не надо. Навозъ.

Борцовъ. Не правится? Въ такомъ случаѣ дай въ долгъ! Буду обратно итти изъ города, занесу тебѣ твой пятакъ! Подайсь тогда этимъ пятакомъ! Подайсь! Пусть онъ у тебя попереке горла станетъ! *(Кашляетъ)*. Ненавижу!

Тихонъ *(стуча кулакомъ о прилавокъ)*. Чего присталъ? Какой-такой ты человекъ? Что за жуликъ? Зачѣмъ пришелъ?

Борцовъ. Выпить хочу! Не я хочу, болѣзнь моя хочетъ! Пойми!

Тихонъ. Не выводи меня изъ моего терпѣнья! Живо въ степи будешь!

Борцовъ. Что же мнѣ дѣлать? *(Отходитъ отъ прилавка)*. Что же дѣлать? *(Задумывается)*.

Ефимовна. Это тебя нечистый мутитъ. Ты плюнь, баринъ. Онъ тебѣ, окаинный, шепчетъ: выпей! выпей! А ты ему: не выпью! не выпью! Отстанетъ!

Федя. Въ башкѣ-то, небось—тру-ту-ту-ту... Животы подвело! *(Хохочетъ)*. Блажной ты, ваше благородіе. Ложись-ка, спи! Нечего пугаломъ посередь кабака торчать! Не огородъ нашелъ!

Борцовъ *(съ злобой)*. Молчи! Тебя не спрашиваютъ, осель!

Федя. Ты говори, говори, да не заговаривайся! Видали мы такихъ! Много васъ такихъ здѣсь по большой дорогѣ шатаются! Въ отношеніи осла, какъ звиздану тебя по уху,

такъ взвоешь пуще вѣтра. Самъ осель! Дряпъ! *(Пауза)*. Сволочь!

Назаровна. Старецъ, можетъ, молитву творить и душу Богу отдастъ, а они, нечестивцы, другъ дружку задираютъ да слова разные... Срамники!

Федя. А ты, кочерыжка, коли въ кабакъ попала, не хныкай! Въ кабакѣ и кабацкій обычай.

Борцовъ. Какъ же мнѣ быть? Что дѣлать? Какъ мнѣ дать ему понять? Какое же еще нужно краснорѣчіе? *(Тихону)* Кровь запеклась въ груди! Дядя Тихонъ! *(Плачетъ)*. Дядя Тихонъ!

Савва *(стонетъ)*. Стрѣляетъ въ ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Ефимовна. Что, батюшка?

Савва. Кто это плачетъ?

Ефимовна. Баринъ.

Савва. Попроси барина, пускай и за меня слезу прольетъ, чтобъ довелось въ Вологдѣ помереть. Слезная молитва угоднѣй.

Борцовъ. Не молюсь я, дѣдъ! Не слезы это! Сокъ! Сдавило мою душу, и сокъ течетъ. *(Садится у ногъ Саввы)*. Сокъ! Впрочемъ, не понять вамъ! Не понять, дѣдъ, моему темному разуму. Темные вы люди!

Савва. Гдѣ жъ свѣтлыхъ-то взять?

Борцовъ. Есть, дѣдъ, свѣтлые... Они бы поняли!

Савва. Есть, есть, родимый... Святые свѣтлые были... Они всякое горе понимали... Ты имъ и не говори, а они поймутъ... Въ глаза тебѣ взглянуть—поймутъ... И такое тебѣ утѣшеніе послѣ ихъ понятія, словно и горя не было—рукой сниметъ!

Федя. А ты нешто видалъ святыхъ?

Савва. Случалось, паренекъ... На землѣ всякаго народу много. Есть и грѣшники, есть и Божьи слуги.

Борцовъ. Ничего не понимаю... *(Быстро поднимается)*. Разговоры нужно понимать, а развѣ у меня теперь есть разумъ? У меня есть инстинктъ, жажда! *(Быстро подходит къ прилавку)*. Тихонъ, возьми пальто! Понимаешь? *(Хочетъ снять пальто)*. Пальто...

Тихонъ. А подъ пальтомъ что? *(Смотритъ Борцову подъ пальто)*. Голое тѣло? Не снимай, не возму... Не стану я брать грѣха на душу.

(Входитъ Мерикъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Мерикъ.

Борцовъ. Хорошо, я грѣхъ беру на себя! Согласенъ?

Мерикъ (*молча снимаетъ сермягу и остается въ поддеву. За поясомъ топоръ*). Кому холодно, а медвѣдю да непомнящему родства всегда жарко. Взопрьѣ! (*Кладетъ на полъ топоръ и снимаетъ поддеву*). Покуда изъ грязи погу вытащилъ, такъ съ тебя ведро пота стечетъ. Одну погу вытащить, а другая вязнеть.

Ефимовна. Это такъ... Родненьчій, дождикъ не меньше?

Мерикъ (*поглядѣвъ на Ефимовну*). Съ бабами не разсуждаю. (*Пауза*).

Борцовъ (*Тихону*). На себя грѣхъ беру! Да ты слышишь, или нѣтъ?

Тихонь. И слышать не желаю, отстань!

Мерикъ. Темень, словно кто легтемъ небо вымазаль. Носа не видать. А дождь въ рожу бьетъ, что твоя пурга! (*Беретъ въ охапку одежду и топоръ*).

Евдѣя. Для вашего брата, жулика, это—первое дѣло. Звѣрь хищный прячется, а вамъ праздникъ, шутамъ.

Мерикъ. Который человѣкъ говорить эти слова?

Евдѣя. Погляди... чай, не повылазило.

Мерикъ. Такъ и запишемъ... (*Подходитъ къ Тихону*). Здорово, мордастый! Аль не спознать?

Тихонь. Коли ежели васъ всѣхъ пьяницъ спознавать, что по большой дорогѣ ходять, такъ для этого самого во лбу, почитай, десять дыръ надо.

Мерикъ. А ты погляди... (*Пауза*).

Тихонь. А и то спозналъ, скажи на милость. По глазцамъ спозналъ! (*Подаетъ руку*). Андрей Поликарповъ?

Мерикъ. Былъ Андрей Поликарповъ, а нынче, почитай, Егоръ Мерикъ.

Тихонь. Зачѣмъ такъ?

Мерикъ. Какой билетъ Богъ послалъ, такъ и обозначаюсь. Мѣсяца два, какъ Мерикъ... (*Громъ*). Ррр... Грени, не испужался! (*Осматривается*). Борзыхъ тутъ нѣту?

Тихонь. Какіе борзые. Все больше мошка да комары... Народъ мякенькій... Борзые теперича, чай, на перинахъ дрыхнуть... (*Громъ*). Православные, стерегите карманы да одежонку, коли жалко. Лихой человѣкъ! Скрадетъ!

Мерикъ. Ну, деньжонки пушай берегутъ, ежели есть, а касательно одежи—не трону. Братъ некуда.

Тихонь. Куда нелегкая несетъ?

Мерикъ. Въ Кубань.

Тихонь. Эва!

Евдѣя. Въ Кубань? Ей-Богу? (*Приподнимается*). Славы мѣста. Такой, братцы, край, что и во снѣ не увидишь, хоть три года спи. Приволье. Сказываютъ, птицы этой самой, дичи, звѣрья всякаго и—Боже ты мой! Трава круглый годъ растетъ, народъ—душа въ душу, земли дѣвать некуда! Начальство, сказываютъ... мнѣ напередъ одинъ солдатикъ сказывалъ... даетъ по сто десятинъ на рыло. Счастье, побей меня Богъ!

Мерикъ. Счастье... Счастье за спиной ходить... Его не видать. Коли локоть укусишь, и счастье увидишь... Одна глупость... (*Оглядывается скамьи и народъ*). Словно прирвалъ арестантскій... Здорово, нужда!

Ефимовна (*Мерикю*). Глазища-то какіе злющіе!.. Въ тебѣ, паренъ, ворогъ сидитъ... Ты на насъ не гляди...

Мерикъ. Здорово, бѣднота!

Ефимовна. Отвернись! (*Толкаетъ Савву*). Саввушка, на насъ злой человѣкъ глядитъ. Испортить, родименькій. (*Мерикю*) Отвернись, говорю, аспидъ!

Савва. Не тронетъ, матушка, не тронетъ... Не попуститъ Богъ.

Мерикъ. Здорово, православные! (*Пожимаетъ плечами*). Молчать! Вѣдь не спите же, косопаны! Чего же молчите?

Ефимовна. Отверни глазища-то! Гордыню бѣсовскую отверни!

Мерикъ. Молчи ты, старая корга! Не гордыней бѣсовской, а лаской и словомъ добрымъ хотѣлъ почестъ долю горькую! Слово мухи жметесь отъ холода—пу, жалко стало, хотѣлъ доброе слово вымолвить, ну, приглубить, а вы рожки воротите! Чтѣ жъ? И не надо! (*Подходитъ къ Евдѣе*). Изъ какихъ будете?

Евдѣя. Тутешніе, Хамоньевскіе заводскіе. Съ кирпичныхъ заводовъ.

Мерикъ. Встань-ка-съ.

Евдѣя (*приподнимаясь*). Ну?

Мерикъ. Вставай. Совсѣмъ вставай, я тутъ лягу...

Евдѣя. То-ись... Твое мѣсто, что ли?

Мерикъ. Мое. Поди ложись на-земь!

Евдѣя. Проходи, прохожий... Не испужался...

Мерикъ. Приткѣй... Ну, ступай, не разговаривай! Пляхъ! а будешь, глупый человѣкъ.

Тихонъ (Оедъ). Не прекословь ему, парень. Наптой.

Оедя. Какую ты имѣешь полную праву? Вытаращилъ свои щучьи глазница и думаешь—испужался! (Собираетъ свой скарбъ въ охапку, идетъ и постылаетъ себя на полу). Чортъ! (Ложится и укрывается съ головой).

Мерикъ (постылаетъ себя на скамью). Стало быть, не видалъ ты чорта, коли меня обзываетъ. Черти не такіе. (Ложится и кладетъ рядомъ съ собой топоръ). Ложись, топорикъ, братикъ... дай я тебѣ топорнице укрою.

Тихонъ. Топоръ гдѣ взялъ?

Мерикъ. Укралъ... Укралъ, а теперь вотъ и пошусь съ нимъ, какъ съ писаной торбой: и бросать жалко и дѣвать некуда. Какъ жена постылая... Да... (Укрывается). Черти, братъ, не такіе...

Оедя (высовывая голову изъ-подъ сермаги). А какіе?

Мерикъ. Они какъ парь, духъ... Дунуть вотъ (дуетъ), такіе и они. Видѣть ихъ невозможно.

Голосъ изъ угла. Ежели подъ борону сѣсть, такъ увидишь.

Мерикъ. Сидѣлъ, — не видалъ... Бабы врутъ да глупые мужики... Ни чорта не увидишь, ни лѣшаго, ни мертвеца... Глазъ не такъ сотворенъ, чтобы все увидеть можно было... Когда малъ былъ, нарочито по ночамъ въ лѣсъ ходилъ лѣшаго поглядѣть... Кричу, кричу, бывало, что есть духу, зову лѣшаго и глазами не моргаю: пустякъ ра ный мерещится, а лѣшаго не видать. На погостъ по ночамъ ходилъ, мертвецовъ желать видѣть — врутъ бабы. Звѣрье всякое видывалъ, а что насчетъ страшнаго — накося выкуси. Глазъ не тотъ...

Голосъ изъ угла. Не говори, бываетъ такъ, что и увидишь... Въ нашей деревнѣ потрошилъ одинъ мужикъ кабана... Распороть эста требуху, а отсюда какъ выскочить!

Савва (приподнимаясь). Ребятюшки, не поминайте вы нечистаго! Грѣхъ, милые!

Мерикъ. Ааа... сѣдая борода! Шкилетъ! (Смѣется). Не надо и на погостъ итить, свои мертвецы изъ-подъ пола вылѣзаютъ наставленія читать... Грѣхъ... Не съ вашимъ глупымъ понятіемъ людей наставлять! Народъ вы темный, въ невѣжествѣ... (Закуриваетъ трубку). Отецъ мой былъ мужикъ и тоже любилъ, бывало, наставлять. Накралъ разъ у попа ночью мѣшокъ яблокъ, приносить намъ да и наставляетъ: „Вы же, ребята, глядите, до Спаса не лопайте яблокъ, потому грѣхъ“... Такъ и вы... Чорта вспоминать нельзя, а чертить можно... Къ примѣру, хоть эту вотъ коргу

взять (указываетъ на Ефимовну). Во мнѣ врага увидѣла, а, небось, сама на своемъ вѣку изъ-за женскихъ глупостей разъ пять чорту душу отдавала.

Ефимовна. Тѣфу, тѣфу, тѣфу... Съ нами крестная сила! (Закрываетъ лицо руками). Саввушка!

Тихонъ. Зачѣмъ пужаешь? Обрадовался! (Дверь хлопаетъ отъ вѣтра). Господи Іисусе... Вѣтеръ-то, вѣтеръ!

Мерикъ (потягивается). Эхъ, силищу бы свою показать! (Дверь хлопаетъ отъ вѣтра). Съ... вѣтромъ бы съ эфтимъ помѣряться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабакъ съ корнемъ вырву! (Встаетъ и ложится). Тоска!

Назаровна. Молитву сотвори, идолъ! Чтѣ мечешься?

Ефимовна. Не трожь его, чтобы ему пусто! Опять на насъ глядитъ! (Мерикъ) Не гляди, злой человѣкъ! Глаза-то, глаза, словно у бѣса передъ заутреней!

Савва. Пуцай глядитъ, богомолочки! Молитву творите, глазъ и не пристанетъ...

Борцовъ. Нѣтъ, не могу! Выше силъ моихъ! (Подходитъ къ прилавку). Послушай, Тихонъ, въ послѣдній разъ прошу... Поль-рюмки!

Тихонъ (качаетъ отрицательно головой). Деньги!

Борцовъ. Боже мой, да вѣдь я уже сказалъ тебѣ! Все пропито! Откуда же я возьму тебѣ? И неужто ты разоришься, если дашь мнѣ въ долгъ каплю водки? Рюмка водки стоить тебѣ грошъ, меня же избавить она отъ страданій! Страдаю! Не блажь тутъ, а страданіе! Пойми!

Тихонъ. Поди рассказывай кому другому, а не мнѣ... Ступай, проси вонъ у православныхъ, пуцай подносить тебѣ Христа-ради, ежели желаютъ, а я Христа-ради только хлѣбъ подаю.

Борцовъ. Дери ты съ нихъ, бѣдняковъ, а я ужъ... извини! Не мнѣ ихъ обирать! Не мнѣ! Понимаешь? (Стучитъ кулакомъ о прилавокъ). Не мнѣ! (Пауза). Гм... постоите же... (Оборачивается къ богомольцамъ). А вѣдь это идея, православные! Пожертвуйте пятачишко! Нутро просить. Боленъ!

Оедя. Ишь ты, пожертвуйте... Жуликъ... А водицы не хочешь?

Борцовъ. Какъ я унижаюсь! Какъ унижаюсь! Не надо! Ничего мнѣ не надо!.. Я шутилъ!

Мерикъ. Не выпросишь у него, баринъ... Извѣстный жидъ... Пстой, у меня гдѣ-то пятачишко валялся... Оба стакашку выпьемъ... на пополамъ... (роется въ карманахъ). Чортъ... застрялъ гдѣ-то... Кажись, намедни что-то звякало

въ карманѣ... Нѣтъ, нѣту... Нѣту, братъ! Счастье твое такое! *(Пауза)*.

Борцовъ. Не выпить мнѣ нельзя, иначе я преступленіе совершу или на самоубійство рѣшусь... Что же дѣлать, Боже мой! *(Глядитъ въ дверь)*. Уйти развѣ? Пойти въ эти потемки, куда глаза глядятъ...

Мерикъ. Что же вы, богомолочки, ему наставленіе не прочтете? А ты, Тихонъ, отчего его наружу не выгонишь? Вѣдь онъ не заплатилъ тебѣ за ночлегъ. Гони его, толкай въ шею! Эхъ, жестокій нынче народъ. Нѣтъ въ немъ мягкости и доброты... Лютый народъ! Тонетъ человѣкъ, а ему кричатъ: „тони скорѣй, а то глядѣть некогда, день рабочий“. А про то, чтобъ ему веревку бросить, и толковать нечего... Веревка деньги стоитъ...

Савва. Не осуждай, добрый человѣкъ!

Мерикъ. Молчи, старый волкъ! Лютый вы народъ! Ироды! Душепродавцы! *(Тихону)* Пошелъ сюда, сними мнѣ сапоги! Живо!

Тихонъ. Экъ, расходился! *(Смѣется)*. Ужаси!

Мерикъ. Пошелъ, тебѣ говорить! Живо! *(Пауза)*. Слышишь ты, аль нѣтъ? Стѣнамъ говорю? *(Поднимается)*.

Тихонъ. Ну, ну... будетъ...

Мерикъ. Я желаю, живодеръ, чтобы ты у меня, у нищаго бродяги, сапоги снялъ.

Тихонъ. Ну, ну... не серчай! Поди, стаканчикъ выпей... Иди, выпей!

Мерикъ. Люди, чего я желаю? Чтобы онъ меня водкой угощалъ, или чтобы сапоги снялъ? Нешто я оговорился, не такъ сказалъ? *(Тихону)* Ты, стало-быть, не разслышалъ? Пожужу минутку, авось разслышишь.

(Между богомольцами и прохожими нѣкоторое волненіе. Приподнимаются и глядятъ на Тихона и Мерика. Молчаливое ожиданіе).

Тихонъ. Нелегка тебя принесла! *(Выходитъ изъ-за прилавка)*. Баринъ какой нашелся! Ну, давай, что ли? *(Снимаетъ съ Мерика сапоги)*. Канново отродье...

Мерикъ. Вотъ такъ. Поставь ихъ рядомъ... Вотъ такъ... Ступай!

Тихонъ *(снявши сапоги, идетъ за прилавокъ)*. Больно ты любишь мудрить! Помудри еще у меня, такъ живо изъ кабака вылетишь! Да! *(Подходящему Борцову)* Ты опять?

Борцовъ. Видишь ли, я, пожалуй, могу дать тебѣ одну золотую вѣщь... Изволь, если хочешь, я тебѣ дамъ...

Тихонъ. Чего трясешься? Говори толкомъ!

Борцовъ. Хотя это подло и мерзко съ моей стороны, но что же дѣлать? Я рѣшаюсь на эту мерзость, будучи невмѣняемъ... Меня и на судѣ оправдали бы... Возьми, но только съ условіемъ: возврати мнѣ потомъ, когда буду обратно изъ города итти. Даю тебѣ при свидѣтеляхъ... Господа, вы будьте свидѣтелями! *(Достаетъ изъ-за пазухи золотой медальонъ)*. Вотъ онъ... Портретъ надо бы вынуть, да некуда мнѣ его положить: я весь мокрый... Ну, грабь съ портретомъ! Только вотъ что... ты тово... пальцами не прикасайся къ этому лицу... Прошу... Я, голубчикъ, былъ грубъ съ тобою... глупъ, но ты извини и... не трогай пальцами... Не гляди своими глазами на это лицо... *(Подаетъ Тихону медальонъ)*.

Тихонъ *(разсматриваетъ медальонъ)*. Краденые часики... Ну, да ладно, пей... *(Наливаетъ водки)*. Трескай...

Борцовъ. Только ты пальцами... не тово... *(Пьетъ медленно, съ судорожной разстановкой)*.

Тихонъ *(открываетъ медальонъ)*. Гм... мадама!.. Откуда это ты подцѣпилъ такую?

Мерикъ. А покажь-ка! *(Встаетъ и идетъ къ прилавку)*. Дай-ка поглядѣть!

Тихонъ *(отстраняетъ его руку)*. Куда лѣзешь? Изъ рукъ гляди!

Феда *(поднимается и идетъ къ Тихону)*. Дай-ка-съ и я погляжу! *(Къ прилавку подходятъ съ разныхъ сторонъ странники и прохожіе. Группа)*.

Мерикъ *(крѣпко обѣими руками держитъ руку Тихона съ медальономъ и молча смотритъ на портретъ. Пауза)*. Красивая дьяволица. Изъ барынь...

Феда. Изъ барынь... Щеки этта, глаза... Оттопырь руку-то, не видать. Волосы по самый поясъ... Чисто какъ живая! Говорить собирается... *(Пауза)*.

Мерикъ. Для слабаго человѣка это первая гибель. Сядетъ этакая верхомъ на шею и... *(машетъ рукой)* и — крышка тебѣ! *(Слышенъ голосъ Кузьмы: „Тпру... Стой, тетеря!“ Входитъ Кузьма)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Кузьма.

Кузьма *(входитъ)*. Стоитъ кабачокъ на пути — ни проѣзжать ни пройти. Мимо отца родного днемъ поѣдешь, не

примѣтишь, а кабакъ и въ потемкахъ за сто версть видать. Разступись, кто въ Бога вѣруетъ! Ну-ка-ся *(стучитъ пятакомъ о прилавокъ)*. Стаканъ мадеры настоящей! Живо!

Бедя. Ишь ты, чортъ верченый!

Тихонъ. Руками-то не размахивай! Зацѣпишь!

Кузьма. На то онъ и отъ Бога даденъ, чтобы ими размахивать. Растаяли, сахарные, тетка ваша подкуратина! Дождя испугались, нѣжные! *(Пьетъ)*.

Ефимовна. Испугаешься, добрый человекъ, коли на пути такая ночь захватить. Таперича, слава Богу, благодать, по дорогамъ деревень и дворовъ много, есть гдѣ отъ погоды уйти, а допрежь и не приведи, Создатель, что было! Сто версть пройдешь и не токмо что деревни или двора, щепочки не узришь. Такъ и почувешь на землѣ...

Кузьма. А давно, баба, на свѣтъ маешься?

Ефимовна. Восьмой десятокъ, батюшка.

Кузьма. Восьмой десятокъ! Скоро доживешь до вороньяго вѣка. *(Глядитъ на Борцова)*. А это что за изюмина? *(Глядитъ въ упоръ на Борцова)*. Баринъ!

Борцовъ *(узнаетъ Кузьму и, сконфузившись, идетъ въ уголъ и садится на скамью)*.

Кузьма. Семень Сергѣевичъ! Да это вы, или не вы? А? Съ какой-токой стати вы въ этомъ кабакъ? Нешто вамъ тутъ мѣсто?

Борцовъ. Молчи!

Мерикъ *(Кузьмѣ)*. Кто это?

Кузьма. Мученикъ несчастный. *(Нервно ходитъ около прилавка)*. А? Въ кабакъ, скажи на милость! Оборванный! Пьяный! Я встревожился, братцы... Встревожился... *(Говоритъ Мерика поцупотомъ)* Это нашъ баринъ... нашъ помѣщикъ, Семень Сергѣичъ, господинъ Борцовъ... Видаль, въ какомъ видѣ? На какого человека онъ похожъ тапера? То-то вотъ... пьянство до какой степени... Налей-ка-сь! *(Пьетъ)*. Я изъ его деревни, изъ Борцовки, можетъ, слышали, за двѣсти версть отседа, въ Ерговекомъ уѣздѣ. Крѣпостными у его отца были... Жалость!

Мерикъ. Богатый былъ?

Кузьма. Большой...

Мерикъ. Профуфырить отцовское-то?

Кузьма. Нѣтъ, судьба, другъ милый... Господинъ былъ большой, богатый, тверезый... *(Тихону)* Чай, самъ, небось, видывалъ, какъ, бывалыча, тутъ мимо кабака въ городъ

ѣзживалъ. Лошади барскія, шустрыя, коляска лесорная — первый сортъ! Пять троекъ держалъ, братецъ ты мой... Лѣтъ пять назадъ, помню, ѣдетъ тутъ черезъ Микишкинскій паромъ и замѣсто пятака рупь выкидываетъ... Некогда, говоритъ, мнѣ сдачу ждатель... В-во!

Мерикъ. Ума, стало-быть, рѣшился.

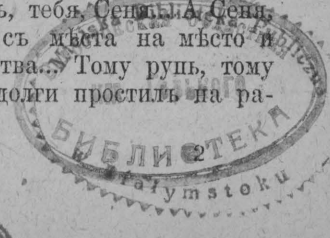
Кузьма. Словно какъ будто умъ и при немъ... Изъ малодушества все вышло! Съ жиру. Первое дѣло, ребята, изъ-за бабы... Полюбилъ онъ, сердешный, одну городскую, и представилось ему, что краше ея на всемъ свѣтѣ нѣтъ... Полюбила ворона пуще ясна сокола. Изъ благородныхъ дѣвушка. Не то чтобы какая безпутная или что, а такъ... вертуха... хвостомъ — вертъ! Глазами — шурь! шурь! И все смѣется, и все смѣется! Никакого ума... Барамъ это ндравится, по-ихнему умная, а по-нашему, по-мужицкому — взялъ бы да со двора прогналъ... Ну... полюбилась и — пропадай ты, доля барская! Сталъ съ ней хороудиться, то да се, чай да сахаръ, прочее... на лодкахъ всю ночь ѣздютъ, на фортепьянахъ...

Борцовъ. Не рассказывай, Кузьма! Къ чему? Какое имъ дѣло до моей жизни?

Кузьма. Извините, ваше высокоблагородіе, я только самую малость... Разказалъ имъ, и будетъ съ нихъ... Я малость, потому встревожился... Очень ужъ я встревожился. Налей-ка-сь! *(Пьетъ)*.

Мерикъ *(поцупотомъ)*. А она его любила?

Кузьма *(поцупотомъ, который постепенно переходитъ въ обыкновенную рѣчь)*. Какъ не любить? Баринъ не пустяковый... Полюбишь, коли ежель тыща десятинъ, да денегъ куръ не клюють... Самъ-то солидный, саовитый, тверезый... каждого начальства все одно, какъ вотъ я тебя сейчасъ... за ручку... *(беретъ Мерика за руку)* „здрате и прощайте, милости просимъ“... Ну, прохожу однажды, это самое, вечеромъ, черезъ садъ господскій... садъ-то, братъ, вво! верстами мѣрий... иду потихоньку, смотрю это, а они сидятъ на лавочкѣ и другъ дружку *(изображаетъ звукъ поцѣлуя)* цѣлуютъ. Онъ ее разъ, она, змѣя, его два... Онъ ее за бѣду ручку, а она вся — всыхъ! и жметъ, такъ и жметъ къ нему, чтобъ ей... Люблю, говорить, тебя, Семень! Семень! какъ окаленный человекъ, ходитъ съ мѣста на мѣсто и счастьемъ похвывается съ малодушества... Тому рупь, тому два... Мнѣ на лошадь далъ. Всемъ долги простилъ на радостяхъ...

Борцовъ. Ахъ... Ну къ чему рассказывать? У этого народа никакого сожалѣнія... Больно вѣдь!

Кузьма. Я малость, баринъ! Простютъ! Отчего чуточку не рассказывать? Ну, ну, я не буду, ежели сердчаете... Не буду... Мнѣ пловать на нихъ...

(Слышны почтовые звонки).

Веда. Ты не ори, потихоньку...

Кузьма. Я и такъ потихоньку... Не велить, ничего не подблещь... Да и рассказывать больше нечего. Повѣчались — вотъ и все... Больше ничего и не было. Налей-ка съ Кузьмѣ безсеребреннику! (Пьетъ). Не люблю пьянства! Въ самый разъ, когда господамъ, послѣ вѣнца, за ужинъ садиться, она возьми да и убѣги въ каретъ (шопотомъ)... Въ городъ къ аблакату дѣрнула, къ полюбовнику... А? Какова? Въ самый настоящий моментъ! То-ись... убить мало!

Мерикъ (задумчиво). Да... Ну что же дальше?

Кузьма. Очумѣлъ... Вотъ, какъ видишь, сталъ зашибать муху и нонѣ, сказываютъ, до шмеля дошелъ... То были мухи, а теперь — шмель... И до сей поры любить. Погляди: любить! Должно, идетъ таперъ пѣшкомъ въ городъ на нее однимъ глазкомъ взглянуть... Взглянетъ и — назадъ...

(Къ кабаку подбѣгаетъ почта. Почтальонъ взходитъ и пьетъ).

Тихонъ. А нынче запоздала пошта!

(Почтальонъ молча расплачивается и уходитъ. Почта со звономъ уѣзжаетъ).

Голосъ изъ угла. Въ такое ненастье пошту ограбить — разъ плюнуть.

Мерикъ. Жилъ на свѣтѣ 35 лѣтъ и ни разу пошты не грабилъ. (Пауза)... Таперъ уѣхала, поздно... Поздно...

Кузьма. Каторги понюхать желательно?

Мерикъ. Люди грабятъ, не нюхаютъ. Да хотъ и каторга! (Рѣзко) Дальше что?

Кузьма. Ты про несчастнаго?

Мерикъ. А то про кого же?

Кузьма. Второе дѣло, братцы, откуда разоренье пошло — зять, сестринъ мужъ... Вздумалъ онъ за зятя въ банковомъ обществѣ поручиться... тысячъ на тридцать... Зять любить зять... извѣстно, знаетъ шельма свой интересъ и ухомъ своимъ свиннымъ не ведеть... Взялъ, а платить не падотъ... Нашъ такъ и заплатилъ всѣ тридцать (вздыхаетъ). Глупый человѣкъ за глупость и муки терпитъ. Жена съ аблакатомъ дѣтей прижила, а зять около Пол-

тавы имѣнье купилъ, нашъ же, какъ дуракъ, по кабакамъ ходитъ, да нашему брату мужику жалится: „Потерялъ я, братцы, вѣру! Не въ кого мнѣ теперь, это самое, вѣрить!“ Малодушество! У всякаго человѣка свое горе бываетъ, зябей за сердце сосетъ, такъ и пить, значить? Взять, къ примѣру, хотъ нашего старшину. Жена къ себѣ учителя среди бѣла дня водить, мужнины деньги на хмель изводить, а старшина ходитъ себѣ да усмѣшки на лицѣ дѣлаетъ... Поссунулся только малость...

Тихонъ (вздыхаетъ). Кому какую Богъ силу дать...

Кузьма. Сила разная бываетъ, это правильно... Ну? Сколько тебѣ? (Расплачивается). Забирай кровный! Прощай, ребята! Спокойной вамъ ночи, пріятнаго сна! Вѣгу, пора... Акушерку къ барынѣ изъ больницы везу... Чай, заждалась сердешная, размокла... (Убѣгаетъ).

Тихонъ (послѣ паузы). Эй, ты! Какъ васъ? Несчастный человѣкъ, иди выпей! (Наливаетъ).

Борцовъ (подходитъ нерешительно къ прилазку и пьетъ). Значить, теперь я тебѣ за два стакана долженъ.

Тихонъ. Какой ужъ тутъ долгъ? Пей — вотъ и все. Заливай горе бѣдой!

Веда. Выпей, баринъ, и мое! Эхъ! (Бросаетъ пятакъ на прилазокъ). Пить — помирать и не пить — похирать. Безъ водки хорошо, а съ водкой, ей-Богу, вольготнѣй! При водкѣ и горе не горь... Жарь!

Борцовъ. Фу! Горячо!

Мерикъ. Дай-ка сюда! (Беретъ у Тихона медальонъ и разсматриваетъ портретъ). Гм... Послѣ вѣнца ушла... Какова?

Голосъ изъ угла. Нацѣди-ка ему, Тиша, стаканчикъ. Пусть и мое выпьетъ!

Мерикъ (съ силой бьетъ медальономъ о полъ). Проклятая! (Быстро идетъ на свое мѣсто и ложится лицомъ къ стѣнѣ).

(Волненіе).

Борцовъ. Это что же? Что же это такое? (Поднимаетъ медальонъ). Какъ ты смѣешь, скотина? Какое ты имѣешь право? (Плаксиво) Ты хочешь, чтобы я тебя убилъ? Да? Мужикъ! Невѣжа!

Тихонъ. Будетъ, баринъ, сердчать... Не стеклянное, не разбилось... Выпей-ка еще, да спать... (Наливаетъ). Заслушался васъ тутъ, а давно ужъ пора кабакъ запираетъ. (Идетъ и запираетъ наружную дверь).

Борцовъ (пьетъ). Какъ онъ смѣетъ? Этакій вѣдь дуракъ! (Мерикъ) Понимаешь? Ты дуракъ, оселъ!

Савва. Ребятунки! Почтенные! Положите храненіе устномъ! Какая польза отъ шума? Дайте спать людямъ!

Тихонъ. Ложитесь, ложитесь... Будетъ вамъ! (Идетъ за прилавокъ и запираетъ ящикъ съ выручкой). Спать пора!

Федя. Пора! (Ложится). Приятнаго сна, братцы!

Мерикъ (встаетъ и постилаетъ на скамью полушубокъ). Иди, баринъ, ложись.

Тихонъ. Ты же гдѣ ляжешь?

Мерикъ. Гдѣ придется... Хотя и на полу... (Постилаетъ сержагу на полу). Мнѣ все равно. (Кладетъ рядомъ съ собой топоръ). Ему на полу спать мука... Привыкъ къ шелку, да къ ватѣ...

Тихонъ (Борцову). Ложись, ваше благородіе! Будетъ тебѣ на портретъ глядѣть. (Тушитъ свѣчу). Брось ты ее!

Борцовъ (пошатываясь). Гдѣ же мнѣ лечь?

Тихонъ. На бродягино мѣсто! Чай, слыхалъ, уступаетъ тебѣ!

Борцовъ (подходитъ къ уступленному мѣсту). Я тово... опьянѣлъ... Это... что же? Тутъ мнѣ ложиться? А?

Тихонъ. Тутъ, тутъ, не бойся, ложись... (Растягивается на прилавокъ).

Борцовъ (ложится). Я... пьянъ... Все кругомъ... (Открываетъ медальонъ). Свѣчки у тебя нѣтъ? (Пауза). Ты, Маша, чудачка... Глядишь на меня изъ рамочки и смѣешься... (смѣется). Пьяный! А развѣ надъ пьянымъ можно смѣяться? Ты пренебреги, какъ говоритъ Счастливецъ, и, полюби пьянаго.

Федя. Вѣтеръ-то какъ воетъ! Жутко!

Борцовъ (смѣется). Какая ты... Развѣ можно такъ кружиться? Тебя не поймашь!

Мерикъ. Бредить. На портретъ заглядѣлся. (Смѣется). Комиссія! Образованные господа всякія машины и лѣкарства выдумывали, а нѣтъ еще того умнаго человѣка, чтобы нашелъ лѣкарство отъ женскаго пола... Ищутъ, какъ бы всё болѣзни лѣчить, а того и вдоmekъ не берутъ, что отъ бабы народа пропадаетъ больше, чѣмъ отъ болѣзней... Лукавы, сребролюбы, немилостивы, никакого ума... Свекровь изводитъ невестку, невестка коровить, какъ бы облукать мужа... И конца нѣтъ...

Тихонъ. Натренили ему бабы вихоръ, вотъ онъ и топчется.

Мерикъ. Не я одинъ. Спокойнъ вѣка, пока міръ стоитъ, люди плачутся... Не даромъ и не зря въ сказкахъ да пѣсняхъ чорта съ бабой на одну линію ставятъ... Не даромъ! Хотя наполовину да правда... (Пауза). Баринъ вонъ дурака ломаетъ, а я нешто отъ большого ума въ бродяги пошелъ, отца-мать бросилъ?

Федя. Бабы?

Мерикъ. Тоже, какъ вотъ и баринъ... Ходилъ, какъ окаянный, завороченный, счастьемъ похвалялся... день и ночь какъ въ огнѣ, а пришла пора, открылъ глаза... Не любовь была, а одно только обманство...

Федя. Что жъ ты ей сдѣлалъ?

Мерикъ. Не твое дѣло... (Пауза). Убилъ, думаешь? Руки коротки... Не то что убитъ, но еще и пожалѣнъ... Живи ты и будь ты... счастлива! Не видали бы только тебя мои глаза, да забыть бы мнѣ тебя, змѣя подколотная! (Стучитъ въ дверь).

Тихонъ. Кого-то черти принесли... Кто тамъ? (Стучитъ). Кто стучитъ? (Встаетъ и подходитъ къ двери). Кто стучитъ? Проходи, заперто!

Голосъ за дверью. Впусти, Тихонъ, сдѣлай милость! Рессора въ каретѣ лопнула! Помоги, будь отцомъ роднымъ! Веревочкой бы только обвязать, а потомъ ужъ какъ-нибудь доѣхали бы...

Тихонъ. Кто ѣдетъ?

Голосъ за дверью. Барыня ѣдетъ изъ города въ Варсонофьево... Пять верстъ только осталось... Помоги, сдѣлай милость!

Тихонъ. Поди, скажи барынѣ, коли дастъ десять рублей, такъ и веревка будетъ и рессору починимъ...

Голосъ за дверью. Взбѣсился ты, что ли? Десять рублей! Собака ты бѣшеная! Радъ людскому горю!

Тихонъ. Какъ знаешь... Не хочешь и не нужно...

Голосъ за дверью. Ну, да ладно, погоди. (Пауза). Барыня сказала: хорошо.

Тихонъ. Милости просимъ! (Отворяетъ дверь и выпускаетъ кучера).

ЯВЛЕНІЕ IV

Тѣ же и кучеръ.

Кучеръ. Здорово, православные! Ну, давай веревку! Скорѣй! Ребята, кто пойдетъ, поможетъ? На чай перенадетъ!

Тихонъ. Нечего тамъ на чай... Пушай дрыхнуть, вдвоемъ справимся.

Кучерь. Фу! измаялся весь! Холодно, въ грязи, ни одного сухого мѣста... Вотъ чтѣ еще, милый... Нѣтъ ли у тебя здѣсь комнатки, барыня погрѣться? Карету покривило на бокъ, сидѣть никакъ невозможно...

Тихонъ. Какой еще тамъ комнаты захотѣла? Пушай здѣсь грѣется, коли озябла... Найдемъ мѣсто. *(Подходитъ къ Борцоу и очищаетъ около него мѣсто)*. Вставайте, вставайте! Повалийтесь часикъ на полу, покада барыня погрѣется. *(Борцоу)* Привстанъ-ка, ваше благородіе! Посиди! *(Борцовъ приподнимается)*. Вотъ тебѣ и мѣсто. *(Кучерь выходитъ)*.

Федя. Вотъ вамъ и гостыя, шутъ се принесъ! Таперь до свѣта не уснешь.

Тихонъ. Жалко, что я пятнадцати не запросилъ... Дата бы... *(Останавливается передъ дзверью въ ожидательной позѣ)*. Вы же, народъ, поделикатнѣй... Не говорите словъ... *(Входятъ Марья Егоровна и за нею кучерь)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Марья Егоровна и кучерь.

Тихонъ *(кланяется)*. Милости просимъ, ваше сіятельство! Жилъ наше мужицкое, тараканье. Не побрезгуйте!

Марья Егоровна. Я тутъ ничего не вижу... Куда же мнѣ итти?

Тихонъ. Сюда, ваше сіятельство! *(Ведетъ ее къ мѣсту около Борцова)*. Сюда, милости просимъ! *(Дуетъ на мѣсто)*. Комнатки у меня отдѣльной, извините, нѣту, но вы, сударыня, не сомнѣвайтесь: народъ хорошій, тихій...

Марья Егоровна *(садится рядомъ съ Борцовымъ)*. Какая ужасная духота! Отворите, по крайней мѣрѣ, хоть дверь!

Тихонъ. Слушаю-съ! *(Вѣжливъ и отворяетъ настежъ дверь)*.

Мерикъ.. Народъ забьетъ, а они двери настежъ! *(Встаетъ и захлопываетъ дверь)*. Чтѣ за указчица? *(Ложится)*.

Тихонъ. Извините, ваше сіятельство, это у насъ дурачокъ... юродивенькій... Но вы не пужайтесь, не обидитъ... Только извините, барыня, я за десять рублей не согласенъ... За пятнадцать, ежели угодно.

Марья Егоровна. Хорошо, только поскорѣй.

Тихонъ. Сею минутою... Минутъ мы это самое... *(Выта-*

скиваетъ изъ-подъ прилазка веревки). Сею минутою... *(Пауза)*.

Борцовъ *(вглядывается въ Марью Егоровну)*. Маша... Маша...

Марья Егоровна *(глядя на Борцова)*. Чтѣ еще?

Борцовъ. Мари... это ты? Откуда ты?

Марья Егоровна *(узнавъ Борцова, вскрикиваетъ и отскакиваетъ на середину кабака)*.

Борцовъ *(идетъ за ней)*. Мари, это я... Я! *(Хочетъ)*. Моя жена! Мари! Да гдѣ же я нахожусь? Люди, огня!

Марья Егоровна. Отойдите прочь! Лжете, это не вы! Невозможно! *(Закрываетъ лицо руками)*. Это ложь, глупость!

Борцовъ. Голосъ, движенія... Мари, это я! Сейчасъ я перестану... быть пьянъ... Голова кружится... Боже мой! Постой, Постой... я ничего не понимаю. *(Кричитъ)* Жена! *(Падастъ къ ея ногамъ и рыдаетъ)*.

(Около супруговъ собирается группа).

Марья Егоровна. Отойдите прочь! *(Кучеру)* Денись, ѣдемъ! Я не могу здѣсь долѣе оставаться!

Мерикъ *(вскрикиваетъ и пристально вглядывается ей въ лицо)*. Партеръ! *(Хватаетъ ее за руку)*. Она самая! Эй, народъ! Жена баринова!

Марья Егоровна. Пошелъ прочь, мужикъ! *(Старается вырвать у него свою руку)*. Денись, чтѣ же ты смотришь? *(Денись и Тихонъ подбѣгаютъ къ ней и хватаютъ Мерика подъ руки)*. Это разбойничій вертепъ! Пусти же руку! Не боюсь я!.. Подите прочь!

Мерикъ. Постой, сейчасъ отпущу... Дай мнѣ сказать тебѣ одно только слово... Одно слово, чтобъ ты поняла... Постой... *(Оборачивается къ Тихону и Денису)*. Прочь вы, хамы, не держите! Не выпущу, покада слова не скажу! Постой... сейчасъ. *(Бьетъ себя кулакомъ по лбу)*. Нѣтъ, не даль Богъ разума! Не могу я тебѣ этого слова придумать!

Марья Егоровна *(вырываетъ руку)*. Поди ты прочь! Пьяницы... ѣдемъ, Денись! *(Хочетъ итти къ двери)*.

Мерикъ *(загораживаетъ ей дорогу)*. Ну, погляди ты на него хоть однимъ глазомъ! Пригодубъ ты его хоть однимъ словечкомъ ласковымъ! Богомъ молю!

Марья Егоровна. Возьмите отъ меня этого... юродиваго.

Мерикъ. Такъ пропадай же ты, проклятая, пропадомъ! *(Взмахиваетъ топоромъ. Страшное волненіе. Все вскакиваетъ съ шумомъ и крикомъ ужаса. Сцена становится между Мерикомъ и Марьей Егоровной... Денись съ си-*

лой отталкиваетъ въ сторону Мерики и выноситъ свою барыню изъ кабака. После этого всеъ стоятъ, какъ вкопанные. Продолжительная пауза).

Борцовъ (ловить въ воздухъ руками). Мари... Гдѣ же ты, Мари!

Назаровна. Боже мой, Боже мой... Душеньку мою надорвали вы, убивцы! И что за ночь океанная!

Мерикъ (опуская руку съ топоромъ). Убилъ я ее, аль нѣтъ?..

Тихонъ. Благодари Бога, цѣла твоя голова...

Мерикъ. Не убилъ, стало-быть... (Пошатываясь, идетъ къ своей постели). Не привела судьба помереть отъ краденаго топора... (Падаетъ на постель и рыдаетъ). Тоска! Злая моя тоска! Пожалѣйте меня, люди православные!

Занавѣсъ.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Федоръ Никитычъ Гусевъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ.

Зиночка, его молодая жена.

Алексѣй Алексѣичъ Зайцевъ, проѣзжій.

Станціонный смотритель.

Дѣйствіе происходитъ на почтовой станціи въ зимнюю ночь.

Почтовая станція. Пасмурная комната съ закопченными стѣнами. Большіе диваны, обитые клеенкой. Чугунная печка съ трубой, которая тянется черезъ всю комнату.

Зайцевъ (съ чемоданомъ), стан. смотр. (со свѣчкой).

Зайц. Да и вонь же тутъ у васъ, сеньеръ! Не продохнешь! Воняетъ сургучомъ, кислятиной какой-то, клопами... Цфуй!

Смотр. Безъ запаха нельзя.

Зайц. Завтра разбудите меня въ 6 часовъ... И чтобъ тройка была готова. Мнѣ нужно къ 9-ти часамъ въ городъ поспѣть.

Смотр. Ладно.

Зайц. Который теперь часъ?

Смотр. Половина второго... (Уходитъ).

Зайц. (снимая шубу и валенки). Холодно! Даже обалдѣлъ отъ холода... Такое у меня теперь чувство, какъ будто меня облѣпили всего снѣгомъ, облили водой и потомъ пребольно высѣкли... Такіе сугробы, такая аспидская мятель, что, кажется, если бъ еще пять минутъ побыть на воздухѣ, то—совсѣмъ крышка. Замучился. А изъ-за чего? Добро бы на свиданіе ѣхать, или наслѣдство получать, а

то вѣдь ѣду на свою же погибель... Подумать страшно... Завтра въ городѣ засѣданіе окружнаго суда, и ѣду я туда въ качествѣ обвиняемаго. Мени будутъ судить за покушеніе на двоеженство, за поддѣлку бабушкинаго завѣщанія на сумму не свыше трехсотъ рублей и за покушеніе на убійство бильярднаго маркера. Присяжные закатаютъ— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Сегодня я здѣсь, завтра вечеромъ въ тюрьмѣ, а черезъ какихъ-нибудь полгода—въ холодныхъ дебряхъ Сибири... Брр! *(Пауза)*. Впрочемъ, у меня есть выходъ изъ ужаснаго положенія. Есть! Въ случаѣ, если присяжные закатаютъ меня, то я обращусь къ своему старому другу... Вѣрный, надежный другъ! *(Достаетъ изъ чемодана большой пистолетъ)*. Вотъ онъ! Каковъ мальчишъ? Вымѣнялъ его у Чепракова на двѣ собаки. Какая прелесть! Даже и застрѣлиться изъ него удовольствіе нѣкоторымъ образомъ... *(Нѣжно)* Мальчишъ, ты заряженъ? *(Тонкимъ голосомъ, какъ бы отвѣчая за пистолетъ)* Заряженъ... *(Своимъ голосомъ)* Небось, громко выпалишь? Во всю ивановскую? *(Тонко)* Во всю ивановскую... *(Своимъ голосомъ)* Ахъ, ты, дурашка, мамочка моя... Ну, ложись, спи... *(Цѣлуетъ пистолетъ и прячетъ въ чемоданъ)*. Какъ только услышу: «да, виновенъ», тотчасъ же—трахъ себѣ въ лобъ и шабанъ... Однако я озябъ чертовски... Брр! Надо согрѣться... *(Дѣлаетъ ручную гимнастику и прыгаетъ около печки)*. Бррр! *(Виночка выглядываетъ въ дверь и тотчасъ же скрывается)*.

Зайц. Что такое? Кажется, сейчасъ кто-то поглядѣлъ въ эту дверь... Гм... Да, кто-то поглядѣлъ... Значить, у меня сосѣди? *(Подслуш. у двери)*. Ничего не слышно... Ни звука... Должно-быть, тоже проѣзжіе... Хорошо бы разбудить ихъ да, если это порядочные люди, въ винтъ съ ними засѣсть... Большой шлемъ на безъ-козыряхъ! Занятная исторія, чортъ меня возьми.. А еще лучше, если бы это была женщина. Ничего я такъ, признаться, не люблю, какъ дорожныя приключенія... Иной разъ ѣдешь и на такой романъ наскочишь, что ни у какаго Тургенева не прочитаешь... Помню, вотъ точно такимъ же образомъ ѣхалъ я однажды по Самарской губ... Остановился на почтовой станціи... Ночь, понимаете ли, сверчокъ цвиркаетъ въ печкѣ, тишина... Сажу за столomъ и пью чай... Вдругъ слышу таинственный шорохъ... Дверь отворяется и...

Виночка *(за дверью)*. Это возмутительно! Это ни на что не похоже! Это не станція, а безобразіе! *(Выглянувъ въ дверь, кричитъ)* Смотритель! Станц. смотритель! Гдѣ вы? Зайц. *(въ сторону)*. Какая прелесть! *(Ей)* Сударыня, смотрители нѣтъ. Этотъ невѣжа теперь спитъ. Что вамъ угодно? Не могу ли я быть полезень?

Зин. Это ужасно, ужасно! Клопы, вѣроятно, хотятъ съѣсть меня!

Зайц. Неужели? Клопы? Ахъ... какъ же они смѣютъ?

Зин. *(сквозь слезы)*. Однимъ словомъ, это ужасно! Я сейчасъ уѣду! Скажите тому подлену, смотрителю, чтобы запрягалъ лошадей! У меня клопы всю кровь выпили!

Зайц. Бѣдняжка! Вы такъ прекрасны, и вдругъ... Нѣтъ, это невозможно.

Зин. *(кричитъ)*. Смотритель!

Зайц. Сударыня... mademoiselle...

Зин. Я не madem... Я замужемъ...

Зайц. Тѣмъ лучше... *(Въ сторону)* Какой душонокъ! *(Ей)* То-есть я хочу сказать, что, не имѣя чести знать, сударыня, вашего имени и отчества и будучи самъ въ свою очередь благороднымъ, порядочнымъ человѣкомъ, я осмѣливаюсь предложить вамъ свои услуги... Я могу помочь вашему горю...

Зин. Какимъ образомъ?

Зайц. У меня есть прекрасная привычка—всегда возить съ собой персидскій порошокъ... Позвольте вамъ предложить его отъ чистаго сердца, отъ глубины души!

Зин. Ахъ, пожалуйста!

Зайц. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ... сію минуту... Достану изъ чемодана. *(Бѣжитъ къ чемодану и роется въ немъ)*. Какіе глазенки, носикъ... Быть роману! Предчувствую! *(Потирая руки)* Ужъ моя фортуна такая: какъ застряну гдѣ-нибудь на станціи, такъ и романъ... Такъ красиво, что у меня даже изъ глазъ искры сыплются... Вотъ онъ! *(Возвращаясь къ двери)* Вотъ онъ, вашъ избавитель...

Зин. *(протягиваетъ изъ-за двери руку)*.

Зайц. Нѣтъ, позвольте, я пойду къ вамъ въ комнату, самъ посыплю...

Зин. Нѣтъ, нѣтъ... Какъ можно въ комнату?

Зайц. Почему же нельзя? Тутъ ничего нѣтъ такого особеннаго, тѣмъ болѣе... тѣмъ болѣе, что я докторъ, а доктора и дамскіе парикмахеры имѣютъ право вторгаться въ частную жизнь...

Зин. Вы не обманываете, что вы докторъ? Серьезно?

Зайц. Честное слово!

Зин. Ну, если вы докторъ... пожалуй... Только зачѣмъ вамъ трудиться? Я могу мужа выслать къ вамъ... Оеда! Оеда! Да проснись же, тюлень!

Голосъ Гусева. А?

Зин. Иди сюда, докторъ такъ любезенъ, что предлагаетъ намъ персидскій порошокъ. *(Скрывается)*.

Зайц. Оеда! Благодарю, не ожидалъ! Очень мнѣ нуженъ этотъ Оеда! Чортъ бы его взять совсѣмъ! Только-что какъ слѣдуетъ познакомился, только-что удачно совралъ, назвался докторамъ, какъ вдругъ этотъ Оеда... Точно холодной водой она меня окатила... Возьму вотъ и не дамъ персидскаго порешку! И ничего въ ней нѣтъ красиваго... Такъ, дрицко какое-то, рожица... ни то ни се... Терпѣть не могу такихъ женщинъ!

Гусевъ *(съ халатъ и въ ночномъ колпакѣ)*. Честь имѣю кланяться, докторъ... Жена мнѣ сейчасъ сказала, что у васъ есть персидскій порошокъ.

Зайц. *(грубо)*. Да-съ!

Гус. Будьте добры, одолжите намъ немножко. Энциклопедія одолѣла...

Зайц. Возьмите!

Гус. Благодарю васъ покорнѣйше... Весьма вамъ благодаренъ. И васъ въ дорогѣ застала пурга?

Зайц. Да!

Гус. Такъ-съ... Ужасная погода... Вы куда изволите ѣхать?

Зайц. Въ городъ.

Гус. И мы тоже въ городъ. Завтра въ городѣ мнѣ предстоитъ тяжелая работа, спать бы теперь надо, а тутъ энциклопедія, мочи нѣтъ... У насъ ужасно безобразны почтовые станціи. И клопы, и тараканы, и всякіе скорпіоны... Если бы моя власть, то я всѣхъ станціонныхъ смотрителей привлекалъ бы за клоповъ по 112 ст. уложенія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, какъ за бродячій скотъ. Весьма вамъ благодаренъ, докторъ... А вы по какому болѣзнымъ изволите практиковать?

Зайц. По груднымъ и... и по головнымъ.

Гус. Такъ-съ... Честь имѣю... *(Уходитъ)*.

Зайц. *(одинъ)*. Чучело гороховое! Если бы моя власть, я бы его съ головы до ногъ зарылъ въ персидскомъ порошокѣ. Обыграть бы его, каналью, этакъ разъ бы десять

подъ ридъ оставить безъ трехъ! А то еще лучше играть бы съ нимъ въ бильярдъ и нечаянно смазать его кіемъ, чтобы цѣлую недѣлю помнилъ... Въѣсто носа какая-то шишка, по всему лицу синія жилочки, на лбу бородавка и... и вдругъ осмѣливается имѣть такую жену! Какое онъ имѣетъ право? Это возмутительно! Нѣтъ, это даже подло... А еще тоже спрашиваютъ, почему у меня такой мрачный взглядъ на жизнь? Ну, какъ тутъ не быть пессимистомъ?

Гус. *(въ дверяхъ)*. Ты, Зиночка, не стѣсняйся... Вѣдь онъ докторъ! Не церемонься и спроси... Бѣться тутъ нечего... Шервцовъ тебѣ не помогъ, а онъ, можетъ-быть, и поможетъ... *(З-ву)*. Извините, докторъ, я васъ побезпокою. Скажите, пожалуйста, отчего это у моей жены въ груди бываетъ тѣсненіе? Кашель, знаете ли... тѣснить, точно, знаете ли, запеклось что-то... Отчего это?

Зайц. Это длинный разговоръ... Сразу нельзя опредѣлить...

Гус. Ну такъ что же? Время есть... все равно, не спимъ. Посмотрите ее, голубчикъ!

Зайц. *(въ сторону)*. Вотъ влопался-то!

Гус. *(кричитъ)*. Зина! Ахъ, какая ты, право... *(Ему)* Стѣсняется... Застѣнчивая, вся въ меня... Добродѣтель хорошая вещь, но къ чему крайности? Стѣсняться доктора, когда боленъ, это уже послѣднее дѣло...

Зин. *(входящій)*. Право, мнѣ такъ совѣстно...

Гус. Полно, полно... *(Ему)* Надо вамъ замѣтить, что ее лѣчить Шервцовъ. Человѣкъ-то онъ хорошій, душа, весельчакъ, знающій свое дѣло, по... кто его знаетъ? Не вѣрю я ему! Не лежить къ нему душа, хоть ты что! Вижу, докторъ, вы не расположены, но будьте столь любезны!

Зайц. Я... я не прочь... Я ничего... *(Въ сторону)* Каково положенье-то!

Гус. Вы ее посмотрите, а я тѣмъ временемъ пойду къ смотрителю и прикажу самоварчикъ поставить... *(Уходитъ)*.

Зайц. Садитесь, прошу васъ... *(Садятся)*. Вамъ сколько лѣтъ?

Зин. 22 года...

Зайц. Гм... Опасный возрастъ. Позвольте вашъ пульсъ! *(Шуп. пульсъ)*. Гм... М-да... *(Пауза)*. Что вы смѣтаете?

Зин. Вы не обманываете, что вы докторъ?

Зайц. Ну вотъ еще! За кого вы меня принимаете! Гм... пульсъ ничего себѣ... М-да... И ручка маленькая, пухленькая... Чортъ возьми, люблю я дорожныя приключенія!

Бдешь, бдешь и вдруг встрѣчаешь такую... ручку... Вы любите медицину?

Зин. Да.

Зайц. Какъ это пріятно! Ужасно пріятно! Позвольте вашъ пульсъ!

Зин. Но, но, но... держите себя въ границахъ!

Зайц. Какой голосокъ, глазенки такъ и бѣгаютъ... Отъ одной улыбки можно сойти съ ума... Вашъ мужъ ревнивъ? Очень? Вашъ пульсъ... одинъ только пульсъ, и я умру отъ счастья!

Зин. Позвольте однако, милостивый государь... Милостивый государь! Я вижу, что вы меня принимаете за какую-то... Ошибаетесь, милостивый государь! Я замужемъ, мой мужъ занимаетъ общественное положеніе.

Зайц. Знаю, знаю, но виновать ли я, что вы такъ прекрасны?

Зин. И я, милостивый государь, вамъ не позволю... Извольте оставить меня, иначе я должна буду принять мѣры... Милостивый государь! Я слишкомъ люблю и уважаю своего мужа, чтобы позволить какому-нибудь проѣзжему нахаду говорить мнѣ разныя пошлости... Вы слишкомъ ошибаетесь, если думаете, что я... Вотъ мой мужъ, кажется, идетъ... Да, да, идетъ... Чтò же вы молчите? Чего вы дожидаетесь?... Ну, ну... цѣлуйте, что ли!

Зайц. Милая! (*Цѣлуетъ*). Пусикъ! Мопсикъ! (*Цѣлуетъ*).

Зин. Но-но-но...

Зайц. Котеночекъ мой... (*Цѣлуетъ*). Финтифлюша... (*Увидѣвъ входящаго Гусева*) Еще одинъ вопросъ: когда вы больше кашляете, по вторникамъ или по четвергамъ?

Зин. По субботахъ...

Зайц. Гм... Позвольте вашъ пульсъ!

Гус. (*въ сторону*). Словно какъ будто кто цѣловался... Точно такъ вотъ и у Шервцова... Ничего я въ медицину не понимаю... (*Женѣ*) Зина, ты посерьезнѣе... Нельзя такъ... Нельзя манкировать здоровьемъ! Ты должна внимательно слушать, чтò говорить тебѣ докторъ. Медицина теперь дѣлаетъ громадныя шаги впередъ! Громадныя шаги!

Зайц. О, да! Ви-ите ли, чтò я долженъ вамъ сказать... Въ здоровьи вашей жены пока нѣтъ ничего опаснаго, но если она не будетъ серьезно лѣчиться, то ея болѣзнь можетъ кончиться плохимъ: разрывъ сердца и воспаленіе мозга...

Гус. Вотъ видишь, Зина! Вотъ видишь! Такая мнѣ съ тобой забота... и не глядѣлъ бы, право...

Зайц. Сейчасъ я пропишу... (*Вырываетъ изъ ст. книги клочокъ бумаги, садится и пишетъ*) Sic transit... двѣ драхмы... Gloria mundi... одинъ унцій... Aquae dest... два грана... Вотъ будете принимать порошки, по три порошка въ день...

Гус. На водѣ или на винѣ?

Зайц. На водѣ...

Гус. На отварной?

Зайц. Да, на отварной.

Гус. Приношу вамъ искреннюю мою благодарность, докторъ... *)

*) По рукописи (не оконченной), найденной среди бумагъ А. П. Тотъ же сюжетъ обработанъ А. П. въ рассказѣ: „Ночь передъ судомъ“.

ВЫНУЖДЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

Въ 1876 году, 7-го июля, въ 8½ часовъ вечера, мною была написана пьеса. Если моимъ противникамъ угодно знать ея содержаніе, то вотъ оно. Отдаю его на судъ общества и печати.

СКОРОПОСТИЖНАЯ КОНСКАЯ СМЕРТЬ

ИЛИ

ВЕЛИКОДУШІЕ РУССКАГО НАРОДА!

Драматическій этюдъ въ I дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любви́нь, молодой человѣкъ.
Графиня Финикова, его любовница.
Графъ Финиковъ, ея мужъ.
Ниль Егоровъ, извозчикъ № 13326.

Дѣйствіе происходитъ среди бѣла дня на Невскомъ проспектѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Графиня и Люби́нь идутъ на извозчикѣ Нилѣ Егоровѣ.

Люби́нь (*обнимая*). О, какъ я люблю тебя! Но все-таки я не буду въ покоѣ, покуда мы не доѣдемъ до вокзала и не сядемъ въ вагонъ. Чувствую мое сердце, что твой подлецъ-мужъ бросится сейчасъ за нами въ погоню. У меня поджилки трясутся. (*Нилу*) Поѣзжай скорѣе, чортъ!

Графиня. Скорѣе, извозчикъ! Хлобысь-ка ее кнутомъ! Бздить не умѣешь, курицынь сынъ!

Ниль (*хлещетъ по лошади*). Но! но, холера! Господа на чай прибавять.

Графиня (*кричитъ*). Такъ ее! Такъ ее! Нажаривай дряннѣе такую, а то къ поѣзду опоздаемъ!

Люби́нь (*обнимая и восторгаясь ея неземной красотой*). О, моя дорогая! Скоро, скоро уже тотъ часъ, когда ты будешь принадлежать всецѣло мнѣ, но отнюдь не мужу! (*Оглядываясь, съ ужасомъ*) Твой мужъ догоняетъ насъ! Я его вижу! Извозчикъ, погоняй! Скорѣй, мерзавецъ, сто чертей тебѣ за воротникъ! (*Дунуть Нилу въ спину*).

Графиня. По затылку его! Постою, я сама его зонтикомъ... (*Дунуть*).

Ниль (*хлещетъ изо всѣхъ силъ*). Но! но! шевелись, анаема! (*Изморенная лошадь падаетъ и издыхаетъ*).

Люби́нь. Лошадь издохла! О, ужасъ! Онъ насъ догонитъ!

Ниль. Головушка моя бѣдная, чѣмъ же я теперь корчиться буду? (*Припадаетъ къ трупу любимой лошади и рыдаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и графъ.

Графъ. Вы бѣжать отъ меня?! Стой!! (*Хватаетъ жену за руку*). Измѣнница! Я ли тебя не любилъ? Я ли тебя не кормилъ?

Люби́нь (*малодушно*). Задамъ-ка я стрекача! (*Убѣгаетъ подъ шумъ собравшейся толпы*).

Графъ (*Нилу*). Извозчикъ! Смерть твоей лошади спасла мой семейный очагъ отъ поруганія. Если бы она не издохла внезапно, то я не догналъ бы бѣглецовъ. Вотъ тебѣ сто рублей!

Ниль (*великодушно*). Благородный графъ! Не нужно мнѣ вашихъ денегъ! Для меня послужить достаточной наградой

сознание, что смерть моей любимой лошади послужила къ ограждению семейныхъ основъ! (*Восхищенная толпа плачетъ его*).

Занавѣсъ.

Въ 1886 году, 30-го февраля, эта моя пьеса была сыграна на берегу озера Байкаль любителями сценическаго искусства. Тогда же я записался въ члены Общества драматическихъ писателей и получилъ отъ казначея А. А. Майкова надлежащій гонораръ. Больше я никакихъ пьесъ не писалъ и никакого гонорара не получалъ.

Итакъ, состоя членомъ названнаго Общества и имѣя права, симъ званіемъ обусловленныя, я отъ имени нашей партіи настоятельно требую, чтобы, во-1-хъ, предсѣдатель, казначей, секретарь и комитетъ публично попросили у меня извиненія, во-2-хъ, чтобы всѣ перечисленныя должностныя лица были забаллотированы и замѣнены членами изъ нашей партіи, въ-3-хъ, чтобы 25 тысячъ изъ годового бюджета Общества были ежегодно ассигнуемы на покупку билетовъ гамбургской лотереи, и чтобы каждый выигрышъ дѣлился между всѣми членами поровну; въ-4-хъ, чтобы на общихъ и экстренныхъ собраніяхъ Общества играла военная музыка и подавалась приличная закуска; въ-5-хъ, такъ какъ весь доходъ Общества поступаетъ въ пользу только тѣхъ 30 членовъ, пьесы которыхъ идутъ въ провинціи, и такъ какъ остальные 390 членовъ не получаютъ ни гроша, ибо ихъ пьесы нигдѣ не идутъ, то, въ видахъ справедливости и равноправія, ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ, чтобы этимъ 30 членамъ было запрещено ставить свои пьесы и тѣмъ нарушать равновѣсіе, столь необходимое для нормальнаго хода дѣлъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ предупредить, что если хотя на одинъ изъ означенныхъ пунктовъ послѣдуетъ отрицательный отвѣтъ, то я вынужденъ буду сложить съ себя званіе члена Общества.

Членъ Общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ

Алексій Тарантуловъ.

Отъ редакціи. Помѣщая это заявленіе почтеннаго члена Общества драматическихъ писателей и оперныхъ компо-

зиторовъ, мы льстимъ себя надеждою, что оно вызоветъ полное сочувствіе по крайней мѣрѣ въ половинѣ достойныхъ членовъ этого Общества, заслуги которыхъ столь же велики, какъ и заслуги г. Акакія Тарантулова. Русская драматургія — есть именно тотъ важный родъ поэзіи, въ которомъ Акакіи Тарантуловы могутъ приобрести неувядаемую славу отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенныхъ кулисъ, отъ потрясеннаго Кремля до трескотни общихъ собраній Общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ... *).

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ 1889 г. (22-го апрѣля № 4721); въ видѣ „маленькаго фельетона“, безъ подписи.

КРАСАВИЦЫ.

(Изъ записокъ врача).

Какъ-то утромъ, въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ дней, явился ко мнѣ мальчикъ изъ конфетной фабрики купцовъ Z-выхъ и отъ имени фабричной конторы пригласилъ меня къ больному.

— Кто боленъ? — спросилъ я.

— Бухгалтеръ, Михаилъ Платонычъ... — отвѣчалъ мальчикъ.

Я отправился. У воротъ фабрики встрѣтилъ меня дворникъ и повелъ къ бухгалтеру. Сначала мы шли по мощному двору мимо фабричныхъ корпусовъ, отъ которыхъ сильно пахло жженымъ сахаромъ, потомъ по грязной, немощеной части двора, по грязнымъ, всхлипывавшимъ подъ ногами доскамъ мимо большихъ бочекъ, крытыхъ рогожами... Большой жилъ въ маленькой одноэтажной пристройкѣ, лѣпившейся къ длинному, мрачному амбару, на которомъ чѣмъ-то чернымъ, похожимъ на деготь, было крупно написано: „На дворѣ и въ складѣ курить строго запрещено“. Крылечко у пристройки было грязное, дверь визгливая, съ блокомъ, обитая рваной клеенкой, передняя темная, тѣсная, а самъ больной, бухгалтеръ, Михаилъ Платонычъ, показался мнѣ необыкновенно кислымъ и такимъ же мрачнымъ, какъ весь фабричный дворъ. Онъ былъ въ ситцевомъ халатѣ и въ туфляхъ-шлепанцахъ, около которыхъ висѣли тесемки отъ калсеонъ. Когда я вошелъ къ нему, онъ, согнувшись калачикомъ, лежалъ на короткомъ диванѣ лицомъ къ спинкѣ и не двигался, точно спалъ. Заслышавъ мои шаги, онъ вздрогнулъ, вскочилъ съ дивана и очень строго посмотрѣлъ на меня, потомъ,

бвроятно, догадавшись, что я докторъ, поморщилъ свое лицо въ улыбку и сказалъ, указывая мнѣ на стулъ:

— Очень радъ познакомиться... Птицынъ... Прошу...

Выражение его лица, въ особенности глазъ, было такое, какъ будто онъ потерялъ очки и теперь плохо видѣлъ. Глаза его глядѣли исподлобья и нѣсколько опалѣло, рыжіе волосы торчали на головѣ, какъ щетина, подбородокъ, поросшій рыжими, колючими волосками, выдавался впередъ, стиснутыя губы тянулись тоже впередъ, лобъ морщился въ складки — и все это, казалось, оттого, что онъ плохо видѣлъ и старался разглядѣть...

Въ сущности такое выраженіе значило, что мой приходъ его обезпокоилъ и былъ ему неприятенъ.

Разспрашивая его о болѣзни, я узналъ, что ему было 31 годъ (на видъ онъ казался старше), что работаетъ онъ ежедневно отъ утра до вечера, обѣдаетъ въ дешевой кухмистерской и заболѣлъ оттого, что выпилъ за обѣдомъ полбутылки краснаго вина, которое потомъ, когда онъ его уже выпилъ, оказалось, по его мнѣнію, простою „краской для яицъ“. Сложенъ онъ былъ недурно, но питаніе его было до того скудно, что не врачъ, поглядѣвъ на его дряблую кожу и выдающіяся ребра, могъ бы заподозрѣть въ немъ какой-нибудь недугъ, болѣе тяжкій, чѣмъ катарръ кишекъ. Цѣлодневная работа, кухмистерскіе обѣды, плохой табакъ и постоянный кот., неизбѣжныя у интеллигента, живущаго на 40 рублей въ мѣсяцъ, истощили и состарили его лѣтъ на десять.

На мои вопросы онъ отвѣчалъ коротко и только то, что нужно; выражался литературно и, описывая свою болѣзнь, употребилъ слова „предрасположеніе“ и „производительныя причины“, изъ чего я долженъ былъ заключить, что имѣю дѣло съ человѣкомъ интеллигентнымъ. Мои совѣты выслушалъ онъ молча и кивая головой. Когда я преподалъ ему правила діеты и образа жизни, возможные при 40 рубляхъ жалованья, кухмистерскихъ обѣдахъ и сырой квартирѣ, онъ подумалъ и сказалъ:

— Да, это, конечно, хорошо. Но главное нужно дышать чистымъ воздухомъ и жениться.

— И жениться хорошо... — согласился я. — Могущій вмѣстѣ да вмѣстѣ.

Нашъ разговоръ кончился тѣмъ, что онъ далъ мнѣ цѣлковый и извинился, что не можетъ заплатить больше. Надѣвая въ передней калоши, я видѣлъ, какъ онъ вер-

нулся къ дивану, запахнул ноги халата, легъ лицомъ въ спички и свернулся калачикомъ *).

*) Этотъ отрывокъ найденъ въ бумагахъ А. П. На верху рукописи написано: „Михаилъ Матвѣевичъ“ (вѣроятно, этимъ именемъ А. П. хотѣлъ замѣнить „Михаилъ Платоновичъ“ этого отрывка).

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗСКАЗА).

Х.

Сестра Ольги, Клавдія Абрамовна, жила въ одномъ изъ переулковъ близъ Патриаршихъ Прудовъ, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ. Въ нижнемъ этажѣ была прачечная, а весь верхній снимала пожилая дѣвица изъ дворянокъ, тихая и скромная, которая ужъ отъ себя сдавала комнаты жильцамъ и кормилась этимъ. Въ темной прихожей, какъ войдешь, были двѣ двери, направо и налево: за одной въ маленькой комнаткѣ помѣщалась Клавдія Абрамовна съ Самей, за другой — метранпажъ изъ типографіи. Потомъ была гостиная, съ диваномъ, креслами, съ лампой и абажуромъ, съ картинами на стѣнахъ — все какъ слѣдуетъ, но пахло тутъ бѣльемъ и царомъ, который проникалъ изъ прачечной, и весь день изъ-подъ пола слышалось пѣніе. Изъ гостиной, общей для всѣхъ жильцовъ, былъ ходъ въ три квартиры; тутъ жила сама хозяйка, затѣмъ старикъ-лакей Иванъ Макарычъ Матвѣичевъ, уроженецъ Жукова, тотъ самый, который когда-то опредѣлялъ Николая на мѣсто; на его бѣлой, затворенной двери висѣлъ на кольцахъ большой сарайный замокъ; за третьей дверью жила молодая, худощавая, остроглазая женщина съ толстыми губами, имѣвшая трое дѣтей, которые постоянно плакали. По праздникамъ ее навѣщали... Ходила она отъ утра до вечера въ одной юбкѣ, не причесанная, не умытая, но когда поджидала своего... то наряжалась въ шелковое платье и завивалась.

Въ комнаткѣ у Клавдіи Абрамовны какъ говорится,

*) Повидимому, продолженіе „Мушкетеръ“.

негдѣ было повернуться. Тутъ стояли кровать, комодъ, одинъ стулъ, и больше ничего — и все-таки было тѣсно. Но, несмотря на это, комнатка содержалась опрятно, и Клавдія Абрамовна называла ее будуаромъ. Ей самой ея обстановка чрезвычайно нравилась и особенно то, что было на комодѣ: зеркало, пудра, флаконы, губная помада, коробки, бѣлила и вся роскошь, которую она считала необходимой принадлежностью своей профессіи и на которую тратила почти весь свой заработокъ; тутъ же были и фотографіи въ рамочкахъ, на которыхъ она сама представлялась въ разныхъ видахъ. Она была снята со своимъ мужемъ, почтальономъ, съ которымъ прожила только годъ и потомъ ушла отъ него, такъ какъ не чувствовала призванія къ семейной жизни; была снята, какъ снимаются вообще женщины такого сорта, и съ чолкой на лбу, и завитою, какъ барашекъ, и въ солдатскомъ мундирѣ съ пашкою наголо, и въ видѣ нажда верхомъ на стулѣ, причемъ ея бедра, обтянутыя въ трико, лежали на стулѣ плоско, какъ двѣ толстыя варенныя колбасы. Были тутъ и портреты мужчинъ — ихъ она называла своими гостями и не всѣхъ знала по имени; попалъ сюда и нашъ знакомый, Кирьякъ, въ качествѣ родственника: онъ снялся во весь ростъ, въ черной парѣ, которую досталъ гдѣ-то на время.

Прежде Клавдія Абрамовна хаживала и на маскарады, и къ Филиппову, и цѣлые вечера проводила на Тверскомъ бульварѣ; съ годами же мало-по-малу стала домохозяйкой и теперь, когда ей было уже 42 года, принимала гостей очень рѣдко, и то были немногіе, оставшіеся съ прежняго времени и ходившіе къ ней по старой памяти, и которые — увы! — тоже состарились и навѣщали ее все рѣже, потому что становилось имъ съ каждымъ годомъ все меньше. Изъ новыхъ бывалъ у нея только одинъ очень юный, безъ усовъ; этотъ входилъ въ прихожую тихо, угрюмо, какъ заговорщикъ, поднимъ воротникъ своего гимназическаго пальто и стараясь, чтобы его не увидѣли изъ гостиной, и потомъ, уходя, оставлялъ на комодѣ рубль.

Клавдія Абрамовна по цѣлымъ днямъ сидѣла дома, ничего не дѣлая; иногда вечеромъ, въ хорошую погоду, она прогуливалась по Малой Бронной и по Тверской, гордо поднимъ голову, чувствуя себя важной, солидной дамой, и только когда заходила въ аптекарскій магазинъ спросить шопотомъ, нѣтъ ли мази отъ морщинъ или отъ красноты рукъ, то казалось, что ей стыдно. Но вечерамъ она сидѣла

у себя въ комнаткѣ, не зажигая огня, и поджидала, не прійдетъ ли кто; и часу въ одиннадцатомъ, — это случалось теперь рѣдко, разъ или два въ недѣлю, — слышалось, какъ кто-то тихо ходилъ по лѣстницѣ то вверхъ, то внизъ и потомъ шуршаль за дверью, ища звонка. Дверь отворялась, слышалось бормотанье, и въ прихожую нерѣшительно входилъ гость, обыкновенно лысый, полный, старый, некрасивый, и Клавдія Абрамовна спѣшила ввести его въ свою комнатку. Хорошаго гостя она обожала. Для нея не было существа выше и достойнѣе; принять хорошаго гостя, деликатно обойтись съ нимъ, уважить его, угодить — было потребностью ея души, ея долгомъ, счастьемъ, ея гордостью; отказать гостю или обойтись съ нимъ неприятливо она была не въ состояніи, даже когда говѣла.

Ольга, вернувшись изъ деревни, помѣстила у нея Сашу на время, рассчитывая, что дѣвочка, пока мала, если и увидитъ что дурное, то не пойметъ. Но вотъ Сашѣ минуло тринадцать лѣтъ, уже наступила по-настоящему пора, чтобы подыскать для нея другое помѣщеніе, но она и ея тетка привязались другъ къ другу и уже трудно было различить ихъ; да и некуда было взять Сашу, такъ какъ сама Ольга ютилась въ коридорѣ меблированныхъ комнатъ и спала на стульяхъ. День проводила Саша у матери или на улицѣ, или внизу въ прачечной, почевала у тетки на полу, между кроватью и комодомъ, а если приходилъ гость, то ложилась въ прихожей.

Она любила по вечерамъ ходить въ то мѣсто, гдѣ служилъ Иванъ Макарычъ, и смотрѣть изъ кухни на танцы. Всегда тамъ играла музыка, было свѣтло и шумно, около печара и судомойки вкусно пахло кушаньями, и дѣдушка Иванъ Макарычъ давалъ ей то чаю, то мороженого и совалъ ей разные кусочки, которые приносилъ обратно въ кухню, на тарелкахъ и блюдахъ. Какъ-то осенью, поздно вечеромъ, вернувшись домой отъ Ивана Макарыча, она принесла въ бумажномъ сверткѣ куриную ногу, кусочекъ осетрины, кусочекъ торта... Тетка была уже въ постели...

— Милая тетя, — сказала Саша печально, — я принесла вамъ покушать.

Зажгли огонь. Клавдія Абрамовна стала ѣсть, сидя въ постели. А Саша глядѣла на ея папиютки, придававшія ей страшный видъ, на поблекшія, уже старыя плечи, глядѣла долго и печально, какъ на больную, и вдругъ слезы потекли у нея по щекамъ.

— Милая тетя, — проговорила она дрогнувшимъ голо-
сомъ: — милая тетя, утромъ въ прачечной дѣвушки гово-
рили, что въ старости вы будете побираться на улицѣ и
помрете въ больницѣ. Это неправда, тетя, неправда, — про-
должала Саша, уже плача навзрыдь: — я васъ не брошу,
буду васъ кормить... и не пущу въ больницу...

У Клавдіи Абрамовны задрожалъ подбородокъ и на гла-
захъ блеснули слезы, но тотчасъ же она сдержала себя и
сказала, поглядѣвъ строго на Сашу:

— Неприлично слушать прачекъ.

XI

Въ меблированныхъ комнатахъ „Лиссабонъ“ жильцы за-
тихли мало-по-малу; запахло гарью притушенныхъ лампъ,
и длинный коридорный уже растянулся на стульяхъ.
Ольга сняла бѣлый чепецъ съ лентами и фартукъ, накри-
лась платкомъ и пошла къ своимъ на Патріаршіе Пруды.
Служа въ „Лиссабонѣ“, она бывала занята каждыи день
отъ утра до поздняго вечера и могла ходить къ своимъ
рѣдко и только ночью, служба отнимала у нея все время,
не оставляя ей ни одной свободной минуты, такъ что даже
съ тѣхъ поръ, какъ вернулись изъ деревни, она ни разу
не была въ церкви.

Она торопилась, чтобы показать Сашѣ письмо, получен-
ное изъ деревни отъ Марьи. Въ письмѣ были только по-
клоны да жалобы на нужду, на горе, на то, что старики
еще живы и даромъ ѣдятъ хлѣбъ, но почему-то въ этихъ
кривыхъ строкахъ, въ которыхъ каждая буква была по-
хожа на калѣку, Ольгѣ чудилась особая, скрытая прелесть
и, кромѣ поклоновъ и жалобъ, она читала еще о томъ,
что въ деревнѣ стоятъ теперь теплые, ясные дни, что по
вечерамъ бываетъ тихо, благоухаетъ воздухъ и слышно,
какъ въ церкви на той сторонѣ бьютъ часы; представля-
лось ей деревенское кладбище, гдѣ лежитъ ея мужъ; отъ
зеленыхъ могилъ вѣетъ спокойствіемъ, позавидуешь усоп-
шимъ — и такой тамъ просторъ, такое приволье! И стран-
ное дѣло: когда жили въ деревнѣ, то сильно хотѣлось въ
Москву, теперь же, наоборотъ, тинуло въ деревню.

Ольга разбудила Сашу и, волнуясь, боясь, какъ бы по-
потъ и свѣтъ не обезножили кого-нибудь, прочла ей
письмо два раза. Потомъ обѣ онѣ спустились по темной,
смерадной лѣстницѣ и вышли изъ дому. Въ открытыя на-

стежь окна видно было, какъ въ прачечной гладили, и за
воротами стояли двѣ прачки съ папиросками. Ольга и
Саша быстро шли по улицѣ и говорили о томъ, что хо-
рошо бы скопить два рубля и послать ихъ въ деревню:
одинъ рубль — Марьѣ, а за другой отслужить панихиду
на могилкѣ Николая.

— Ахъ, натерпѣлась я давеча страху! — рассказы-
вала Ольга, всплескивая руками. — Только-что сѣли обѣ-
дать, касатка, вдругъ, откуда ни возмись, Кирыакъ —
пьяный-распьяный! „Давай, — говоритъ, — Ольга, денегъ“.
И кричитъ и ногами топчетъ — давай и все тутъ. А гдѣ
я возьму? Жалованья не получаю, сама живу подаюньемъ,
что дадутъ хорошіе господа, тѣмъ и богата... Слушать не
хочетъ — давай! Жильцы изъ номеровъ глядятъ, хозяйинъ
пришелъ — чистое наказанье, срамъ! Выпросила у студен-
товъ тридцать копеекъ, дала ему... Ушелъ. И цѣлый день
потомъ хожу и шепчу: „Смягчи, Господи, его сердце!“
Такъ и шепчу...

На улицахъ было тихо; изрѣдка проѣзжали почные
извозчики, да гдѣ-то далеко, должно-быть, въ увесели-
тельномъ саду еще играла музыка и глухо трещали
ракеты *).

Сидя на бульварѣ ночью, Саша думала о Богѣ, о душѣ,
но жажда жизни пересиливала эти мысли.

Когда Кирыакъ буянилъ, Саша шептала: „Господи,
смягчи его сердце!“

Клавдія Абрамовна хотѣла сводить Сашу къ своднѣ,
но та не хотѣла: не надо, чтобы кто-нибудь видѣлъ“.

Метраппажъ всегда былъ на отлетѣ, говорилъ отры-
вочно; скажетъ: „всѣ мы братья“, и уйдетъ, не объ-
яснивъ.

Когда Саша рассказывала про деревню, то и метрап-
пажъ, сидя въ своей комнатѣ, слушалъ.

*) Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя фразы, тѣсно припызающія къ пред-
шествующему отрывку, но не обработанныя А. П. окончательно.

Саша безропотно работала въ прачечной: мы не можемъ быть счастливы, потому что мы простые...

Саша пила много чаю: выпивала за разъ стакановъ 6

— Черти проклятые, что же сапоги?

— Тетечка, милая, отчего мнѣ такъ радостно?

Какъ женщинамъ такихъ лѣтъ, какъ Клавдія Абрамовна, хочется, чтобы дѣвушки выходили замужъ, такъ ей хотѣлось, чтобы къ дѣвушкамъ ходили хорошіе гости.

Метранпажа утомляло многолюдство въ типографіи, такъ что дома онъ старался оставаться одинъ.

По бульвару ходили студенты, взявшись за руки, шумно; одинъ изъ нихъ руками помялъ Сашѣ грудь.

Ночью приходилъ Кирыакъ и шумѣлъ.

... въ кальсонахъ.

Метранпажъ далъ ему денегъ.

Дворникъ спустилъ по лѣстницѣ, такъ что покатился кубаремъ, и было удивительно, что остался живъ.

Саша, стояши 13—14 лѣтъ, считала себя серьезнѣе разсѣянной матери и заботилась о ней.

Клавдія Абрамовна не вѣрила, но приличія того требовали, по ея мнѣнію, чтобы креститься и говѣть, и если простой народъ будетъ не вѣровать, то всѣхъ будутъ на улицѣ убивать.

Ничто такъ не усыпляетъ и не опьяняетъ, какъ деньги; когда ихъ много, то міръ кажется лучше, чѣмъ онъ есть.

Иванъ Макарычъ во всякую погоду ходилъ съ зонтомъ и въ калошахъ.

Чисто наказаніе.

Господа порядочны, говорятъ о любви къ ближнему, о свободѣ, о помощи бѣдному, но все же они крѣпостники, такъ какъ не обходятся безъ лакеевъ, которыхъ унижаютъ каждую минуту. Они что-то скрыли, солгали Святому Духу.

Лакей говорить вслухъ самъ съ собой.

Онъ проситъ Сашу рассказывать ему про деревню.

Ему уже 76 лѣтъ, но онъ говоритъ, что 60.

Лакей презираетъ купцовъ и ихъ барышень.

Саша брезговала запахомъ бѣлья, нечистой, смрадной лѣстницей, брезговала жизнью, но была убѣждена, что такая жизнь въ ея положеніи неизбежна.

Саша: до смерти еще далеко и нужны, пока живешь, правила жизни—и потому-то она такъ любила прислушиваться къ отрывочнымъ фразамъ метранпажа.

Какъ теперь мы удивляемся жестокостямъ, какими отличались христіанскіе мучители, такъ и со временемъ будутъ удивляться лжи, съ какою теперь борются со зломъ, служа лицемѣрно тому же злу; на примѣръ, говорятъ о свободѣ, широко пользуясь услугами рабовъ.

Ольга посылала на могилку мужа и старикамъ.

Потомъ Ольга получала въ Москвѣ письма изъ дому: жалобы, что старики все еще не умерли, даромъ хлѣбъ бѣдать.

Кирыакъ и въ Москвѣ приходилъ бушевать.

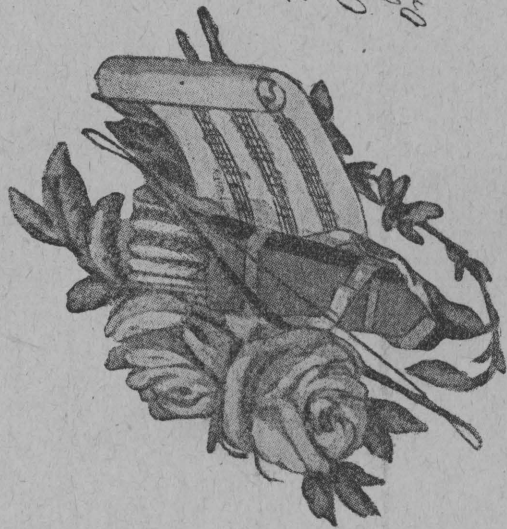
За пять лѣтъ Ольга нисколько не измѣнилась.

Про пьянаго: не очень чтобъ.

Ольгу разсчитали, потому что часто приходилъ къ ней
Кирыакъ и крикомъ беспокоилъ жильцовъ.

Ей извѣстны всѣ московскія меблированныя комнаты.

Шестой день, какъ Ольга ушла изъ меблированныхъ
комнатъ, дома не ночевала; дочь беспокоилась; вечеромъ
томилась, плакала и въ этотъ же вечеръ пошла добывать
денегъ...

Милая Татьяна, скорѣе заѣзжай
на

Узнавъ по журналу аллею прогули-
русь въ паркѣхъ и въ саду осматриваю
Омъ сажу напередъ - угадаю и горюха

А. К. а. п.
86 $\frac{12}{5}$ в. шугу ма. ц. от. е. к. - филографическая студия.

Груше.

(Ручей. старого сада)

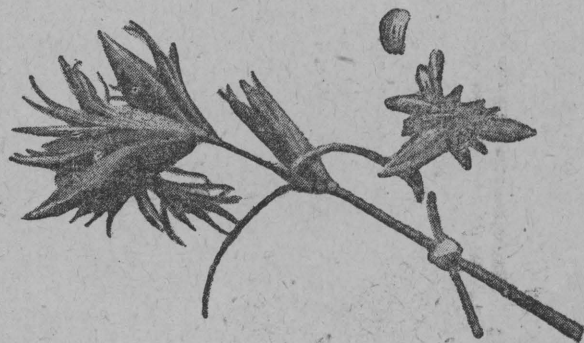
Василиса Пастернак!
Куда бьешь, куда, Пастернак,
Мать, со старым, смелым,
Это да же Мухоморчик!

Конец.

Иван' Клар и Пастернак
3го июня 1987г

xxx
Посидишь ли в узком, потолок
Как то раз и соседь
И скажи ей: "ах, слава,
Посидишь ли в беседке!"

xxx

Древь I

И кыма новадь еанов,
 И помыгае ном,
 Новарам гном
 И вапеа зном

II

И сан ыгъде бепсонт на новот
 Е номыгае ыгнат
 И номрас, новот ыгзавент
 Ману еыруеа ер. сану еандрут.

III

И мей бандуеа Канара
 И егравт е' он ыгдзавент;
 И мей еадле ера нова
 Нова е едупл на новенте.

IV

Егав ыгавт еад' еанавт:
 "И еадана, да' ме ент едзавнт."
 И новзавт номра е. еанавт.
 И мей еадле еадле е мемент.

СВАДЬБА.

— Женится этотъ Петя самый на Еленѣ Петровнѣ Смуртиной, а она, понимаете ли, дочь чиновника, который только шесть лѣтъ назадъ получилъ дворянство. На ея гербѣ должны быть судакъ, лещъ и бутылка сивухи, такъ какъ дѣдъ ея торговалъ въ Харьковѣ рыбой, понимаете ли, а отецъ служилъ по акцизу. Старикъ же Боевъ, какъ хотите, настоящій столбовой, женатъ на графинѣ, гофмейстеръ и прочее. Его предокъ Казань бралъ, нѣкоторымъ образомъ. Но все-таки, я полагаю, главная причина тутъ не мезальянсъ, а то, что молодому Боеву, Петѣ-то этому самому, только двадцать четвертый годъ. Въ такіе годы нужно не жениться, а учиться. На мѣстѣ отца я высѣкъ бы его розгами...

...какъ глупо, а главное—фальшиво, потому что, когда одинъ человѣкъ хочетъ съѣсть другого или сказать ему неприятное, то Грановскій тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Вышелъ я отъ Григорія Ивановича, чувствуя себя побитымъ и глубоко оскорбленнымъ. Я былъ раздраженъ противъ хорошихъ словъ и противъ тѣхъ, кто говоритъ ихъ, и, возвращаясь домой, думалъ такъ: одни бранятъ свѣтъ, другіе толпу, хвалятъ прошлое и порицаютъ настоящее, кричатъ, что нѣтъ идеаловъ, и т. п., но вѣдь все это было и 20—30 лѣтъ назадъ, это отживающія формы, уже сослужившія свою службу, и кто повторяетъ ихъ теперь, тотъ, значить, не молодъ и самъ отживаетъ; съ прошлогоднею листвою гниютъ и тѣ, кто живетъ въ ней. Я думалъ, и мнѣ казалось, что мы некультурные, отживающіе люди, банальные въ своихъ рѣчахъ, шаблонные въ намѣреніяхъ, заплѣснѣли совершенно, и что, пока мы въ своихъ интеллигентныхъ кружкахъ роемся въ старыхъ тряпкахъ и, по древнему русскому обычаю, грыземъ другъ друга, вокругъ насъ кипитъ жизнь, которой мы не знаемъ и не замѣчаемъ. Великія событія застанутъ насъ врасплохъ, какъ спящихъ дѣвъ, и вы увидите, что купецъ Сидоровъ и какой-нибудь учитель уѣзднаго училища изъ Ельца, видящіе и знающіе больше, чѣмъ мы, отбросятъ насъ на самый задній планъ, потому что сдѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ мы, вмѣстѣ взятые. И я думалъ, что если бы теперь вдругъ мы получили свободу, о которой мы такъ много говоримъ, когда грыземъ другъ друга, то на первыхъ порахъ мы не знали бы, что съ нею дѣлать, и тратили бы ее только на то, чтобы обличать другъ друга въ газетахъ въ шпіонствѣ и пристрастіи къ рублю и запугивать общество увѣреніями, что у насъ нѣтъ ни людей, ни науки, ни литературы, ничего, ничего! А запугивать общество, какъ

мы это делаемъ теперь и будемъ дѣлать, значить отнимать у него бодрость, то-есть прямо расписываться въ томъ, что мы не имѣемъ ни общественнаго ни политическаго смысла. И я думалъ также, что, прежде чѣмъ заблеститъ зари новой жизни, мы обратимся въ злобѣщихъ старухъ и стариковъ и первые съ ненавистью отвернемся отъ этой зари и пустимъ въ нее клеветой...

— Мама все говоритъ о бѣдности. Все это странно. Впервые, странно, что мы бѣдны, побираемся, какъ нищія, и въ то же время отлично ѣдимъ, живемъ въ этомъ большомъ домѣ, на лѣто уѣзжаемъ въ собственную деревню и вообще не похожи на бѣдняковъ; очевидно, это не бѣдность, а что-то другое, похуже; во-вторыхъ, мнѣ странно, что вотъ уже десять лѣтъ всю свою энергію мама тратитъ только на то, чтобы доставать деньги на уплату процентовъ; если бы, мнѣ кажется, эту страшную энергію мама тратила на что-нибудь другое, то мы имѣли бы уже двадцать такихъ домовъ; въ-третьихъ, мнѣ странно, что самую тяжелую обязанность въ семьѣ несутъ мама, а не я. Для меня это самое странное и ужасное. У нея, какъ она сейчасъ сказала, гвоздикъ въ головѣ, она проситъ, унижается, долги наши растутъ съ каждымъ днемъ, а я до сихъ поръ палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы помочь ей. И что я могу сдѣлать? Я думаю, думаю и ничего не понимаю. Я вижу ясно только, что мы быстро летимъ внизъ по наклонной плоскости, а куда—чортъ его знаетъ. Говорятъ, что намъ грозитъ бѣдность, а въ бѣдности будто бы позоръ, но я и этого не понимаю такъ какъ никогда не былъ бѣднымъ.

Внутреннее содержаніе этихъ женщинъ такъ же сѣро и тускло, какъ ихъ лица и наряды; онѣ говорятъ о наукѣ, литературѣ, тенденціи и т. п. только потому, что онѣ жены и сестры ученыхъ и литераторовъ; будь онѣ женами и сестрами участковыхъ приставовъ или зубныхъ врачей, онѣ съ такимъ же рвеніемъ говорили бы о пожарахъ или зубахъ. Позволять имъ говорить о наукѣ, которая чужда имъ, и слушать ихъ, значить льстить ихъ невѣжеству.

Все это, въ сущности, грубо и безтолково, и поэтическая любовь представляется такою же бессмысленной, какъ снѣ-

говая глыба, которая бессознательно валится съ горы и давитъ людей. Но, когда слушаешь музыку, все это, то-есть что одни лежатъ гдѣ-то въ могилахъ и спятъ, а другая уцѣлѣла и сидитъ теперь, сѣдая, въ ложѣ, кажется спокойнымъ, величественнымъ, и ужъ снѣговая глыба не кажется бессмысленной, потому что въ природѣ все имѣетъ смыслъ. И все прощается, и странно было бы не прощать.

Къ старымъ, отживающимъ кресламъ, стульямъ и кушеткамъ Ольга Ивановна относилась съ такою же почти-тельной пѣжностью, какъ къ старымъ собакамъ и лошадямъ, и комната ея была поэтому чѣмъ-то въ родѣ богадельни для мебели. Около зеркала, на всѣхъ столахъ и этажеркахъ стояли фотографіи неинтересныхъ, наполовину забытыхъ людей, на стѣнахъ висѣли картины, на которыя никто никогда не смотрѣлъ, и всегда въ комнатѣ было темно, потому что горѣла только одна лампа съ синимъ абажуромъ.

Если вы зовете впередъ, то непременно указывайте направление, куда именно впередъ. Согласитесь, что если, не указывая направления, выпалить этимъ словомъ одновременно въ монаха и революціонера, то они пойдутъ по совершенно различнымъ дорогамъ.

Въ священномъ писаніи сказано: „Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ“, даже дурныхъ и нигде негодныхъ чадъ, но отцы меня раздражаютъ, страшно раздражаютъ; имъ слѣбо вторять мои сверстники, за ними подростки; меня каждую минуту бьютъ по лицу хорошими словами.

то, что тетюшка страдаетъ и не морщится, производило на него впечатлѣніе фокуса.

О. И. была въ постоянномъ движеніи; такія женщины, какъ пчелы, разносятъ оплодотворяющую цвѣточную пыль...

Не женися на богатой—бо выжнеше съ хаты; не женися на убогой—бо не будешь слаты, а женися на вольной волѣ, на казацкой долѣ.

Алеша: часто я слышу, какъ говорятъ: до свадьбы поэзія, а тамъ—прощай иллюзія! Какъ это безсердечно и грубо!

Пока человеку нравится плескъ шуки, онъ поэтъ; когда же онъ знаетъ, что этотъ плескъ не что иное, какъ погоня сильнаго за слабымъ, онъ мыслитель; когда же онъ не понимаетъ, какой смыслъ въ погонѣ и зачѣмъ это нужно равновѣсіе, которое достигается истребленіемъ, онъ опять становится глупъ и тупъ, какъ въ дѣтствѣ. И чѣмъ больше знаетъ и мыслитъ, тѣмъ глупѣе.

Смерть ребенка. Только-что успокоившись, а судьба тебя—трахъ!

Волчиха, нервная, заботливая, чадолюбивая, утащила въ зимовье Бѣлолобаго, принявъ его за ягненка. Она знала раньше, что тамъ ярка, а у ярки дѣти. Когда тащила Бѣлолобаго, вдругъ кто-то свистнулъ, она встревожилась и выпустила его изо рта, а онъ за ней... Пришли на мѣсто. Онъ сталъ сосать ее вмѣстѣ съ волчатами. Къ слѣдующей зимѣ онъ мало измѣнился, только похудѣлъ и ноги у него стали длиннѣй, да бѣлое пятно на лбу приняло совершенно треугольную форму. У волчихи было слабое здоровье *).

Приглашали на эти вечера знаменитостей, и было скучно, потому что талантливыхъ людей въ Москвѣ мало, и на всѣхъ вечерахъ участвовали все одни и тѣ же пѣвцы и чтецы.

Она еще не чувствовала себя съ мужчиной такъ легко и свободно.

Ужо погоди, подрастешь, я буду тебя декламации учить.

Ей казалось, что на выставкѣ много одинаковыхъ картинъ.

Передъ вами дефилировалъ цѣлый рядъ прачекъ.

Костя билъ на то что онѣ сами у себя украли.

Л. поставилъ себя на мѣсто присяжнаго засѣдателя и понялъ такъ: взломъ былъ, но кражи не было, такъ какъ бѣлье пропало сами прачки, а если кража была, то безъ взлома.

*) Конспективное изложеніе части разсказа „Бѣлолбый“.

Отедору льстило, что его братъ засталъ за однимъ столомъ съ извѣстнымъ артистомъ.

Когда Я. говорилъ или ѣлъ, то борода у него двигалась такъ, какъ будто у него во рту не было зубовъ.

Ивашинъ любилъ Надю Вишневскую и боялся этой любви. Когда швейцаръ сказалъ ему, что барыня только-что уѣхала, а барышни дома, онъ порылся въ шубѣ и во фракѣ, досталъ визитную карточку и сказалъ:

— Отлично...

Но было совсѣмъ не отлично. Выѣзжая утромъ изъ дому дѣлать визиты, онъ думалъ, что къ этому побуждали его условія свѣтской жизни, которыми онъ тиготился, теперь же ему было понятно, что выѣхавъ онъ дѣлать визиты только потому, что гдѣ-то далеко, въ глубинѣ души, словно подъ вуалью, таилась въ немъ надежда, что онъ увидитъ Надю... И ему стало вдругъ жаль, грустно, немножко страшно...

А у него на душѣ, какъ казалось ему, шедъ снѣгъ и все уже увяло. Онъ боялся любить Надю, потому что былъ старъ для нея, считалъ свою наружность непривлекательною и не вѣрилъ, чтобы такія молодыя дѣвушки, какъ Надя, могли любить мужчинъ только за умъ и душевныя качества. Но все-таки у него иногда бродило въ душѣ что-то похожее на надежду. Теперь же, съ той минуты, какъ прозвучали и потомъ затихли офицерскія шпоры, затихла и его робкая любовь... Все было кончено, надежда невозможна... „Да, теперь все кончено, — думалъ онъ. — Я радъ, очень радъ“...

Своею женою онъ воображалъ не Надю, а почему-то всегда полную даму съ высокой грудью, покрытой венціанскими кружевами.

У писарей въ канцеляріи начальника острова съ похмелья болятъ головы. Хочется выпить. Денегъ нѣтъ. Что дѣлать? Одинъ изъ нихъ, каторжникъ, присланный за фальшивыя бумажки, изобрѣтаетъ способъ. Онъ идетъ въ церковь, гдѣ на клиросѣ поетъ бывший офицеръ, присланный за пощечину, и говоритъ ему, запыхавшись:

— Идите, вамъ пришло помилованіе! Телеграмму сейчасъ въ канцелярію получили.

Бывшій офицеръ блѣдень, дрожитъ, еле идетъ отъ волненія.

— А за такое извѣстіе съ васъ наводку слѣдовало бы,— говорить писарь.

— Возьми все! Все!

И отдаетъ ему рублей пять... Приходитъ въ канцелярію. Офицеръ боится умереть отъ радости и держится за сердце.

— Гдѣ телеграмма?

— Бухгалтеръ спряталъ. (*Идетъ къ бухгалтеру*).

Общій смѣхъ и приглашеніе выпить.

— Какой ужасъ!

Потомъ офицеръ недѣлю боленъ *).

Иванову сказалъ Федя, братъ жены управляющаго, что за лѣсомъ пасутся дрохвы. Онъ зарядилъ ружье картечью. Вдругъ—волеъ. Онъ выпалилъ. Размозжилъ ischiadic. въ обоихъ бедрахъ. Волеъ обезумѣлъ отъ боли и не замѣчаетъ его. „Что же я могу сдѣлать, милый?“ Думаль-думаль, пошелъ домой, позвалъ Петра... Тотъ съ палкой. Сдѣлавъ ужасное лицо, сталъ бить... Билъ, билъ, билъ, пока тотъ не издохъ... Вспотѣлъ и отошелъ, не сказавъ ни слова.

Вѣра: Я не уважаю тебя за то, что ты такъ странно женился, за то, что изъ тебя ничего не вышло... Оттого я и имѣю тайны отъ тебя.

Бѣда въ томъ, что самые простые вопросы мы стараемся рѣшать хитро, а потому и дѣлаемъ ихъ необыкновенно сложными. Нужно искать простое рѣшеніе.

Я счастливъ, доволенъ, сестра, но, если бы я родился во второй разъ и меня бы спросили: хочешь жениться?—и отвѣтилъ бы: нѣтъ. Хочешь имѣть деньги?—Нѣтъ...

Нѣтъ того понедѣльника, который не уступилъ бы своего мѣста вторнику.

Леночкѣ въ романахъ нравились герцоги и графы, го

*) Эпизодъ, вынесенный А. П. изъ повѣдки на Сахалинъ. Въ книгу „Сахалинъ“ не вошелъ.

мелкоты она не любила. Любила главы, гдѣ любовь, но чистая, идеальная, а не чувственная. Описаній природы не любила. Разговоры предпочитала описаніямъ. Читая начало, нетерпѣливо заглядывала въ конецъ. Не знала и не помнила именъ авторовъ. Писала карандашомъ на поляхъ: дивно! предестъ! или: и подѣломъ!

Леночка пѣла, не открывая рта.

Post coitum:—Мы, Болдаревы, всегда отличались крѣпкимъ здоровьемъ...

Онъ ѣхалъ на извозчикѣ и думалъ, глядя на уходящаго сына:— „Быть-можетъ, онъ принадлежитъ къ людямъ, которые уже не будутъ трепыхаться на паршивыхъ извозчикахъ, какъ я, а летать на шарахъ въ поднебесы“...

Красива, что даже страшно; черныя брови.

Сынъ ничего не говоритъ, но жена чуетъ въ немъ врага чуетъ! Онъ все подслушивалъ...

Сколько между дамами идиотокъ! Къ этому такъ при выкли, что не замѣчаютъ этого

Ходятъ часто въ театръ и читаютъ толстые журналы—и все же злы и безнравственны.

Нат. Я въ истерику никогда не падаю. Я не нѣженка *).

Нат. Всегда сестрамъ: ахъ, какъ ты подурнѣла! [ахъ, какъ ты постарѣла!

Чтобы жить, надо имѣть прицѣпку... Въ провинціи работаетъ только тѣло, но не духъ.

Чужими грѣхами святъ не будешь.

Кулыгинъ. Я веселый человѣкъ, я заражаю всѣхъ своимъ настроеніемъ.

*) Начиная съ этого отрывка — отдѣльными мѣста черновой редакціи „Трехъ сестеръ“.

Кулыгинъ. Дастъ уроки у богатыхъ людей.?

Кулыгинъ въ IV актѣ безъ усовъ.

Жена умоляетъ мужа: не толстѣй.

О, если бы такая жизнь, чтобы становилось все моложе и красивѣе.

Ир. Трудно жить безъ отца, безъ матери. И безъ мужа. Да, и безъ мужа. Кому скажешь? Кому пожалуешься? Съ кѣмъ порадуешься? Нужно любить кого-нибудь крѣпко.

Кулыгинъ (женѣ). Я до такой степени счастливъ, что женатъ на тебѣ, что считаю неблагороднымъ и неприличнымъ говорить и даже упоминать о приданомъ. Молчи, не говори...

Дк. присутствуетъ на дуэли съ удовольствіемъ.

Тяжело безъ денщиковъ. Не дозвонишься.

2-я, 3-я и 6-я батареи ушли въ 4 часа, а мы выходимъ ровно въ 12 *).

днемъ разговоры о распущенности женской гимназіи, вечеромъ лекція о вырожденіи и упадкѣ всего, а ночью послѣ всего этого застрѣлиться хочется.

въ жизни нашихъ городовъ нѣтъ ни пессимизма ни марксизма, никакихъ вѣяній, а есть застой, глупость, бездарность...

была жажда жизни, а ему казалось, что это хочется выпить—и онъ выпилъ вина.

Ф. въ думѣ: Серг. Ник. жалобнымъ голосомъ: г-да, гдѣ же взять средствъ? Нашъ городъ бѣденъ.

*) Здѣсь кончаются отрывки черновой редакціи „Трехъ сестеръ“.

быть празднымъ значить поневолѣ прислушиваться всегда къ тому, что говорить, видѣть, что дѣлаютъ; тотъ же, кто работаетъ и занятъ, мало слышитъ и мало видитъ.

на каткѣ онъ гонялся за Л., хотѣлось догнать и казалось, что онъ это хочетъ догнать жизнь, ту самую, которой уже не вернешь и не догонишь и не поймашь, какъ не поймашь своей тѣни.

одно только соображеніе морило его съ д-ромъ: какъ онъ пострадалъ отъ невѣжества д-ра, такъ, быть-м., кто-нибудь страдаетъ отъ его ошибокъ.

но не странно ли: во всемъ городѣ нѣ одного музыканта, ни одного оратора или выдающагося человѣка.

почетный мир. с., почетный членъ дѣтс. приюта—все почетный.

Л. училась, все училась—онъ же, остановившійся въ своемъ развитіи, не понималъ ни ея ни молодежи. Ut consecutivum.

онъ брюнетъ съ бачками, одѣтъ франтомъ; темные глаза, жгучій брюнетъ. Выводитъ клоповъ, о землетрясеніи, о Китаѣ. У невѣсты 8 тыс. приданого, очень красивая, какъ говоритъ тетунка. Агентъ анонимнаго общества страхованія и проч.—Ты ужасно красивая, душечка, ужасно! да еще 8 тыс.! Ты красавица, я какъ взглянула на тебя сегодня, такъ вся похолодѣла.

Онъ:—Землетрясеніе отъ испареній воды.

Фамиліи:—Гусыня, Кастрюля, Устрица.

— Будь я за границей, мнѣ бы за такую фамилію медали дали

— Нельзя сказать, чтобы я была красива, но я хорошенькая.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1892 — 1904).

Человѣчество понимало исторію, какъ рядъ битвъ, потому что до сихъ поръ борьбу считало оно главнымъ въ жизни.

Соломонъ сдѣлалъ большую ошибку, что попросилъ мудрости *).

Обыкновенные лицемѣры прикидываются голубями, а политическіе и литературные — орлами. Но не смущайтесь ихъ орлинымъ видомъ. Это не орлы, а крысы или собаки.

*) Въ бумагахъ А. Н. сохранился собственноручно переписанный имъ монологъ Соломона:

Соломонъ (*одинъ*). О, какъ темна жизнь! Никакая ночь во дни дѣтства не ужасала меня такъ своимъ мракомъ, какъ мое непостижимое бытіе. Боже мой, отцу Давиду Ты далъ лишь даръ слагать въ одно слова и звуки, пѣть и хвалить Тебя на струнахъ, сладко плакать, исторгать слезы изъ чужихъ глазъ и улыбаться красотѣ, но мнѣ же зачѣмъ далъ еще томящійся духъ и не спящую, голодную мысль? Какъ насѣкомое, что родилось изъ праха, причусь я во тьмѣ и съ отчаяніемъ, со страхомъ, весь дрожа и холодея, вижу и слышу во всемъ непостижимую тайну. Къ чему это утро? Къ чему изъ-за храма выходить солнце и золотить пальму? Къ чему красота женъ? И куда торопится эта птица, какой смыслъ въ ея полетѣ, если она сама, ея птенцы и то мѣсто, куда она слѣтѣетъ, подобно мнѣ, должны стать прахомъ? О, лучше бы я не родился, или былъ камнемъ, которому Богъ не далъ ни глазъ ни мыслей. Чтобы утомить къ ночи тѣло, вчера весь день, какъ простой работникъ, таскалъ я къ храму мраморъ; но вотъ и ночь пришла, а я не сплю... Пойду опять и лягу. Форзесъ говорилъ мнѣ, что если вообразить бѣгущее стадо овецъ и неотступно думать о немъ, то мысль слѣпается и уснетъ. Я это сдѣлаю... (*уходитъ*).

Кто глупѣе и грязнѣе насъ, тѣ народъ. Администрація дѣлится на податныхъ и привилегированныхъ. Но ни одно дѣленіе не годно, ибо всѣ мы народъ, и все то лучшее, что мы дѣлаемъ, есть дѣло народное.

Если принцъ Монако имѣетъ рулетку, то котораго имѣетъ у себя картежъ можно и подавно.

Пофилософствовать насчетъ любви Ив. могъ, но любить нѣтъ.

Алеша: Мой умъ, мама, ослабѣлъ отъ болѣзни, и я теперь, какъ въ дѣтствѣ: то Богу молюсь, то плачу, то радуюсь...

Зачѣмъ Гамлету было хлопотать о видѣніяхъ послѣ смерти, когда самой жизнь посѣщаютъ видѣнія страшнѣе?

Дочь. Въ валенкахъ неприлично.

От. Въ самомъ дѣлѣ, они неуклюжи. Надо будетъ ихъ обсоюзить.

Отецъ заболѣлъ, и потому его не отправляютъ въ Сибирь.

Дочь. Ты, папа, вовсе не боленъ. Смотри, ты въ сюртукѣ, въ сапогахъ...

От. А мнѣ хочется въ Сибирь. Сидишь гдѣ-нибудь на Енисей или Оби съ удочкой, а тамъ на паромѣ арестантки, переселенцы... А здѣсь я все ненавижу: эту сирень за окномъ, эти дорожки съ песочкомъ...

Спальня. Лунный свѣтъ бьетъ въ окно, такъ что видны даже пуговицы на сорочкѣ.

Доброму человѣку бываетъ стыдно даже передъ собакой.

Одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ взглянулъ на красивый ландшафтъ и сказалъ:—Какое чудесное отправление природы!

Изъ записокъ старой собаки: „Люди не ѣдятъ помоевъ и костей, которые выбрасываетъ кухарка. Глупцы!“

У него ничего не было за душой, кромѣ воспоминаній кадетской жизни.

Франц. пословица: *Laid comme un chenille*—скверень, какъ гусеница („дурень, какъ смертный грѣхъ“).

Не женятся и сидятъ въ старыхъ дѣвахъ, потому что не представляютъ другъ для друга никакого интереса, даже физическаго.

Взрослыя дѣти, говоря за обѣдомъ о религіи, критикуютъ посты, монаховъ и пр. Старуха-мать сначала выходитъ изъ себя, потомъ, очевидно, привыкнувъ, только усмѣхается, и потомъ наконецъ неожиданно заявляетъ дѣтямъ, что они убѣдили ее, что она ихней вѣры. Дѣти почувствовали себя нехорошо, и имъ было непонятно, что теперь старуха станетъ дѣлать.

Національной науки нѣтъ, какъ нѣтъ національной таблицы умноженія; что же національно, то уже не наука.

Шелъ по улицѣ такъ, и ему было стыдно, что у него кривыя лапы.

Разница между мужчиной и женщиной: женщина, старѣя, все болѣе и болѣе углубляется въ бабы дѣла, а мужчина, старѣя, все болѣе и болѣе уходитъ отъ бабьихъ дѣлъ.

Эта внезапно и некстати происшедшая любовная исторія похожа на то, какъ если бы вы повели мальчиковъ куда-нибудь гулять, если бы гулянье было интересно и весело—и вдругъ бы одинъ обожрался масляной краской.

Дѣйствующее лицо говорить всѣмъ: — Это у васъ глисты.—И дочь свою лѣчить отъ глистовъ; она пожелѣла.

Бездарный ученый, тупица, прослужилъ 24 года, не сдѣлавъ ничего хорошаго, давъ міру десятки такихъ же бездарныхъ узкихъ ученыхъ, какъ онъ самъ. Тайно, по ночамъ, онъ переплетаетъ книги—это его истинное призваніе: здѣсь онъ артистъ и испытываетъ наслажденіе. Къ

исму ходить переплетчикъ, любитель учености. Тайно, по ночамъ занимается наукой.

Кавказскій князь въ бѣдомъ шербетъ ѣхалъ въ открытомъ фельетноѣ.

Наша вселенная, быть-можетъ, находится въ зубѣ какого-нибудь чудовища.

— Держи права, желтоглазый!

— Вы хотите ѣсть?

— Нѣтъ, наоборотъ.

Беременная дама съ короткими руками и съ длинной шеей, похожая на кенгуру.

Какое наслажденіе уважать людей! Когда я вижу книги, мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ авторы любили, играли въ карты, я вижу только ихъ изумительныя дѣла.

Любить непременно чистыхъ—это эгоизмъ: искать въ женщинѣ того, чего во мнѣ нѣтъ—это не любовь, а обожаніе, потому что любить надо равныхъ себѣ.

Такъ называемая дѣтская чистая жизненная радость есть животная радость.

Я терпѣть не могу, когда кричатъ дѣти. Но когда плачетъ мой ребенокъ, я не слышу.

Гимназистъ угощаетъ даму обѣдомъ въ ресторани. Денегъ у него 1 р. 20 к. Счетъ 4 р. 30 к. Денегъ нѣтъ, онъ заплакалъ. Содержатель выдралъ за уши. Съ дамой разговоръ объ Абиссиніи.

Человѣкъ, который, судя по наружности, ничего не любитъ, кромѣ сосисокъ съ капустой.

Дѣла опредѣляются ихъ цѣлями: то дѣло называется великимъ, у котораго велика цѣль.

Идешь по Невскому, взглянешь налѣво на Сѣнную:

облака пѣта дыма, багровый шаръ заходящаго солнца — Дантовъ адъ!

Доходъ въ 25 — 30 тысячъ, но все-таки застрѣливается отъ нужды.

Страшная бѣдность. Положеніе безвыходное. Мать—вдова, дочь — дѣвушка, очень некрасивая. Мать наконецъ собралась съ духомъ и совѣтуетъ дочери итти на бульваръ. Она когда-то, въ молодости, тайкомъ отъ мужа ходила, чтобы заработать на наряды; у нея есть нѣкоторый опытъ. Она учить дочь. Та идетъ, ходитъ до утра, но ни одинъ мужчина не беретъ ее: безобразна. Дня черезъ два шла по бульвару три какихъ-то безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась лотерейнымъ билетомъ, уже нигуда негоднымъ.

Двѣ жены: одна въ Петербургѣ, другая въ Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубійства. Въ концѣ концовъ нашелъ средство: поселилъ обѣихъ женъ вмѣстѣ. Онѣ въ недоумѣніи, точно окаменѣли; и молчали, стали тихи.

Дѣйств. лицо такъ не развито, что не вѣрится, что оно было въ университетѣ.

И мнѣ снилось, будто то, что я считалъ дѣйствительностью, есть сонъ, а сонъ есть дѣйствительность.

Я замѣтилъ, что, женившись, перестаютъ быть любимыми.

Для ощущенія счастья обыкновенно требуется столько времени. сколько его нужно, чтобы завести часы.

Грязный трактиръ у станціи. И въ каждомъ такомъ трактирѣ непременно найдешь соленую бѣлугу съ хрѣномъ. Сколько же въ Россіи солится бѣлуги!

З. ходитъ въ воскресенье подѣ Сухаревой около книгъ, находитъ брошюру соч. своего отца съ надписью: „Милой Надѣ отъ автора“.

Чиновникъ носить на груди портретъ губернаторши; откармливаетъ орѣхами индѣйку и подносить ей.

Надо быть яснымъ умственно, чистымъ нравственно и опрятнымъ физически.

Про одну барыню говорили, что у нея кошачій заводъ; любовникъ мучилъ кошекъ, наступая имъ на хвосты.

Офицеръ съ женой ходили въ баню вмѣстѣ, и мыль ихъ обохъ денщикъ, котораго, очевидно, они не считали за человѣка.

— И вотъ вышелъ онъ во всѣхъ своихъ регалияхъ.

— А какія у него регалии?

— Бронзовая медаль за труды по переписи 97 г.

Чиновникъ деретъ сына за то, что онъ по всѣмъ предметамъ получилъ 5. Это кажется мало. Потомъ, когда ему разъяснили, что онъ не правъ, что 5 — это лучшая отмѣтка, онъ все-таки высѣкъ сына — съ досады на себя.

У очень хорошаго человѣка такая фizioномія, что его принимаютъ за сыщика; думаютъ, что онъ укралъ записки.

Серьезный мѣшковатый докторъ влюбился въ дѣвушку, которая очень хорошо танцуетъ, и, чтобы понравиться ей, сталъ учиться мазуркѣ.

Воробѣйхъ кажется, что ей воробей не чирикаетъ, а поетъ очень хорошо.

Когда живешь дома, въ покоѣ, то жизнь кажется обыкновенною, но едва вышелъ на улицу и сталъ наблюдать, разспрашивать, на примѣръ, женщинъ, то жизнь — ужасна. Окрестности Патріаршихъ Прудовъ на видъ тихи и мирны, но на самомъ дѣлѣ жизнь въ нихъ — адъ.

Эти краснощекія дамы и старушки такъ здоровы, что отъ нихъ даже паръ идетъ.

Имѣніе скоро пойдетъ съ молотка, кругомъ бѣдность, а лакеи все еще одѣты шутами.

Увеличилось не число нервных болѣзней и нервныхъ больныхъ, а число врачей, способныхъ наблюдать эти болѣзни.

Чѣмъ культурнѣе, тѣмъ несчастнѣе.

Жизнь раскоится съ философией: счастья нѣтъ безъ правды; доставляетъ удовольствіе только то, что не нужно.

Дѣдушкѣ даютъ покушать рыбы, и если онъ не отравляется и остается живъ, то ее ѣсть вся семья.

Переписка. Молодой человѣкъ мечтаетъ посвятить себя литературѣ, пишетъ постоянно объ этомъ отцу, въ концѣ концовъ бросаетъ службу, ѣдетъ въ Петербургъ и посвящаетъ себя литературѣ—поступаетъ въ цензора.

Спальный вагонъ 1 класса. Пассажиры № 6, 7, 8 и 9. Говорятъ о невѣсткахъ. Въ народѣ страдаютъ отъ свежостей, а у насъ, въ интеллигенціи, отъ невѣстокъ.

— Жена моего старшаго сына образованная, и въ воскресныхъ школахъ, и библиотечки, но безтактна, жестока, капризна и физически противна; за обѣдомъ вдругъ истерика, дѣланная по поводу какой-то газетной статьи. Ломака.

Другая невѣстка: въ обществѣ держится ничего, но въ домашней жизни это халда, курить, скупа, и когда пить чай въ прикуску, то держитъ сахаръ между губами и зубами—и при этомъ говорить.

Мѣщанкина.

Въ людской Романъ, развратный въ сущности мужикъ, считаетъ долгомъ смотрѣть за нравственностью другихъ.

Толстая, пухлая трактирщица—помѣсь свиньи съ бѣлугой.

На Мл. Бронной. Дѣвочка, никогда не бывавшая въ деревнѣ, чувствуетъ ее и бредитъ о ней, говоритъ о галкахъ, воропахъ, жеребятахъ, представляя себѣ бульвары и на деревьяхъ птицы.

Два молод. офицера въ корсетахъ.

Одинъ капитанъ учитъ свою дочь фортификаціи.

За новыми формами въ литературѣ всегда слѣдуютъ новыя формы жизни (предвозвѣстники) и потому онѣ бываютъ такъ противны консервативному человѣческому духу.

Правовѣдъ неврастеникъ, пріѣхавъ домой, въ глухую деревню, читаетъ французскіе монологи—и выходитъ глупо.

Человѣкъ любитъ поговорить о своихъ болѣзняхъ, а между тѣмъ это самое неинтересное въ его жизни.

Чиновникъ, носившій портретъ губернаторши, даетъ деньги подъ проценты, богатъ втайнѣ. Бывшая губернаторша, портретъ которой онъ носилъ 14 лѣтъ, живетъ подъ городомъ, вдова, больная; сынъ ея попался, нужны 4 тысячи. Она ѣдетъ къ этому чиновнику, онъ выслушиваетъ ее скучающе и говоритъ:

— „Я ничего не могу сдѣлать для васъ, сударыня“.

Женщины безъ мужского общества блекнутъ, а мужчины безъ женскаго глупѣютъ.

Большой трактирщикъ проситъ доктора: — „Когда я заболѣю, то ради Бога, услышавъ, пріѣзжайте, не дожидаясь приглашенія. Сестра моя ни за что не пригласитъ васъ: она скупа, вы же берете 3 р. за визитъ“. Черезъ 1—2 мѣсяца докторъ слышитъ, что трактирщикъ тяжело боленъ, и едва собрался ѣхать къ нему, какъ получаетъ отъ сестры письмо: „братъ мой скончался“. Черезъ 5 дней докторъ ѣдетъ случайно въ эту деревню и узнаетъ, что трактирщикъ умеръ только сегодня утромъ. Возмущенный, идетъ въ трактиръ. Сестра въ черномъ стоитъ въ углу и читаетъ псалтырь. Докторъ начинаетъ упрекать въ скупости, въ жестокости. Сестра читаетъ псаломъ и черезъ каждыя 2—3 фразы прерываетъ грызотней („Много васъ тутъ... Носятъ васъ шуты“). Она старовѣрка, ненавидитъ страстно, ругается отчаянно.

Вновь назначенный губернаторъ обратился къ своимъ чиновникамъ съ рѣчью. Призвалъ купцовъ — рѣчь. На

актъ въ женской гимназій—рѣчь объ истинномъ просвѣщеніи. Представителямъ печати—рѣчь. Собралъ евреевъ: „Еврей! Я призвалъ васъ“... Но проходитъ 1—2 мѣсяца—ничего не дѣлаетъ. Опять созываетъ купцовъ—рѣчь. Опять евреевъ: „Еврей! Я призвалъ васъ“... Надоѣлъ всѣмъ. Наконецъ говоритъ правителю канцеляріи: „Нѣтъ, не подѣ силу мнѣ это, голубчикъ. Подаю въ отставку!“

Семинаристъ въ деревнѣ зубритъ латынь. Каждые $\frac{1}{2}$ часа побѣжить въ дѣвичью и, зажмуривъ глаза, щупаетъ ихъ, щиплетъ, онѣ визжать, хохочутъ—потомъ опять за книгу. Это онъ называетъ „освѣжиться“.

Губернаторша пригласила чиновника, у него тонкій голосъ, своего обожателя (портретъ на груди), на чашку шоколада, и потомъ онъ недѣлю испытывалъ блаженство. Онъ копилъ деньги и ссужалъ ихъ безъ процентовъ. — Я не могу дать вамъ, зять вашъ проиграетъ. Нѣтъ-съ, не могу. — Мужъ дочери, той самой, которая когда-то сидѣла въ ложѣ въ боа, проигрался и растратилъ. Чиновнику, привыкшему къ селедкѣ и водкѣ и никогда раньше не пившему шоколада, стало тошно отъ него. У губернаторши выраженіе: я миленькая; массу денегъ тратила на туалеты и жаждала случая щегольнуть этими туалетами—устройство вечеровъ.

Бѣхатъ съ женой въ Парижъ все равно, что бѣхатъ въ Тулу со своимъ самоваромъ.

Молодежь не идетъ въ литературу, потому что лучшая ея часть теперь работаетъ на паровозахъ, на фабрикахъ, въ промышленныхъ учрежденіяхъ; вся она ушла въ индустрію, которая дѣлаетъ теперь громъ вслѣхи.

Въ семьѣ, гдѣ женщина буржуазна, легко культивируются панамисты, пройдохи, безыдейные скоты.

Мнѣніе профессора: не Шекспиръ главное, а примѣчанія къ нему.

Пусть грядущія поколѣнія достигнутъ счастья; но вѣдь они должны же спросить себя, во имя чего жили ихъ предки и во имя чего мучились.

Не такъ связываютъ любовь, дружба, уваженіе, какъ общая ненависть къ чему-нибудь.

13-го дек. Видѣлъ владѣлицу фабрики, мать семейства, богатую русскую женщину, которая никогда не видѣла въ Россіи сирени.

Въ письмѣ: „русскій за границей если не шпионъ, то дуракъ“. Сосѣдъ уѣзжаетъ во Флоренцію, чтобы излѣчиться отъ любви, но на разстояніи влюбляется еще сильнѣе.

Ялта. Молодой человѣкъ, интересный, правится 40-лѣтней дамѣ. Онъ равнодушенъ къ ней, избѣгаетъ ея. Она мучается и въ концѣ концовъ, съ досады, устраиваетъ ему скандалъ.

Мать Петруши и теперь, въ старости, подмазывала глаза.

Порочность—это мѣшокъ, съ которымъ человѣкъ родится.

Б. серьезно говорилъ, что онъ, русскій Мопассанъ. И С. тоже.

Фамилія еврея: Чепчикъ.

Барышня, похожая на рыбу хвостомъ вверхъ; ротъ, какъ дуло, хочется положить туда конейку.

Русскіе за границей: мужчины любятъ Россію страстно, женщины же скоро забываютъ о ней и не любятъ ея.

Провизоръ Протеръ.

Розалія Осиповна Аромать.

У бѣдныхъ просить легче, чѣмъ у богатыхъ.

И она стала заниматься проституціей и уже спала на кровати, а обнищавшая тетя уже ложилась на коврики около ея постели и вскакивала, когда звонились гости; а когда они уходили, она говорила жеманно, съ кокетливой гримасой:

— Оставьте что-нибудь горничной.
И ей иногда оставляли 15 коп.

Кокотки въ Монте-Карло, кокоточный тонъ; кажется, п
пальма кокотка, и пулярка кокотка...

Верзила. Фельдшерица Н. изъ Петерб. рожд. курсовъ,
идейная, влюбилась въ учителя Х., думая, что онъ тоже
идейный, труженикъ во вкусъ повѣстей и романовъ, кото-
рые она такъ любила. Онъ мало-по-малу оказался пьяни-
цей, лѣнтяемъ, добродушнымъ и недалекимъ. Его уволили,
онъ сталъ жить при женѣ, объѣдать ее. Это былъ паростъ,
въ родѣ саркомы, который истощалъ ее совершенно. Какъ-
то она лѣчила интел. помѣшчиковъ, ѣздила къ нимъ каж-
дый день; было неловко платить ей—и они подарили ея
мужу костюмъ, къ ея великой досадѣ. Онъ подолгу пилъ
чай, и это ее возмущало. Живя съ мужемъ, она стала то-
пешенькой, некрасивой, злою; топала ногами и кричала
ему:—„Оставь меня, низкій человекъ!“. Ненавидѣла его.
Она работала, а ему платили, такъ какъ платы она, какъ
земская, не брала, и ей было досадно, что знакомые его
не понимали и тоже считали идейнымъ.

Молодой человекъ собралъ миллионъ марокъ, легъ на
нихъ и застрѣлился.

„Эта женщина“... „Я женился 20 лѣтъ, не выпилъ во
всю мою жизнь ни одной рюмки водки, не выкурить ни
одной папиросы“. Послѣ того, какъ онъ согрѣшилъ, его
полюбили и стали ему больше вѣрить, и, гуляя по улицѣ,
онъ сталъ замѣчать, что всѣ стали ласковѣй и добрѣй—
оттого, что онъ грѣшитъ.

Женятся, потому что обоимъ дѣваться некуда.

Сила и спасеніе народа въ его интеллигенціи, въ той,
которая честно мыслить, чувствуетъ и умѣетъ работать.

Мужчина безъ усовъ все равно, что женщина съ усами.

Кто не можетъ взять лаской, тотъ не возьметъ и стро-
гостью.

На одного умнаго полагается тысяча глупыхъ, и на одно
умное слово приходится 1000 глупыхъ, и эта тысяча за-
глушаетъ, и потому такъ туго подвигаются города и
деревни. Большинство, масса всегда останется глупой,
всегда она будетъ заглушать; умный пусть броситъ на-
дежду воспитать и возвысить ее до себя; пусть лучше
призоветъ на помощь матеріальную силу, пусть строить
жел. дороги, телеграфы, телефоны—и съ этимъ онъ побѣ-
дитъ и подвинетъ впередъ жизнь.

Порядочныхъ въ настоящемъ смыслѣ можно встрѣтить
только среди людей, имѣющихъ опредѣленные, консерва-
тивные или либеральныя убѣжденія; такъ же называемые
умѣренные весьма склонны къ наградамъ, пособіямъ, кре-
стикамъ, прибавкамъ.

— Отчего умеръ вашъ дядя?

— Онъ вмѣсто 15 капель Боткина, какъ прописалъ
докторъ, принималъ 16.

Молодой, только-что окончившій филологъ пріѣзжаетъ
домой въ родной городъ. Его выбираютъ въ церковные
старосты. Онъ не вѣруетъ, но исправно посѣщаетъ службы,
крестится около церкви и часовенъ, думая, что такъ
нужно для народа, что въ этомъ спасеніе Россіи. Выбрали
его въ предсѣдатели земской управы, въ почетные миро-
вые судьи, пошли ордена, рядъ медалей—и не замѣтилъ,
какъ исполнилось ему 45 лѣтъ, и онъ спохватился, что
все время ломался, строилъ дурака, но уже перемѣнить
жизнь было поздно. Какъ-то во снѣ вдругъ точно вы-
стрѣлъ:—„Что вы дѣлаете?“—и онъ вскопился весь въ
поту.

Противиться злу нельзя, а противиться добру можно.

Онъ льститъ властямъ, какъ попъ.

Мертвые срама не имутъ, но смердятъ страшно.

Вмѣсто простынь грязныя скатерти.

Еврей Перчикъ.

Обыватель въ разговорѣ: и всякая штука.

Богачъ въ большинствѣ наглъ, самомнѣніе у него громадное, по свое богатство онъ носить, какъ порокъ. Если бы дамы и генералы не благодетели на его счетъ, если бы не бѣдные студенты, не нищіе, то онъ испытывать бы тоску и одиночество. Если бы бѣдные сдѣлали стачку и согласились бы не просить у него, то онъ самъ пришелъ бы къ нимъ.

Мужъ приглашаетъ пріятелей въ Крымъ къ себѣ на дачу, а жена потомъ, тайно отъ мужа, подаетъ имъ счета и получаетъ за квартиру и столъ.

Потаповъ привязывается къ брату, и это служить началомъ любви къ сестрѣ. Разводъ съ женой. Сынъ потомъ присылаетъ ему планы: помѣщеніе для кроликовъ.

- Я посѣлять у себя вику съ овсомъ.
- Напрасно. Лучше бы посѣляли trifolium (клеверъ)
- Я завелъ свинью.
- Напрасно. Не выгодно. Лучше держать кобылокъ.

Дѣвица, преданный другъ, изъ самыхъ добрыхъ побуждений ходила съ подписнымъ листомъ для Х., который не нуждался.

Почему такъ часто описываютъ константинопольскихъ собакъ?

Болѣзнь: у него гидротерапія.

Пріѣзжаю къ знакомому, застаю ужинъ, много гостей. Очень весело. Мнѣ весело болтать съ сосѣдками и пить вино. Настроеніе чудесное. Вдругъ поднимается Н. съ важнымъ лицомъ, точно прокуроръ, и произноситъ въ честь мою тостъ. „Чародѣй слова, идеалы, въ наше время, когда идеалы потускнѣли... сѣйте разумное, вѣчное...“ У меня такое чувство, точно я былъ накрытъ раньше колпакомъ, а теперь колпачокъ сняли, точно въ меня прицѣлились. Послѣ тоста чокались, молчаніе. Пропало веселье. — Вы теперь должны сказать, — говоритъ сосѣдка. Но что я скажу? Я охотно бы пустилъ въ него бутылкой. И спать ложусь

съ осадкомъ въ душѣ. „Смотрите, смотрите, господа, какой дуракъ сидитъ среди васъ!“

Горничная, убирая постель, всякій разъ бросаетъ туфли подъ кровать, къ самой стѣнкѣ. Хозяинъ-толстикъ наконецъ выходитъ изъ себя и хочетъ прогнать дѣвочку-горничную. Оказывается, что это докторъ приказалъ ей забрасывать подальше туфли, чтобы вылѣчить толстяка.

Въ клубѣ забаллотировали порядочнаго человѣка, потому что были всѣ не въ духѣ; испортили ему все будущее.

Большой заводъ. Молодой хозяинъ говоритъ всѣмъ „ты“ и грубитъ своимъ подчиненнымъ, имѣющимъ университетскій дипломъ. И одинъ лишь садовникъ-нѣмецъ осмѣлился обидѣться: — „Какъ ты смѣешь, золотой мѣшокъ?“

Маленькій крошечный школьникъ по фамиліи Трахтенбавэръ.

Узнать изъ газетъ о смерти великихъ людей и по каждому изъ нихъ носить трауръ.

Въ театрѣ. Господинъ проситъ даму снять шляпу, которая мѣшаетъ ему. Ропотъ, досада, просьбы. Наконецъ признаніе: — Сударыня, я авторъ! — Отвѣтъ: — А мнѣ все равно. (Авторъ въ театрѣ тайно отъ всѣхъ).

Чтобы умно поступать, одного ума мало. (Достоевскій).

У А. и Б. пари. А. на пари сѣдаетъ 12 котлетъ, Б. не платитъ пари, не платитъ даже за котлеты.

Ужасно обѣдать каждый день съ человѣкомъ, который заикается и говоритъ глупости.

Взглянувъ на полную, аппетитную женщину: это не женщина, а полнолуніе!

Хочется думать (судя по лицу), что подъ корсажемъ у нея жабы.

Для водевиля: Капитонъ Ивановичъ Чирій.

Податной инспекторъ и акцизный, чтобы оправдать себя, что занимаютъ такое мѣсто, говорятъ, хотя его и не спрашиваютъ: дѣло интересное, масса работы, живое дѣло.

20 лѣтъ любила Z., 24 вышла за N. не по любви, а по расчету, что это добрый, умный, идейный человѣкъ. Супруги N. живутъ хорошо, всѣ завидуютъ, и въ самомъ дѣлѣ жизнь проходитъ гладко, ровно, она довольна и, когда говорятъ о любви, высказываетъ то мнѣніе, что для семейной жизни нужна не любовь, не страсть, а привязанность. Но какъ-то вдругъ заиграла музыка, внутри въ груди вдругъ все тронулось, точно весенній ледъ, она вспомнила Z., свою любовь къ нему, и съ отчаяніемъ подумала, что ея жизнь сгублена, испорчена навѣки, что она несчастна; потомъ прошло. Черезъ годъ опять былъ такой же припадокъ при встрѣчѣ Нового года, когда поздравляли съ новымъ счастьемъ, и въ самомъ дѣлѣ захотѣлось новаго счастья.

Z. идетъ къ доктору, тотъ выслушиваетъ, находитъ порокъ сердца. Z. рѣзко мѣняетъ образъ жизни, принимаетъ строфантъ, говоритъ только о болѣзни — и весь городъ знаетъ, что у него порокъ сердца; и доктора, къ которымъ онъ то и дѣло обращается, находятъ у него порокъ сердца. Онъ не женится, отказывается отъ любительскихъ спектаклей, не пьетъ, ходитъ тихо, чуть дыша. Черезъ 11 лѣтъ ѣдетъ въ Москву, отправляется къ профессору. Этотъ находитъ совершенно здоровое сердце. Z. радъ, но вернуться къ нормальной жизни уже не можетъ, ибо ложиться съ курами и тихо ходить онъ привыкъ, и не говорить о болѣзни ему уже скучно. Только возненавидѣлъ врачей и больше ничего.

Женщина находится подъ обаяніемъ не искусства, а шума, производимаго состоящими при искусствѣ.

Рецензентъ N. живетъ съ актрисой X. Бенефисъ. Пьеса подлая, игра бездарная, но N. обязанъ хвалить. Онъ пишетъ кратко: „И пьеса и бенефициантка имѣли большой успѣхъ. Подробности завтра“. Написавъ послѣднія два слова и легко вздохнулъ. На другой день идетъ къ X., та открываетъ дверь, даетъ поцѣловать себя и обнять и съ ядовитымъ лицомъ говоритъ: — подробности завтра!

Z. въ Кисловодскѣ, или въ другомъ курортѣ, сошелся съ дѣвочкой 22 лѣтъ; бѣдная, искренняя, онъ пожалѣлъ ее и сверхъ платы положилъ ей на комодъ еще 25 р. и вышелъ отъ нея съ чувствомъ человѣка, сдѣлавшаго доброе дѣло. Придя къ ней въ другой разъ, онъ увидѣлъ дорогую пепельницу и папаху, купленные на его 25 р. — а дѣвочка опять голодна, и щеки втянуты.

N. закладываетъ имѣніе въ Дворянскомъ банкѣ по 4%, а самъ отдаетъ эти деньги подъ залогъ имѣнія по 12%.

Аристократы? То же безобразіе формъ, физическая нечистота, мокрота, тѣ же беззубая старость и отвратительная смерть, что и у мѣщанокъ.

N., когда снимаются, всегда становится впереди группы, первый подписывается на адресахъ, первый говоритъ на юбилеяхъ. Всегда удивляется: а, супъ! а, пирожное!

Z-ту надоѣли визитеры, тогда онъ нанялъ француженку, которая жила у него за жалованье подъ видомъ содержанки; это шокировало дамъ — и къ нему перестали ходить.

Z. служить факельщикомъ въ погребальномъ бюро. Идеалистъ. „Въ бюрѣ“.

N. и Z. кроткіе, кѣжные друзья, но какъ только вмѣстѣ попадаютъ въ общество, то начинаютъ острить другъ надъ другомъ — изъ конфузливости.

Жалоба: сынъ мой Степанъ слабъ здоровьемъ, его поэтому я отдалъ учиться въ Крыму, а тамъ его выдрали виноградной лозой, отъ этого у него ниже спины завелась филоксера, и теперь доктора ничего не могутъ подѣлать.

Митя и Катя слышали, какъ папа взрываетъ скалы на каменоломнѣ. И они тоже захотѣли взорвать сердитаго дѣдушку, взяли въ кабинетъ у папы фунтъ пороха, насыпали полную бутылку, провели фитиль и положили подъ кресло дѣдушки, когда онъ дремалъ послѣ обѣда; но прошли солдаты съ музыкой — и только это помѣшало имъ привести въ исполненіе свою затѣю.

Сонъ есть дивное таинство природы, обновляющее всѣ силы человѣка, тѣлесныя и духовныя. (Епископъ Порфирій Успенскій. Книга бытія моего).

Дама воображаетъ, что у нея особенный исключительный организмъ, который болѣетъ по-особенному—не переноситъ обыкновенныхъ лѣкарствъ. Ей кажется, что у нея сынъ не такой, какъ у всѣхъ, что его нужно воспитывать по-особенному. Она вѣритъ въ принципы, но думаетъ, что они обязательны для всѣхъ, кромѣ нея, такъ какъ она живетъ при исключительныхъ условіяхъ. Вырастаетъ сынъ, и она ищетъ для него какую-то особенную невѣсту. Окружающіе страдаютъ. Сынъ вышелъ негодяй.

Бѣдное многострадательное искусство!

— Барыня, иже херувиму несутъ! (хоругвь).

Человѣкъ, помѣшанный на томъ, что онъ привидѣніе: ходить по ночамъ.

Сентимент. человѣкъ въ родѣ Лаврова, переживая сладкія минуты умиленія, проситъ объ одолженіи: — Напишите моей тетускѣ письмо въ Брянскъ, она очень милая...

Въ сараѣ дурно пахнетъ: 10 лѣтъ назадъ въ немъ почесали косари, и съ тѣхъ поръ этотъ запахъ.

Офицеръ у доктора. Деньги на блюдѣ. Д-ръ видитъ въ зеркало, какъ больной беретъ съ блюда 25 руб. и потомъ платитъ этими деньгами.

Россія страна казенная.

З., говорящій только банальныя вещи: съ ловкостью молодого медвѣдя, на любимую мозоль...

Сберегательная касса: чиновникъ, очень хорошій человѣкъ, презираетъ кассу, считаетъ ее ненужной—и тѣмъ не менѣе служить.

Радикалка, крестящаяся ночью, втайнѣ набитая предразсудками, втайнѣ суевѣрная, слышитъ, что для того, чтобы

быть счастливой, надо ночью сварить черного кота. Крадетъ кота и ночью пытается сварить.

25-лѣтній юбилей издателя. Слезы, рѣчь: „Жертвую 10 р. въ пользу литерат. фонда для выдачи процентовъ бѣднѣйшимъ, и съ тѣмъ, чтобы была назначена особая коммиссія для выработанія правилъ выдачи“.

Онъ ходилъ въ рубахѣ и презиралъ тѣхъ, кто ходилъ въ сюртукѣ. Сбитень изъ штановъ.

Мороженое изъ молока, въ которомъ будто бы купали больныхъ.

Былъ прекрасный строевой лѣсъ; назначили лѣсничаго—и черезъ 2 года лѣса нѣтъ, шелкопрядъ.

Х.: отъ квасу у меня начались въ животѣ холерные безпорядки.

Есть писатели, у которыхъ каждое произведеніе въ отдѣльности блестяще, въ общемъ же эти писатели неопредѣленны, у другихъ же каждое произведеніе не представляетъ ничего особеннаго, но зато въ общемъ они опредѣленны и блестящи.

Н. звонится къ артисткѣ; онъ смущенъ, сердце бьется, въ концѣ концовъ труситъ и убѣгаетъ; горничная отворяетъ и не видитъ никого. Онъ опять подходитъ, звонить—и опять не рѣшается войти. Кончается тѣмъ, что выходитъ дворникъ и бьетъ его по шеѣ.

Кроткая, тихая учительница втайнѣ бьетъ учениковъ, потому что вѣритъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній.

Н.: были не только собаки, но даже лошади.

Н. женится. Мать и сестра видятъ въ его женѣ тѣмъ недостатковъ, скорбятъ и лишь черезъ 3—5 лѣтъ убѣждаются, что она такая же, какъ онѣ.

Жена рыдала. Мужъ взялъ ее за плечи, встрахнулъ, и она перестала плакать.

Послѣ того, какъ онъ женился, все—политика, литература, общество — не казались ему интересными, какъ раньше; зато всякій пустякъ, касавшійся жены и ребенка, вырасталъ въ очень важное дѣло.

— Почему твои пѣсни такъ кратки? — спросили разъ птицу. — Или у тебя не хватаетъ дыханія?

— У меня очень много пѣсенъ, и я хотѣла бы повѣдать ихъ всѣ.

Альф. Додз.

Собака ненавидитъ учителя, ей запрещаютъ лаять на него, она глядитъ, не лаять, но плачетъ отъ злобы.

Вѣра есть способность духа. У животныхъ ея нѣтъ, у дикарей и неразвитыхъ людей — страхъ и сомнѣніи. Она доступна только высокимъ организаціямъ.

Смерть страшна, но еще страшнѣе было бы сознаніе, что будешь жить вѣчно и никогда не умрешь.

Публика въ искусствѣ любитъ больше всего то, что банально и ей давно извѣстно, къ чему она привыкла.

Либеральный, образованный, молодой, но скупой попечитель училища, каждый день ходитъ въ школу, много говоритъ, не даетъ ни гроша, школа разрушается, но охъ искренно считаетъ себя необходимымъ и полезнымъ. Учитель ненавидитъ его, и онъ этого не замѣчаетъ. Зло громадное. Учитель однажды не выдерживаетъ и, глядя со злобой, съ отвращеніемъ, разражается бранью.

Учитель: не слѣдуетъ праздновать столѣтіе Пушкина, онъ ничего не сдѣлалъ для церкви.

Гитарова (актриса).

Если хочешь стать оптимистомъ и понять жизнь, то перестань вѣрить тому, что говорятъ и пишутъ, а наблюдай самъ и выкай.

Мужъ и жена всю жизнь ревниво слѣдовали идеѣ Х (иксъ) и по ней, какъ по формулѣ, строили свою жизнь.

И только передъ смертью спросили себя: а можетъ-быть, эта идея несправедлива? Можетъ-быть, неправду говорить пословица: — *mens sana in corpore sano*?

Мнѣ противны: игривый еврей, радикальный хохоль и пьяный нѣмецъ.

Университетъ развиваетъ всѣ способности, въ томъ числѣ глупость.

Принимая во вниманіе, милтисдаръ, исходя изъ того положенія, милтисдаръ...

Самые несносные люди — это провинціальныя знаменитости.

При нашей несерьезности, при неумѣи и непривычкѣ большинства вглядываться и вдумываться въ явленія жизни, нигдѣ, какъ у насъ, такъ часто не говорятъ: „Какая пошлость!“, нигдѣ не относятся такъ слегка, часто насмѣшливо къ чужимъ заслугамъ, къ серьезнымъ вопросамъ. И съ другой стороны нигдѣ такъ не давить авторитетъ, какъ у насъ, русскихъ, приниженныхъ вѣковымъ рабствомъ, боящихся свободы...

Докторъ посоветовалъ купцу (изъ образованныхъ) ѣсть бульонъ и цыпленка. Купецъ отнесся иронически. Сначала съѣлъ обѣдъ съ ботвиньей и съ поросенкомъ, потомъ, какъ бы вспомнивъ приказъ доктора, велѣлъ подать бульонъ и цыпленка — и это тоже сожралъ, думая, что это очень смѣшно.

Иеромонахъ о. Эпамкиондъ ловитъ рыбу и кладетъ въ карманъ, потомъ дома, когда нужно, вынимаетъ изъ кармана по рыбки и жарить.

Дворянинъ Х. продалъ свое имѣніе N-у съ обстановкой и съ инвентаремъ и унесъ все, даже печныя отдушины, и послѣ этого N. возненавидѣлъ всѣхъ дворянъ.

Богатый, интеллигентный Х., по происхожденію крестьянинъ, умоляетъ своего сына: „Миша, не мѣняй своего званія! Будь до самой смерти крестьяниномъ, не уходи ни

въ дворѣ, ни въ кушчѣ, ни въ мѣщанѣ. Если, говорятъ, земскіе начальники имѣютъ теперь право наказывать крестьянъ, то пусть будетъ такъ, чтобы онъ имѣлъ право и тебя наказывать. Онъ гордился крестьянскимъ званіемъ и быть даже надменѣе.

Праздновали юбилей скромнаго человѣка. Придрались къ случаю, чтобы себя показать, похвалить другъ друга. И только къ концу обѣда хватились: юбилею не быть приглашенъ, забыли.

Милая, тихая дама, выйдя изъ себя, говоритъ:

— Если бы я была мужчиной, то такъ бы и дала ему въ морду!

Мусульманинъ для спасенія души копае колодезь. Хорошо, если бы каждый изъ насъ оставлялъ послѣ себя школу, колодезь или что-нибудь въ родѣ, чтобы жизнь не проходила и не уходила въ вѣчность безслѣдно.

Мы переутомились отъ раболѣпства и лицемѣрія.

Н. когда-то порвали собаки, и теперь онъ, когда входитъ куда-нибудь, то спрашиваетъ: „А здѣсь собакъ нѣтъ?“

Петръ Демьянычъ Источниковъ.

Гг. Грушъ и Полкатыцкій.

Альфонсирующий молодой человѣкъ поддерживаетъ свои силы тѣмъ, что постоянно ѣстъ кабуль.

Попечитель школы. Вдовый священникъ играетъ на фисгармоніи и поетъ „со святыми упокой!“.

Я тебѣ зададу!

Въ іюлѣ иволга поетъ цѣлое утро.

„Большой выборъ сиговъ“, — такъ читалъ Х., проходи каждый день по улицѣ, и все удивлялся, какъ это можно торговать одними сигами и кому нужны сиги. И только

черезъ 30 лѣтъ прочесть, какъ слѣдуетъ, внимательно: „Большой выборъ сигаръ“.

Взятка инженеру: динамитный патронъ, набитый сто-рублевками.

Я не читала Спенсера. Расскажите мнѣ его содержаніе. О чемъ онъ пишетъ? Я хочу написать для парижской выставки пано. Дайте мнѣ сюжетъ. (Надоѣдливая дама).

Не рабочіе, такъ называемые правящіе классы не могутъ оставаться долго безъ войны. Безъ войны они скучаютъ, праздность утомляетъ, раздражаетъ ихъ, они не знаютъ, для чего живутъ, ѣдятъ другъ друга, стараются наговорить другъ другу побольше непріятностей, по возможности безнаказанно, и лучшіе изъ нихъ изо всѣхъ силъ стараются, чтобы не надоѣсть другъ другу и себѣ самимъ. Но приходитъ война, овладѣваетъ всѣми, захватываетъ, и общее несчастье связываетъ всѣхъ.

Измѣнившая жена — это большая, холодная котлета, которой не хочется трогать, потому что ее уже держалъ въ рукахъ кто-то другой.

Старая дѣва пишетъ трактатъ: „Трамвай благочестія“.

Рыцѣборскій, Товбичъ, Гремухинъ, Коптинъ.

На лицѣ у нея не хватало кожи: чтобы открыть глаза, надо было закрыть ротъ — и наоборотъ.

Когда она приподнимаетъ платье и показываетъ свою нарядную юбку, то видно, что она одѣвается, какъ женщина, которая привыкла къ тому, что ее часто видятъ мужчины.

Х. философствуетъ: „Вотъ взять бы хоть слово носъ. У насъ это чортъ знаетъ что, можно сказать, неприличная часть тѣла, а у французовъ — свадьба“. И въ самомъ дѣлѣ у Х. носъ былъ неприличной частью тѣла.

Барышня, кокетничая, болтаетъ: „Меня всѣ боятся... и мужчины и вѣтеръ... Ахъ, оставьте! Я никогда не выйду

замужь!“ А дома бѣдность, отецъ пьетъ запоемъ. И если бы увидѣли, какъ она работаетъ съ матерью, какъ прячетъ отца, то прониклись бы къ ней глубокимъ уваженіемъ и удивились бы, почему она такъ стыдится бѣдности, труда и не стыдится этой болтовни.

Ресторанъ. Ведутъ либеральный разговоръ. Андрей Андреичъ, благодушный буржуа, вдругъ заявляетъ: — „А знаете, вѣдь и я когда-то былъ анархистомъ!“ Всѣ изумлены. А. А. рассказываетъ: суровый отецъ, ремесленное училище, которое открыли въ уѣздномъ городѣ, увлекшись разговорами о профессіон. образованіи, ничему тамъ не учили и не знали чему учить (ибо, если всѣхъ жителей сдѣлать сапожниками, то кто же будетъ сапоги заказывать?), его выгнали, отецъ тоже выгналъ; пришлось поступить къ помѣщику въ младшіе приказчики; стало досадно на богатыхъ, и сытыхъ, и толстыхъ; помѣщикъ сажалъ вишни, А. А. помогалъ ему, и вдругъ пришло сильное желаніе отрубить лопатой бѣлые полные пальцы, какъ бы нечаянно; и, закрывъ глаза, изо всей силы хватилъ лопатой, но попалъ мимо. Потомъ ушелъ, лѣсъ, тишина въ полѣ, дождь, захотѣлось тепла, пошелъ къ теткѣ, та напоила чаемъ съ бубликами, и анархизмъ грошелъ. Послѣ разсказа проходитъ мимо стола Д. С. С. Тотчасъ же А. А. встаетъ и поясняетъ, какъ Л.: Д. С. С., имѣетъ домъ и т. д.

Отдали меня по портняжному. Скроили брюки, я сталъ шить, а лампасъ-то очутился вотъ гдѣ, черезъ колено пошелъ. Тогда отдали меня по столярному. Какъ-то стругаю рубанкомъ, а онъ вырвался у меня изъ рукъ да въ окно; стекло разбилъ.—Помѣщикъ изъ латышей, звали Штопоръ; и у него выраженіе было такое, точно онъ собирался подмигнуть и сказать: „А хорошо бы теперь выпить!“ По вечерамъ пилъ, пилъ одинъ — и мнѣ обидно стало.

У купца, торгующаго красомъ, лрльки съ короной. Иксу досадно, обидно, онъ мучается отъ мысли, что купчина узурпируетъ корону; Иксъ жалуется; ко всѣмъ пристаешь, ищешь возмездія и т. д., умираетъ отъ огорченія и хлопотъ.

Гувернантку дразнить такъ: Жестикүляція.

Шапчерыгинъ, Цамбизебульскій, Свинчутка, Чемоураклія.

Старческая важность, старческое ненавистничество. И сколько я зналъ презрѣнныхъ стариковъ!

Какъ пріятно, когда въ ясный, морозный день привозятъ новыя сани съ коврикомъ.

Х. пріѣхалъ въ N. на службу, являетъ себя деспотомъ: не любитъ, когда кто-нибудь, кромѣ него, имѣетъ успѣхъ, мѣняется въ присутствіи третьяго лица; увидѣвъ женщину, мѣняетъ тонъ; наливая вино, сначала сливаетъ съ горлышка немного себѣ въ стаканъ, потомъ наливаетъ собесѣдникамъ; гуляя съ дамой, беретъ ее подъ руку, вообще старается выказать культурность. Не смѣется чужимъ остротамъ. „Вы повторяетесь“, „Это не ново“. Надоѣлъ всѣмъ, пристаешь съ нотаціями. Старухи прозвали его „Дзыга“.

Человѣкъ, который ничего не умѣетъ, какъ сдѣлать, какъ войти, какъ спросить.

Утюжный.

Человѣкъ, который всегда предупреждаетъ:—У меня нѣтъ сифилиса. Я честный человѣкъ. Жена моя честная женщина.

Х. всю жизнь говорилъ и писалъ объ испорченности прислуги и о способахъ, какъ исправить и обуздать ее, и умеръ, покинутый всѣми, кромѣ своего лакея и кухарки.

Дѣвочка съ восхищеніемъ про свою тетю: она очень красива, красива, какъ наша собака!

Марья Ив. Колотовкина.

Въ любовномъ письмѣ: „прилагаю на отвѣтъ марку“.

Изъ деревни лучшіе люди уходятъ въ городъ, и потому она падаетъ и будетъ падать.

Павель 40 лѣтъ готовилъ, и самъ брезговалъ тѣмъ, что готовилъ, никогда не ѣлъ.

Консервативные люди оттого дѣлаютъ такъ мало зла,

что робки и не увѣрены въ себѣ; дѣлають же зло не консервативныя, а злыя.

Разлюбилъ женщину, чувство нелюбви, спокойное состояние, длинныя, спокойныя мысли.

Что-нибудь одно: сиди въ кузовѣ или вытѣзай пѣзъ кузова.

Для пьесы: либеральная старуха одѣвается, какъ молодая, курить, не можетъ безъ общества, симпатична.

Въ поѣздѣ луке — это отбросы общества.

Эти тамъ Черноземцы или Запорожцы Рѣпина.

На груди у барыни портретъ толстаго нѣмца.

Человѣкъ, который на всѣхъ выборахъ, всю свою жизнь, всегда клалъ налѣво.

Раздѣли трупъ, но не успѣли спать перчатокъ; трупъ въ перчаткахъ.

Обѣдающій помѣщикъ хвастаетъ: въ деревнѣ дешево жить — куры свои, свиньи свои — дешево жить!

Таможенный чиновникъ изъ любви къ дѣлу обыскиваетъ пассажировъ, ища у нихъ политически-неблагонадежныхъ документовъ, и приводитъ въ негодованіе даже жандармовъ.

Настоящій мужчина состоитъ изъ мужа и чина.

Воспитаніе. — „Идите какъ слѣдуетъ“ — говорилъ отецъ. И жевали хорошо, и гуляли по два часа въ сутки, и умывались холодной водой, все же вышли несчастныя, бездарныя люди.

Торгово-промышленная медицина.

Н. 40 лѣтъ женился на 17-лѣтней. Первая ночь, она привезъ ее къ себѣ на шахты, она легла спать и вдругъ зарыдала оттого, что не любитъ его. Опъ, добрякъ, сму-

щень, убитъ горемъ и идетъ спать къ себѣ въ кабинетъ.

На мѣстѣ когда-то бывшей усадьбы и слѣда нѣтъ, уцѣлѣлъ одинъ только кустъ сирени, который не цвѣтеть почему-то.

Сынъ. Сегодня, кажется, четвергъ.

Мать (не разслышавъ). Чтò?

Сынъ (сердится). Четвергъ! (Покойно) Надо бы въ баню.

Мать. Чтò?

Сынъ (сердито, обиженно). Въ баню!

Н. ходить къ Х. каждый день, бесѣдуетъ, сочувствуетъ ему искренно; вдругъ Х. уѣзжаетъ изъ дому, гдѣ ему было такъ хорошо. Н. спрашиваетъ его мать, отчего уѣхалъ. Та отвѣчаетъ: оттого, что вы ходили къ нему каждый день.

Было такое поэтическое вѣнчаніе, а потомъ — какіе дураки! какія дѣти!

Любовь. Или это остатокъ чего-то вырождающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, чтò въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ настоящемъ же оно не удовлетворяетъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь.

Человѣкъ очень интеллигентный, всю свою жизнь жметъ про гипнотизмъ, спиритизмъ — и ему вѣрятъ; а человѣкъ хорошій.

Въ первомъ актѣ Х., порядочный человѣкъ, беретъ у N. сто рублей займа и не отдаетъ въ теченіе всѣхъ четырехъ актовъ.

У бабушки 6 сыновей и 3 дочери, и она больше всѣхъ любитъ неудачника, который пьетъ и сидѣлъ въ острогѣ.

Отецъ Іерохиромахригъ.

Н., директоръ завода, молодой, со средствами, семейный, счастливый, написалъ „Исслѣдованіе X-го водяного источника“, былъ расхваленъ, былъ приглашенъ въ сотрудники

бросилъ службѣ, поѣхалъ въ Петерб., разошелся съ женой, разорился—и погибъ.

(Глядя въ альбомъ)—Это что за рожа?

— Это мой дядя.

Увы, ужасны не скелеты, а то, что я уже не боюсь этихъ скелетовъ.

Мальчикъ изъ хорошей семьи, каприза, шалунъ, упрямый, измучилъ всю семью. Отецъ, чиновникъ, играющій на роялѣ, возненавидѣлъ его, завелъ въ глубину сада и съ удовольствіемъ выскѣ, а потомъ стало противно; сынъ вышелъ въ офицеры, а ему все было противно.

Н. долго ухаживалъ за З. Она была очень религіозна и, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, положила сухой, когда-то имъ подаренный цвѣтокъ въ молитвенникъ.

З.—Ты идешь въ городъ, опусти тамъ письмо въ почтовый ящикъ. Н. (встревоженно)—Гдѣ? Я не знаю, гдѣ ящикъ. З.—И зайдешь въ аптеку, возьмешь нафталину. Н. (встревоженно)—Я забуду. Нафталинъ я забуду.

Морская буря. Юристы должны смотрѣть на нее, какъ на преступленіе.

Х. поѣхалъ къ пріятелю въ имѣніе погостить. Имѣніе роскошное, лакеи третировали Х., жилось ему неудобно, хотя пріятель считалъ его большимъ человекомъ. Постель была жесткая, ночной сорочки не было, а спросить посоветился.

Моя фамилія не Курцынъ, а Курцынъ.

Репетиція. Жена:

— Какъ это въ „Паяцахъ“? Посвисти, Миша. На сценѣ свистать нельзя. Сцена—это храмъ.

Умеръ оттого, что боялся холеры.

Похожъ, какъ гвоздь на панихиду.

Разговоръ на другой планетѣ о землѣ черезъ 1000 лѣтъ: помнишь ли ты то бѣлое дерево... (березу).

Апахтема!

Зигзаковский, Ослицынъ, Свинчутка, Дербалыгинъ.

Женщина съ деньгами, всюду запрятаны деньги: и на шеѣ и между ногами...

Ку-ку-ку-ха-ха-ха!

Вся эта председаура.

Отнеситесь ко всему этому (къ прогону со службы), какъ къ атмосферическому явленію.

Разговоръ во время сѣзда врачей. 1-й докторъ: все излѣчивается солью; 2-й докторъ, военный: все излѣчивается, когда не употребляется соль. И первый указываетъ на свою жену, другой—на дочь.

Мать идейная, отецъ тоже; читають лекціи; школы, музей и проч. Наживають деньги. А дѣти ихъ обыкновеннѣйшіе люди: проживають, играютъ на биржѣ...

Н. вышла за нѣмца, когда ей было 17 лѣтъ. Онъ увезъ ее въ Берлинъ. Она овдовѣла 40 лѣтъ и уже плохо говорила по-русски и плохо по нѣмецки.

Мужъ и жена любили гостей, потому что безъ гостей ссорились.

Это абсурдъ! Это анахронизмъ!

— Закройте окно! У васъ потъ! Надѣньте пальто! Надѣньте калоши!

Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, то ничего не дѣлай.

Голова ты моя удалая, долго ль буду тебя я носить.

Лѣтнимъ утромъ въ воскресенье слышнѣтъ стукъ экипажа: это повхали къ обѣднѣ.

Ей первый разъ въ жизни поцѣловали руку, и она не выдержала, разгнѣвала мужа, „закружила“.

Какія чудесныя названья: богородицыны слезки, малиновка, вороньи глазки...

Лѣсничій съ погонами, который никогда не видѣлъ лѣса.

Господинъ владѣеть виллой близъ Ментоны, которую онъ купилъ на деньги, вырученныя отъ продажи имѣнія въ Тульской губ. Я видѣлъ, какъ онъ въ Харьковѣ, куда прѣхалъ по дѣлу, проигралъ въ карты эту виллу, потомъ служилъ на желѣзной дорогѣ, потомъ умеръ.

Увидѣлъ за ужиномъ хорошенькую и — поперхнулся; потомъ увидѣлъ другую хорошенькую — и опять поперхнулся, такъ и не ужиналъ, много было хорошенькихъ.

Докторъ, только-что кончившій, въ ресторанѣ наблюдаетъ. „Кушанья подѣ наблюдениемъ врача“. Онъ списываетъ составъ воды „Нарзанъ“, студенты вѣрятъ — и все хорошо.

Онъ не ѣлъ, а вкушалъ.

Женатый на актрисѣ во время бенефиса жены сидѣтъ въ ложѣ сияющей, вставалъ и кланялся.

Обѣдъ у гр. О. Д. Толстые, лѣнныя лакеи, невкусныя котлеты, чувствуется масса денегъ, невылазное положеніе, невозможность измѣнить порядки

Уѣздный врачъ — „кого же другого понесетъ въ такую непогоду, кромѣ доктора?“ — гордится этимъ, всюду ропщетъ и свою должность съ гордостью считаетъ самой безпкойной; не пьетъ и часто потихоньку пишетъ въ медиц. журналы, гдѣ его не печатаютъ.

Н., жена тов. прокурора, потомъ члена суда, потомъ члена судебной палаты, человѣка средняго, неинтереснаго,

очень любить мужа, любить до гробовой доски, пишетъ ему трогательныя, кроткія письма, когда узнаетъ объ его ошибкахъ, и умираетъ съ трогательнымъ выраженіемъ любви. Она любила, очевидно, не мужа, а кого-то другого, высшаго, прекраснаго, несуществующаго, и на мужѣ изливала эту любовь. Потомъ послѣ ея смерти, слышались въ домѣ ея шаги.

Въ обществѣ трезвости состоятъ и выпиваютъ иногда по рюмочкѣ.

Говорятъ: въ концѣ концовъ правда восторжествуетъ; но это неправда.

Умный говоритъ: „Это ложь, но такъ какъ народъ жить безъ этой лжи не можетъ, такъ какъ она исторически освящена, то искоренять сразу ее опасно; пусть она существуетъ пока, лишь съ нѣкоторыми поправками“. А гений: „Это ложь, стало-быть, это не должно существовать“.

М. И. Кладовая

Гимназистъ съ усами изъ кокетства прихрамываетъ на одну ногу.

Бездарный, долго пишущій писатель важностью своей напоминаетъ первосвященника.

Г. Н. и г-жа З. въ городѣ Х., оба умны, образованы, либеральны, и оба работаютъ на пользу ближняго, но оба едва знакомы другъ съ другомъ и въ разговорѣ всегда посмѣиваются другъ надъ другомъ, въ угоду глупой и грубой толпѣ.

Онъ сдѣлалъ рукою такъ, какъ будто взялъ кого за волосы, и сказалъ: „ты у меня изъ-подъ энтакой штуки не выйдешь“.

Н. никогда не былъ въ деревнѣ и думалъ, что зимой тамъ ѣздятъ только на лыжахъ. „Теперь бы я съ наслажденіемъ покатался на лыжахъ!“

Г-жа N., торгующая собой, каждому говорить: я люблю тебя за то, что ты не такой, какъ всѣ.

Интеллигентная, или, вѣрнѣе, принадлежащая къ интеллигентному кругу женщина отличается лживостью.

N. всю жизнь боролся, изучая болѣзнь, изучая ея бациллы; онъ посвятилъ жизнь этой борьбѣ, отдалъ всѣ силы, и вдругъ незадолго до смерти оказалось, что эта болѣзнь нисколько не зарательна и совсѣмъ не опасна.

Антрепренеръ-режиссеръ читаетъ новую пьесу, лежа въ постели. Прочиталъ 3—4 страницы и съ досады хлопнулъ о полъ, потушилъ свѣчу, укрылся; немного погодя, подумавъ, опять взялъ пьесу, сталъ читать, потомъ, разсердившись на бездарное, длинное произведение, опять хлопнулъ о полъ, опять потушилъ свѣчку. Немного погодя взялся вновь за пьесу и т. д. Потомъ поставилъ, она провалилась.

N., угрюмый, мрачный, тяжелый, говорить: я люблю попутить, всегда шучу.

Жена пишетъ, мужу это не нравится, но онъ изъ деликатности молчитъ и страдаетъ всю жизнь.

Судьба актрисы: начало — богатая, хорошая семья въ Керчи, скука жизни, бѣдность впечатлѣній; сцена, добродѣтель, пламенная любовь, потомъ любовники; конецъ — отравилась неудачно, потомъ Керчь, жизнь у пухлага дяди, наслаждение отъ одиночества. Опытъ показалъ, что артисту надо обходиться безъ вина, безъ брака, безъ большого живота. Сцена станетъ искусствомъ лишь въ будущемъ, теперь же она лишь борьба за будущее.

(Сердито и наставительно). — Отчего ты не даешь мнѣ читать писемъ твоей жены? Вѣдь мы родственники.

Боже, не позволяй мнѣ осуждать, или говорить о томъ, чего я не знаю и не понимаю.

Заѣмъ изображаютъ однихъ слабыхъ, кислыхъ и грѣшныхъ, и каждый, советуя брать только сильныхъ, здоровыхъ, интересныхъ, разумѣетъ самого себя.

Для пьесы: лицо, постоянно вращающееся и съ того ни съ сего.

Дьяконъ Катакомбовъ.

N. N., литераторъ-критикъ, обстоятельный, увѣренный, очень либеральный, говорить о стихахъ; онъ признаетъ, онъ снисходитъ — и я вижу, что это бездарнѣйшій человекъ (я не читалъ его). Предлагаютъ ѣхать на Ай-Петри. Я говорю: будетъ дождь. Но все-таки ѣдемъ. Дорогою грязь, идетъ дождь, рядомъ сидитъ критикъ, я чувствую его бездарность. За нимъ ухаживаютъ, его посятъ, какъ архіерея. И назадъ, когда выяснилось, я ушелъ пѣшкомъ. Какъ люди охотно обманываются, какъ они любятъ пророковъ, вѣщателей, какое это стадо! Ёдетъ съ нами еще другой: дѣйствительный статскій совѣтникъ, нестарый, все молчитъ, потому что считаетъ себя правымъ, презираетъ критика и потому, что тоже бездаренъ. Барышня, которая боится улыбнуться, потому что находится среди умныхъ.

Алексѣй Ивановичъ Прохладительный или Душеспасительный. Барышня: — я бы пошла за него, да боюсь, фамилія — Прохладительная.

Сонъ смотрители зоологическаго сада. Снится, что жертвуютъ въ садъ сначала байбака, потомъ имурина, потомъ ястреба, потомъ козу, потомъ опять имурина; жертвуютъ безъ конца, садъ переполняется — и смотритель, въ ужасѣ, прсыпается, облитый потомъ...

Медленно запрягать, но быстро ѣздить — въ характерѣ этого народа, — сказалъ Бисмаркъ.

Когда у актера есть деньги, то онъ шлетъ не письма, а телеграммы.

У насѣкомыхъ изъ гусеницы получается бабочка, а у людей, наоборотъ, изъ бабочки гусеница.

Собаки въ домѣ привязывались не къ хозяевамъ, которые ихъ кормили и ласкали, а къ кухаркѣ, чужой бабѣ, которая била ихъ.

Софи боялась, чтобы собака ее не простудилась от сквозного вѣтра.

Почва такая хорошая, что если посадить въ землю оглоблю, то черезъ годъ вырастетъ тарантасъ.

Х. и Z., очень либеральные и развитые, поженились. Вечеромъ бесѣдовали хорошо, потомъ разсердились, потомъ подрались. Утромъ совѣстно, удивлены оба, думаютъ, что это произошло вслѣдствіе исключительныхъ нервныхъ вліяній. На другую ночь опять ссора и драка. И такъ каждую ночь—и въ концѣ концовъ увидѣли, что они вовсе не образованные, а дикіе, какъ большинство.

Пьеса. Чтобы гости не ходили, Z. изображаетъ запойнаго пьяницу, хотя ничего не пьетъ.

Когда у насъ появляются дѣти, то всѣ свои слабости, какъ-то: склонность къ компромиссамъ, къ мѣщанству—оправдываемъ такъ: „это для дѣтей“.

— Графъ, я уѣзжаю въ Мордегундію.

Варвара Недотѣпина.

Инженеръ или врачъ Z. пришелъ къ дядѣ-редактору, увлекся, сталъ часто бывать, потомъ сталъ сотрудникомъ, бросилъ мало-по-малу свое дѣло; какъ-то идетъ изъ редакціи ночью, вспомнилъ, схватилъ себя за голову—все погибло! Посѣдѣлъ. Потомъ вошло въ привычку, весь посѣдѣлъ, обрюзгъ, сталъ издателемъ, почтеннымъ, но неизвѣстнымъ.

Тайный совѣтникъ, старикъ, глядя на своихъ дѣтей, самъ сталъ либераломъ.

Газета „Бубликъ“.

Клоунъ въ циркѣ—это талантъ, а говорящій съ нимъ лакей во фракѣ—толпа; лакей съ насмѣшливой улыбкой.

Тетушка изъ Новозыбкова.

У него разжиженіе мозга, и мозгъ въ уши вытекъ.

— Что? писатели? Хочешь, я за полтинникъ сдѣлаю тебя писателемъ?

Вмѣсто переводчикъ—подрядчикъ.

40-лѣтняя бездарная актриса, некрасивая, бѣла за обѣдомъ куропатку, и мнѣ было жаль куропатки и вспоминалось, что въ жизни своей эта куропатка талантливѣе и умнѣе и честнѣе этой актрисы.

Мнѣ докторъ сказывалъ: ежели, говорить, твоя натура выдерживаетъ—пей въ свое удовольствіе. (Горбуновъ).

Карлъ Кремертартарлау.

Поле съ далью, одна березка. Подпись подъ картиной: одиночество.

Гости ушли; они играли въ карты, послѣ нихъ беспорядокъ: накурено, бумажки, тарелки, но главное—разсвѣтъ и воспоминанія.

Лучше отъ дураковъ погибнуть, чѣмъ принять отъ нихъ похвалу.

Зачѣмъ деревья растутъ и такъ пышно, если хозяева умерли?

Дѣйств. лицо держитъ кабинетъ для чтенія, но сидитъ постоянно въ гостяхъ; нѣтъ читателей.

Жизнь кажется великой, громадной, а сидишь на пяткѣ.

Золотоноша? Нѣтъ такого города! Нѣтъ!

Когда смѣется, то показываетъ зубы и десны.

Онъ любилъ литературу, которая его не беспокоила, т.-е. Шиллера, Гомера и т. п.

Классная дама N., идя вечеромъ домой, слышала отъ знакомой, что будто X. влюбился въ нее, хочетъ сдѣлать предложеніе. N., некрасивая, никогда раньше не думавшая о бракѣ, придя домой, долго дрожить отъ страха, потомъ не спать, плачетъ, а въ утро влюбляется въ X.; а въ полдень узнаетъ, что то было только предположеніе, что X. женится не на ней, а на У.

Сошелся съ 45-лѣтней женщиной, потомъ сталъ писать страшные рассказы.

Снилось мнѣ, будто я былъ въ Индіи и будто кто-то изъ мѣстныхъ князей, владѣтельныхъ особъ, подарилъ мнѣ слона, даже двухъ слоновъ. Я такъ мучился отъ слоновъ, что проснулся.

Старикъ 80 лѣтъ говорить другому, 60 лѣтъ: стыдно, молодой человѣкъ!

Когда въ церкви пѣли „днесъ спасенія нашего гла-визна“, то дома у себя онъ варилъ щи изъ главизны, въ день усѣкновенія не ѣлъ ничего круглаго, сѣкъ дѣтой своихъ.

Корреспондентъ лгалъ въ газетахъ, но ему казалось, что онъ писалъ правду.

Если боитесь одиночества, то не женитесь.

Самъ богатъ, а мамаша во вдовьемъ домѣ

Женился, завелъ обстановку, купилъ письменный столъ, убралъ его, а писать нечего.

Фаустъ: чего не знаешь, то именно и нужно тебѣ; а что знаешь, тѣмъ не можешь пользоваться.

Тебѣ повѣрять, хоть лги, только говори съ авторите томъ.

Какъ я буду лежать въ могилѣ одинъ, такъ въ сущно-сти я и живу одинокимъ.

Нѣмецъ: Господи помилуй насъ грѣшниковъ.

Ахъ, ты, мой прыщикъ!—ск. невѣста нѣжно. Женихъ по-думалъ, потомъ обидѣлся—разошлись.

Отъ Гуиади Яносъ бутылки, и въ нихъ какая-то марш-пованная ягода.

Актриса, которая портила всѣ роли, играла прескверно—и такъ всю жизнь, до самой смерти. Ея не любили, ея игры боялись, она губила лучшія роли, но все же была актрисой до 70 лѣтъ.

Только тотъ не хорошъ, тотъ можетъ каяться, кто чув-ствуетъ себя неправымъ.

Протодьяконъ прокликаетъ „сомнѣвающихся“, а они стоятъ на клиросѣ и поютъ сами себѣ анаѹму. (Скиталецъ)

Онъ мечталъ: лежитъ его жена безъ ногъ, а онъ ходитъ за ней за спасеніе души...

Мадамъ Гнусикъ.

Тараканы ушли, домъ сгорить!

„Лжедмитрій и актеры“, „Тургеневъ и тигры“—такія статьи писать можно, и онѣ пишутся.

Заглавіе: Лимонная корка.

Тирли-тирли-солдатирли

Я твой законнорожденный мужъ.

Выкидывъ оттого, что волна ударила во время купанья, океанская волна; оттого, что происходило изверженіе Ве-зувія.

Мнѣ кажется: море и я—и больше ничего.

Трепыхановъ.

Воспитаніе: 3-х-лѣтній мальчикъ ходилъ у него въ черномъ сюртукѣ, сапогахъ, жилетѣ.

Съ гордостью: я не Юрьевского, а Дерптскаго университета! (вып. 188.).

Борода походила на рыбій хвостъ.

Еврей Цыпчикъ.

Барышня, когда хохочетъ, издаетъ такіе звуки, какъ будто окунается въ холодную воду.

— Мама, изъ чего сдѣлана молнія?

Въ имѣніи дурной запахъ, дурной тонъ: деревья посажены какъ-нибудь, нелѣпно; а далеко въ углу сторожика стираетъ цѣлый день бѣлье для гостей—и никто не видитъ ея; и этимъ господамъ позволяютъ говорить по цѣлымъ днямъ о правахъ своихъ, о благородствѣ...

Она кормила свою собаку зернистой пкррой.

Самолюбіе и самомнѣніе у насъ европейскія, а развитіе и поступки азіатскіе.

Черная собака—похоже, какъ будто она въ калошахъ.

У русскаго человѣка единственная надежда—это выиграть двѣсти тысячъ.

Дурная, а дѣтей научила хорошему.

У каждаго человѣка что-нибудь спрятано.

Заглавіе повѣсти N: „Сила созвучій“.

О, какъ было бы хорошо, если бы назначали холостыхъ или вдовыхъ губернаторовъ!

Московская актриса отродясь не видѣла индѣйки.

Отъ стариковъ я слышу или глупость, или клевету.

„Мама, Петя Богу не молился!“ Петю будятъ, онъ молится и плачетъ, потомъ ложится и грозитъ булакомъ тому, кто пожаловался.

Онъ полагалъ, что одни только врачи могутъ опредѣлить, мужчина это или женщина.

Одинъ ушелъ въ попы, другой—въ духовоборы, третій—въ философы, и это потому инстинктивно, что никто, ни одинъ не хочетъ работать, какъ слѣдуетъ, съ утра до ночи, не разгибаясь.

Пристрастіе къ слову единоутробный: братецъ мой единоутробный, жена моя единоутробная, зять и проч.

Доктору N., незаконнорожденному, никогда не жившему съ отцомъ и мало знавшему его, другъ дѣтства Z. говорить въ смущеніи: „Дѣло въ томъ, что отецъ твой затосковалъ, болелъ, проситъ позволенія взглянуть на тебя хоть однимъ глазомъ“. Отецъ держитъ „Швейцарію“. Жареная рыба, которую онъ беретъ руками, а потомъ уже вилкой. Водка отдаетъ сивухой. N. пошелъ, посмотрѣлъ, пообедалъ—никакого чувства, кромѣ досады, что этотъ толстый мужикъ съ просвѣдою торгуетъ такой дрянью. Но однажды, проходя въ 12 часовъ ночи мимо, взглянулъ въ окно: отецъ, сгорбившись, сидитъ за книгой. Узналъ себя, свои манеры...

Бездаренъ, какъ сивый меринъ.

Барышню подразнили касторкой, и поэтому она не вышла замужъ.

N. всю жизнь писалъ извѣстнымъ пѣвцамъ, актерамъ, писателямъ ругательныя письма: „ты думаешь, подлецъ“... и т. д.—безъ подписи.

Когда онъ (факельщикъ) появился въ треуголѣ, во фракѣ съ галунами и съ лампасами, то она полюбила его.

Сіяющая, жизнерадостная натура, живущая какъ бы для протеста нытикамъ; полонъ, здоровъ, ѣстъ много, его всѣ любятъ, но только потому, что боятся нытиковъ; онъ—

ничто, хамъ, только ѣсть и смѣется громко, и только когда умираетъ, всѣ видятъ, что ничего имъ не сдѣлано, что онъ былъ принимаемъ за кого-то другого.

Послѣ осмотра зданія комиссія, бравшая взятки, завтракала съ аппетитомъ, и точно это былъ поминальный обѣдъ по чести.

Кто лжетъ, тотъ грязень.

Въ три часа ночи его будятъ: нужно идти на должность на вокзалъ. И такъ каждый день уже 14 лѣтъ.

Дама жалуется: пишу сыну, чтобы каждую субботу мѣнялъ бѣлье. Онъ отвѣчаетъ: почему же въ субботу, а не въ понедѣльникъ? Я ствѣчаю: ну, хорошо, въ понедѣльникъ. А онъ: почему же въ понедѣльникъ, а не во вторникъ? Честный, хороший человекъ, а замучилась я съ нимъ.

Умный любить учиться, дуракъ учить (пословица).

Проповѣди поповъ, архимандритовъ и архіереевъ удивительно похожи одна на другую.

Вспоминаются споры о братствѣ людей, о пользѣ народу, о работѣ, между тѣмъ никогда въ сущности споровъ этихъ не было, а только пьянствовалъ, когда былъ студентомъ. Пишутъ: „стыдно за людей съ университетскими значками, когда-то ратовавшихъ за человѣческія права и свободу религіи и совѣсти“—а никогда они не ратовали.

Управляющій имѣніемъ, въ родѣ Букинона, никогда не видѣлъ хозяина. Живетъ иллюзіей: воображаетъ хозяина очень умнымъ, порядочнымъ, высокимъ, и дѣтей своихъ воспитать въ такомъ же направленіи. Но вотъ пріѣхалъ хозяинъ, ничтожный, мелкій, и разочарованіе полнѣйшее.

Мужъ каждый день, пообедавъ, пугаетъ жену, что онъ уйдетъ въ монахи, жена плачетъ.

Мордохвостовъ.

Супруги живутъ 18 лѣтъ и ссорятся. Наконецъ онъ признается ей въ измѣнѣ, какой никогда не было, и оба расходятся къ великому его удовольствію и къ великому гнѣву всего города.

Вещь ненужная, альбомъ съ забытыми неинтересными фотографіями, лежитъ въ углу на стулѣ, лежитъ уже лѣтъ 20, и никто не рѣшается выбросить.

Н. рассказываетъ, какъ 40 лѣтъ назадъ Х., чудный человекъ, необыкновенный, спасъ пятерыхъ, и ему странно, что всѣ слушаютъ хладнокровно, что исторія этого Х. уже забыта, неинтересна.

Напали на зернистую икру съ жадностью и съѣли въ одну минуту.

Среди серьезной рѣчи маленькому сыну: застегни брюки!

Тогда человекъ станетъ лучше, когда вы покажете ему, каковъ онъ есть.

Морда сизая.

Помѣщикъ кормитъ голубей, капареекъ, куръ перочными сѣменами, марганцовокислымъ кали и всякой чепухой, чтобы онѣ мѣняли свой цвѣтъ—и въ этомъ единственное его занятіе, этимъ хвастаетъ передъ всякимъ гостемъ.

Наняли знаменитаго пѣвца читать на свадьбѣ Апостола, онъ прочелъ, имѣлъ успѣхъ, но денегъ ему (2 тыс.) не заплатили.

Водевиль: у меня есть знакомый Кривомордый—и ничего. Не то, чтобы Кривоногий или Криворукий, а Кривомордый, и женатъ былъ, и жена любила.

Н. каждый день пилъ молоко и каждый разъ клалъ въ стаканъ муху, потомъ спрашивалъ строго у лакея: „Это что такое?“ Съ лицомъ жертвы. Безъ этого онъ не могъ дня прожить. Она хмурая, пахнетъ отъ нея баней.

Н. узналъ объ измѣнѣ жены. Возмущенъ, огорченъ, но

медлить, молчить. Молчить и кончаетъ тѣмъ, что беретъ у любовника Z. денегъ взаймы, продолжая считать себя честнымъ человѣкомъ.

Когда я пересталъ пить чай съ калачомъ, то говорю: аппетита нѣтъ! Когда же пересталъ читать стихи или романы, то говорю: не то, не то!

Нотариусъ беретъ большіе проценты, оправдываясь тѣмъ, что все онъ оставляетъ Московскому университету.

Дьячокъ, оказавшійся либераломъ; теперь нашъ братъ выползаетъ изъ всякой щели, откуда не ждете.

Помѣщикъ N. ссорится постоянно съ сосѣдами-молочниками, судится, ругаетъ ихъ, клянетъ; но когда наконецъ они переселяются, онъ чувствуетъ пустое мѣсто, онъ быстро старится и чахнетъ.

Мордухановъ.

У N. и его жены проживаетъ братъ жены, молодой, слезливый человѣкъ, который то воруетъ, то лжетъ, то якобы покушается на самоубійство; N. и его жена не знаютъ, что дѣлать, боятся удалить его, а то убьетъ себя, и хотѣли бы удалить, да не знаютъ, какъ это сдѣлать; за подѣлку векселя попалъ въ тюрьму, и N. и его жена чувствуютъ себя виноватыми, плачутъ, тоскуютъ. Она умерла съ горя, онъ тоже немного погодя умеръ, и все осталось ему, а онъ прокутилъ и опять попалъ въ арестантскія роты.

Если бы, положимъ, мнѣ выйти замужъ, то я бы убѣждалъ черезъ два дня, а женщина свыкается въ домѣ мужа такъ скоро, точно родилась въ немъ.

Вотъ ты титулярный „совѣтникъ“; а кому ты совѣтуешь? не дай Богъ никому твоихъ совѣтовъ слушать.

Торжокъ. Засѣданіе думы. О поднятіи средствъ городскихъ... Рѣшеніе: пригласить папу римскаго перебраться въ Торжокъ—избрать его резиденціей.

У плохого поэта былъ стихъ: какъ саранча летѣтъ онъ на свиданье.

Но эти тонкія детали до насъ почти не долетали (Lolo).

Логика С.: я за вѣротерпимость, но противъ вѣродопустимости: нельзя допускать того, что не православно въ строгомъ смыслѣ.

Св. Піонія и Елимаха 11-го марта, Пуплія 13 м.

Поэзія и художественныя произведенія содержать не то, что нужно, а то, что хочется; они не идутъ дальше толпы и выражаютъ только то, что хотятъ лучшіе изъ толпы.

Господинчикъ очень остороженъ: онъ даже поздравительныя письма посылаетъ заказными, съ обратной распиской.

Россія—громадная равнина, по которой носится лихой человѣкъ.

Платонида Ивановна.

Если ты политически благонадеженъ, то этого достаточно, чтобы быть вполне удовлетворительнымъ гражданиномъ; то же самое и у либеральныхъ: достаточно быть благонадежнымъ, чтобы все остальное было какъ бы не замѣчаемо.

У человѣка бываютъ очи отверсты во время неудачъ.

Зюзиковъ.

Статскій совѣтникъ, почтенный человѣкъ, вдругъ оказалось, что онъ тайно содержитъ домъ терпимости.

N. написать очень хорошую пьесу; и всякій не хвалить, не радуется, а говоритъ: посмотримъ то, что вы теперь напишете!

Кто поважнѣе, тѣ прошли черезъ парадное крыльцо, а кто попроче, тѣ заднимъ проходомъ.

Онъ:—А вотъ у насъ былъ одинъ господинъ, котораго по фамиліи звали такъ: Кишмишъ. Онъ звалъ себя Кишмишъ, но всѣ отлично знали, что онъ Кишмишъ. — Она (подумавъ):—Какъ это неприятно... хоть бы Изюмомъ звали, а то—Кишмишъ.

Фамилія: Благовоспитанный.

Многоуважаемѣйшии Ив. Ив.!

Какъ порой невыносимы люди, которые счастливы, которымъ все удается!

Когда начинаютъ говорить о томъ, что N. живетъ съ Z., то мало-по-малу создается атмосфера, при которой связь N. и Z. становится неизбежной.

Когда была саранча, я писалъ противъ саранчи и приводилъ всѣхъ въ восторгъ, былъ славенъ и богатъ, а теперь, когда саранчи давно уже нѣтъ и она забыта, я смѣшался съ толпой и забытъ и ненуженъ.

Весело, жизнерадостно:—честь имѣю представить, Ив. Ив. Изгоевъ, любовникъ моей жены.

Въ усадьбѣ вездѣ надписи: „постороннимъ входъ запрещается“, „цвѣтовъ не топтать“ и проч.

Въ имѣніи богатая библіотека, о которой говорятъ, по которой совсѣмъ не пользуются, варятъ жидкій кофе, который пить нельзя, въ саду безвкусица, нѣтъ цвѣтовъ—и все это выдается за нѣчто, якобы толстовское.

Чтобы изучить Ибсена, выучился по-шведски, потратилъ массу времени, труда и вдругъ понялъ, что Ибсенъ неважный писатель; и никакъ не могъ понять, что ему теперь дѣлать со шведскимъ языкомъ.

N. выводитъ клоповъ и питается этимъ; и съ точки зрѣнія своего ремесла смотритъ на произведенія... Если въ „Казакахъ“ не говорится о клопахъ, то, значитъ, „Казаки“ плохи.

Во что человѣкъ вѣритъ, то и есть.

Она, дѣвица умная:—я не умѣю притворяться... я никогда не лгу... я съ принципами...—и все я... я... я...

N. сердитъ на свою жену актрису (или пѣвицу) и тайно отъ нея печатаетъ ругательныя рецензіи.

Дворянинъ хвастаетъ:—этотъ мой домъ былъ построенъ еще при Дмитріи Донскомъ.

— Онъ, господинъ мировой судья, обозвалъ мою собаку такъ: сукинъ сынъ.

Снѣгъ падалъ и не ложился на землю, обогренную кровью.

Онъ оставилъ все на добрыя дѣла, чтобы ничего не досталось родственникамъ и дѣтямъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ.

Очень влюбчивъ; едва познакомится съ барышней, какъ уже становится козерогомъ.

Дворянинъ Дрекольевъ.

Мнѣ ужасно подумать, что на открытіи моего памятника будутъ камеръ-юнкеры.

Былъ рационалистъ, но, грѣшный человѣкъ, любилъ, когда въ церкви звонили.

Отецъ генерель извѣстный, хорошія картины, дорогая мебель; онъ умеръ; дочери его получили воспитаніе, но нечистоплотны внѣшне, читаютъ мало, ѣздятъ верхомъ, скучны.

Честны и не лгутъ, пока не нужно.

Богатый купецъ хочетъ, чтобы у него ватерклозетъ былъ съ душемъ.

Рано утромъ фли окрошку.

Когда потеряешь этот талисманъ, ск. бабушка, то умрешь. И вдругъ я потерялъ, я долго мучился, боялся смерти. И вотъ, можете себѣ представить, совершилось чудо: я нашелъ талисманъ и остался живъ.

Каждый идетъ въ театръ, чтобы, глядя на мою пьесу, научиться чему-нибудь тотчасъ же, почерпнуть какую-нибудь пользу, а я вамъ скажу: некогда мнѣ возиться съ этой сволочью.

Все новое и полезное народъ ненавидитъ и презираетъ; онъ ненавидѣлъ и убивалъ врачей во время холеры, и онъ любитъ водку; по народной любви или ненависти можно судить о значеніи того, что любятъ или ненавидятъ.

Глядя въ окно на покойника, котораго несутъ:—ты умеръ, тебя на кладбище несутъ, а я завтракать пойду.

Чехъ Впичка.

40-лѣтній женился на 22-лѣтней, которая читала только писателей послѣдняго времени, носитъ зеленые банты, спитъ на желтыхъ подушкахъ и вѣритъ въ свой вкусъ, и свое мнѣніе высказываетъ, какъ законъ, она и хороша, и не глупа, и смирна, но онъ расходится съ ней.

Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь цѣлое море—это вѣра; а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два—это наука.

Для водевиля: Фильдекосовъ, Попрыгуньевъ.

Раньше человѣкъ хорошій, съ правилами, любившій, чтобы его уважали, уходилъ въ генералы, въ попы, а теперь онъ идетъ въ писатели, профессора...

Нѣтъ ничего такого, чтобы исторія не освящала.

Зѣвуля.

Хорошій ребенокъ безобразно плачетъ, такъ и погда въ плохихъ стихахъ узнаешь хорошаго автора-человѣка.

Если хочешь, чтобы тебя любили, будь оригиналенъ; я знаю человѣка, который ходилъ въ валенкахъ зиму и лѣто, и въ него влюблялись.

Приѣзжаю въ Ялту. Все занято. Прихожу въ „Италию“—ни одного свободного номера.—А мой 35 №?—Занятъ.—Какая-то дама. Говорятъ: не угодно ли съ дамой остановиться, дама ничего не имѣетъ противъ. Остаюсь. Разговоръ. Вечеръ. Входитъ татаринъ-проводникъ. Мнѣ завязываютъ уши, голову; я сижу, ничего не вижу и не слышу...

Барышня жалуется: бѣдный мой братъ получаетъ такъ мало—7 тысячъ!

Она:—теперь я вижу только одно: у тебя большой ротъ! большой ротъ! громадный ротъ!

Лошадь животное ненужное, вредное; для нея обрабатывается много земли, она отучаетъ человѣка отъ мышечной работы, часто бываетъ предметомъ роскоши; она разнѣживаетъ человѣка. Въ будущемъ—ни одной лошади!

Н. пѣвецъ; ни съ кѣмъ не говоритъ, горло подвязано—бережетъ голосъ, но никто не слышалъ ни разу, какъ онъ поетъ.

Рѣшительно обо всемъ: что жъ хорошаго тутъ! ничего нѣтъ хорошаго!

Ходить въ валенкахъ зиму и лѣто и объясняетъ это такъ: головѣ легче, такъ какъ кровь отъ жары оттягиваетъ къ ногамъ—мысли ясны.

Женщину въ шутку зовутъ Федоръ Ивановичъ.

Водевиль: Н., чтобы жениться, вымазалъ плѣшь на головѣ мазью, о которой читалъ публикацію, и у него неожиданно стала расти на головѣ свиная щетина.

Чѣмъ вашъ мужъ занимается?—Касторку принимаетъ.

Барышня пишетъ:—„мы будемъ жить невыносимо близко отъ васъ“.

Н. давно любитъ Z., которая вышла замужъ за X. Годъ черезъ 2 послѣ свадьбы Z. приходитъ къ N., плачетъ, хочетъ поговорить; N. по всему ждетъ жалобъ на мужа; но оказывается, что Z. пришла поговорить о своей любви къ K.

N. извѣстный адвокатъ въ Москвѣ; Z. родился тамъ же, гдѣ и N., въ Таганрогѣ; прїѣхавъ въ Москву, идетъ по-смотреть знаменитость; его радушно принимаютъ, но онъ вспоминаетъ гимназію, гдѣ учился съ N., вспоминаетъ са-мого N. въ мундирѣ, волнуется отъ зависти, видитъ, что и квартира-де плоха, что и N. много говорить, и уходитъ, разочарованный отъ зависти и своей подлости, которой онъ раньше и не подозрѣвалъ у себя.

Названіе пьесы: Летучая мышь.

Все, чего не могутъ старики, запрещено или считается предосудительнымъ.

Онъ женился уже сильно пожилымъ на молоденькой, и та такъ и зачахла и захирѣла съ нимъ.

Всю жизнь писалъ о капитализмѣ, о миллионѣхъ, а денегъ никогда не было.

Барыня влюбилась въ красиваго городского.

N. былъ очень хорошій, цѣнный портной, но его губили и сгубили мелочи: то шилъ пальто безъ кармановъ, то ставилъ очень высокій воротникъ

Водевиль: агентъ общества транспортированія кладей и страхованія отъ огня.

Всякій человѣкъ можетъ написать пьесу, которую можно поставить.

Имѣніе. Зима. N., больной, сидитъ у себя. Вечеромъ со станціи вдругъ прїѣзжаетъ неизвѣстная Z., молодая дѣвушка, представляется и говоритъ, что она прїѣхала ходить за больнымъ N. Этотъ сконфуженъ, испуганъ, отказывается, тогда Z. говоритъ, что все-таки она остается

ночевать. Проходить день-два, и она все живетъ. Характеръ у нея невыносимый, она отравляетъ существованіе.

Отдѣльный кабинетъ. Богатый Z., повязывая на шею салфетку, трогая вилкой стерильдъ:—„закушу хоть передъ смертью“—и такъ уже давно, каждый день.

Своими разсужденіями о Стринбергѣ и вообще о литературѣ Л. Л. Толстой очень напоминаетъ Лухманову.

Дѣдловъ, когда говоритъ о вице-губернаторѣ и губернаторѣ, то становится романтикомъ, напоминая „Прїѣздъ вице-губернатора“ въ сборникѣ „Сто русскихъ литераторовъ“.

Пьеса: „Бобъ жизни“.

А коноваль, жеребьячяго званья.

— Мой папа имѣлъ до Станислава 2-й степени включительно.

Консуляція.

Солнце свѣтитъ, а въ душѣ моей темно.

Въ С. познакомился съ адвокатомъ Z.—въ родѣ Ники Прекраснаго... Много дѣтей, со всеми ими онъ наставителенъ, нѣженъ, ласковъ, ни одного грубаго слова; скоро узнаю—есть у него еще другая семья; потомъ зоветъ онъ меня на вѣчаніе своей дочери; молится и говоритъ, сдѣлавъ земной поклонъ: „во мнѣ сохранилось еще религіозное чувство, я вѣрую“. И когда при немъ говорятъ о воспитаніи, о женщинахъ, у него наивное лицо, точно не понимаетъ. Когда говорить въ судѣ рѣчь, умоляющее лицо.

— Мамаша, вы не показывайтесь гостимъ, вы очень толстая.

Любовь? влюбленъ? Никогда! я коллежскій ассессоръ.

Знаетъ мало, какъ младенецъ, не вышедшій изъ чрева матери.

У Н. страсть къ шпионству съ дѣтства до глубокой старости.

— Говори умныя слова, вотъ и все.—Философія... экваторъ... (для пьесы).

Звѣзды погасли уже давно, но все еще блестятъ для толпы.

Едва сдѣлался ученымъ, какъ сталъ ждать чествованія.

Былъ суфлеромъ, потомъ опротивѣло, бросилъ; лѣтъ 15 не ходилъ въ театръ, потомъ пошелъ, видѣлъ пьесу, заплакалъ отъ умиленія, стало грустно, и, когда жена спросила дома, какъ ему понравилось въ театрѣ, отвѣтилъ: „не нравится мнѣ!“

Горничная Надя влюбилась въ морильщика таракановъ и клоповъ.

Статскій совѣтникъ, оказалось послѣ его смерти, ходилъ въ театръ лаять собакой, чтобы получить 1 р.; былъ бѣденъ.

Вы должны имѣть приличныхъ, хорошо одѣтыхъ дѣтей, а ваши дѣти тоже должны имѣть хорошую квартиру и дѣтей, а ихъ дѣти тоже дѣтей и хорошія квартиры, а для чего это—чортъ его знаетъ.

Перкатурипъ.

Каждый день производитъ себѣ рвоту—для здоровья, по совѣту друга.

Чиновникъ зажилъ особенной жизнью: на дачѣ очень высокая труба, зеленые панталоны, синяя жилетка, выкрашенная собака, обѣдъ въ полночь; черезъ недѣлю все это бросилъ.

Успѣхъ уже лизнулъ этого человѣка своимъ языкомъ.

— Н. обѣднялъ.—Какъ? Не слышу.—Я говорю: Н. обѣднялъ.—Что собственно ты говоришь? Я не понимаю. Какой Н.?—Тотъ Н., который женатъ на Z.—Такъ что же?

Я говорю, что ему надо бы помочь.—А? Кому это ему? Почему помочь? въ какомъ смыслѣ? и т. д.

Въ счетѣ, поданномъ хозяиномъ гостиницы, было между прочимъ: клопы 15 коп. Объясненіе.

Какъ пріятно сидѣть дома, когда по крышѣ стучитъ дождь и когда знаешь, что въ домѣ твоёмъ нѣтъ тяжелыхъ, скучныхъ людей.

Н. всегда, даже послѣ 5 рюмокъ водки, принимаетъ валерьяновыя капли.

Онъ живетъ съ горничной, которая робко величаетъ его „ваше высокоблагородіе“.

Я нанялъ подъ дачу усадьбу: владѣлица, очень полная, пожилая дама, жила во флигелѣ, я—въ большомъ домѣ; она потеряла мужа, всѣхъ дѣтей, была одинока, очень толста, имѣніе продавалось за долги, обстановка у нея старая, вкусная; все читала письма, которыя писали ей когда-то мужъ и сынъ. И все-таки оптимистка. Когда у меня заболѣлъ кто-то, она, улыбаясь, все говорила: „милый, Богъ поможетъ!“.

Н. и Z.—институтскія подруги, каждой по 17—18 лѣтъ; и вдругъ N. узнаетъ, что Z. забеременѣла отъ ея отца, г. N.

Цвищенникъ пришелъ... цвитой... плава Тебѣ, Господи...

Какіе пустые звуки—эти разговоры о правахъ женщинъ! Если собака напишетъ талантливо, то вѣдь и собаку признаютъ.

Кровохарканіе:—это въ тебѣ прорвало нарывъ... ничего, выпей еще водочки.

Интеллигенція никуда не годна, потому что много пьетъ чаю, много говоритъ, въ комнатѣ накурено, пустыя бутылки...

Въ молодости ушла съ евреемъ-докторомъ, имѣла отъ него дочь; теперь ненавидитъ свое прошлое, ненавидитъ

рыжую дочь, а отецъ все еще любить и ее и дочь и ходить подъ окнами, полный, красивый.

Почистилъ зубы и положилъ зубочистку обратно въ рюмку.

Супругамъ плохо спится; разговорились о томъ, какъ плоха стала литература, и что хорошо бы издавать журналъ; эта идея увлекла обоихъ; полежали, помолчали.— „Боборыкина пригласить?“—спросилъ онъ.— „Конечно, пригласи“. Въ пятомъ часу утра онъ отправляется на службу въ депо, она провожаетъ по снѣгу до воротъ, запираетъ за нимъ.— „А Потапенку пригласить?“—спраш. онъ уже за калиткой.

Когда онъ узналъ, что отецъ его получилъ дворянство, то сталъ подписываться такъ: Алексій.

Учитель: „Крушеніе поѣзда съ человѣческими жертвами... Это не такъ. Надо: крушеніе поѣзда, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ „человѣческія жертвы“... „по причинѣ собравшихся гостей“...“

Названіе пьесы: Золотой дождь.

Ни одна наша смертная мѣрка не годится для сужденія о небытіи, о томъ, что не есть человѣкъ.

Патріотъ: „А вы знаете, что наши русскія макароны лучше, чѣмъ итальянскія! Я вамъ докажу! Однажды въ Ниццѣ мнѣ подали севрюги — такъ я чуть не зарыдалъ!“ И сей патріотъ не замѣчалъ, что онъ патріотиченъ только по сѣдобной части.

Недовольный: развѣ индюшка пища? развѣ икра пища?

У очень умной, ученой барышни, когда она купалась, онъ увидѣлъ узкій тазъ и тощія, жалкія бедра — и возненавидѣлъ ее.

Часы. У слесаря Егора часы то отстаютъ, то бѣгутъ впередъ, точно на зло, умышленно, показываютъ то 12, то вдругъ 8. Это они по злобѣ, точно въ нихъ нечистый.

Слесарь старается поймать причину, окунулъ разъ въ святую воду...

Прежде герои повѣстей и романовъ (Печоринъ, Опѣгинъ) были 20 лѣтъ, а теперь нельзя брать героя моложе 30—35 лѣтъ. То же самое скоро будетъ и съ героинями.

Н. сынъ знаменитаго отца; онъ хорошъ, но, что бы онъ ни сдѣлалъ, всѣ говорятъ: да, но все-таки это не отецъ. Однажды онъ участвовалъ въ вечерѣ, читалъ, всѣ имѣли успѣхъ, а про него говорили: да, но все-таки это не отецъ. Вернувшись домой и ложась спать, онъ взглянулъ на портретъ отца и погрозилъ ему кулакомъ.

Мы хлопочемъ, чтобы измѣнить жизнь, чтобы потомки были счастливы, а потомки скажутъ по обыкновенію: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней.

Мой девизъ: мнѣ ничего не нужно.

Теперь, когда порядочный рабочій человѣкъ относится критически къ себѣ и своему дѣлу, то ему говорятъ: нитикъ, бездѣльникъ, скучающій; когда же праздный пройдоха кричитъ, что надо дѣло дѣлать, то ему аплодируютъ.

Когда женщина разрушаетъ, какъ мужчина, то это находятъ естественнымъ и это всѣ понимаютъ, когда же она хочетъ или пытается создавать, какъ мужчина, то это находятъ неестественнымъ и съ этимъ не мирятся.

Когда я женился, я сталъ бабой.

Взглянулъ на міръ съ высоты своей подлости.

— Ваша невѣста хорошенькая! — Для меня всѣ одинаковы.

Онъ мечталъ о томъ, чтобы выиграть 200 тысячъ два раза подъ рядъ, такъ какъ 200 тысячъ для него было бы мало.

Н., отставной Д. С. С., живетъ въ деревнѣ, ему 66 лѣтъ. Онъ образованъ, либераленъ, читаетъ, любитъ поспорить. Отъ гостей слышитъ, что новый слѣдователь З. ходитъ въ одной туфлѣ и въ одномъ сапогѣ и живетъ незаконно съ

какой-то особой. N. все время думает о Z., все время говорить о немъ, какъ это онъ-де ходить въ одной туфлѣ и живетъ съ чужой женой; все говорить объ этомъ, наконецъ даже идетъ къ своей женѣ спать (онъ не спитъ съ ней уже 8 лѣтъ), волнуется и все говорить объ Z. Наконецъ его хватаетъ ударъ; отнимается рука и нога—и все отъ волненія. Докторъ. Разговоръ и съ нимъ о Z. Докторъ говорить, что онъ знакомъ съ Z., что Z. носить уже два сапога (нога уже здорова) и женился на своей дамѣ.

Мнѣ хочется, чтобы на томъ свѣтѣ я могъ думать про эту жизнь такъ: то были прекрасныя видѣнія...

Помѣщикъ N., глядя на студента и 17-лѣтнюю дѣвушку—дѣтей своего управляющаго Z., думаетъ: „вѣдь Z. воруетъ у меня, широко живетъ на краденныя деньги, студентъ и дѣвушка знаютъ это, или должны знать, отчего же они имѣютъ такой порядочный видъ?“

Она любитъ слово—„компромиссъ“ и часто употребляетъ его: „я не способна на компромиссъ“... „доска, имѣющая форму параллелепипеда“...

Потомств. поч. гражд. Озябушкинъ постоянно старается дать понять, что предки его имѣли право на графское достоинство.

— По этой части онъ съѣлъ собаку.—Охъ, ахъ, не говорите такъ, наша мама очень брезглива.

— Теперь я за третьимъ замужемъ... Перваго звали Иванъ Макарычемъ... второго Петръ... Петр... забыла!

Писатель Гвоздиковъ думаетъ, что онъ очень знаменитъ, что его знаютъ всѣ. Приѣхавъ въ С., встрѣчается съ офицеромъ, который долго жметъ ему руку, восторженно глядя въ лицо. Г. радъ, тоже горячо жметъ руку... Наконецъ офицеръ спрашиваетъ: „а какъ вашъ оркестръ? вы вѣдь капельмейстеръ?“

Утро; у N. усы завернуты въ бумагу.

И ему казалось, что его вездѣ уважаютъ и высоко цѣ-

нять, вездѣ, даже въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ, и поэтому онъ ѣтъ всегда съ улыбкой.

Поютъ пѣтухи, и уже кажется ему, что они не поютъ, а ноютъ.

Отецъ семейства N. слушаетъ, какъ сынъ-студентъ читаетъ вслухъ семьѣ Ж.-Ж. Руссо, и думаетъ: „какъ бы тамъ ни было, у Ж.-Ж. Руссо золотой медали на шеѣ не было, а у меня вотъ есть“.

N. кутитъ съ пасынкомъ-студентомъ, потомъ ѣдетъ въ домъ терпимости. Утромъ студентъ уѣзжаетъ, пора ему уѣхать, N. провожаетъ. Студентъ читаетъ нотацію за дурное поведеніе, ссорятся. N.:—Я тебя, какъ отецъ, проклинаяю.—И я тебя проклинаяю.

Врача пригласить, а фельдшера позвать.

N. N. B. никогда не соглашается ни съ чѣмъ мнѣніемъ: „да, это потолочъ бѣлый, допустимо, но бѣлый цвѣтъ, насколько извѣстно, состоитъ изъ семи цвѣтовъ спектра, и очень возможно, что здѣсь одинъ изъ этихъ цвѣтовъ темнѣе или свѣтлѣе, чѣмъ нужно для того, чтобы былъ бѣлый цвѣтъ; я сначала подумала бы, прежде чѣмъ сказать, что онъ бѣлый“.

Онъ держится, точно икона.

— Вы влюблены? — Есть отчасти.

Что бы ни случилось, онъ говорить:—это все поны.

Фырзиковъ.

N-у снится, что онъ ѣдетъ изъ-за границы и что въ Верхоболовъ берутъ съ него пошлину за его жену, несмотря на его протесты.

Когда этотъ либераль, пообѣдавъ безъ сюртука, шелъ къ себѣ въ спальню, и я увидѣлъ на его спинѣ помочи, то такъ было понятно, что этотъ либераль-обыватель безнадѣжный мѣщанинъ.

Кто-то видѣлъ, какъ Z., человекъ не вѣрующій, кощунствующій, тайно молился въ соборѣ передъ иконой, и потомъ всѣ его поддразнивали.

Зовутъ антрепренера четырехтрубнымъ крейсеромъ, потому что онъ уже четыре раза въ трубу вылеталъ.

Онъ не глупъ, учился долго и прилежно, былъ въ университетѣ, но пишетъ съ грубыми ошибками.

Воспитанница графини Надинъ мало-по-малу обратилась въ экономку, очень робка и умѣетъ говорить только „нѣтъ-съ“, „да-съ“, и руки у нея постоянно дрожать. Какъ-то посватался земскій начальникъ, вдовецъ, она вышла за него; тоже „да-съ“ и „нѣтъ-съ“; очень боялась своего мужа и не любила его; разъ какъ-то онъ громко кашлянулъ, она испугалась и умерла.

Она ласкается къ любовнику: — мой коршунъ!

Перепентьевъ.

Пьеса: ты бы хоть смѣшное разсказать что-нибудь, а то 20 лѣтъ живемъ вмѣстѣ — и все о серьезномъ; возненавидѣла я это серьезное.

Кухарка вретъ: я въ гимназій училась (она съ папирской)... жнаю, жачѣмъ земля круглая.

„Общество отысканія и поднятія якорей съ рѣчныхъ пароходовъ и баржъ“, и представитель этого общества обязательно на всѣхъ юбилеяхъ читаетъ рѣчь à la N. и обязательно обѣдаетъ.

Сверхъ-мистицизмъ.

Когда я разбогачѣю, то открою себѣ гаремъ, въ которомъ у меня будутъ голыя, толстыя женщины съ лгодицами, расписанными зеленой краской.

Робкій молодой человекъ пріѣхалъ въ гости, остался почевать; вдругъ вошла старуха лѣтъ 80, глухая, съ клистирной кружкой, и поставила ему клистиръ; онъ, думая,

что это такъ принято, не протестовалъ; на утро оказалось, что старуха ошиблась.

Фамилія: Верстакъ.

Чѣмъ человекъ (крест.) глупѣе, тѣмъ легче его понимаетъ лошадь.

МОСКОВСКІЕ ЛИЦЕМЪРЫ.

Весною этого года московская дума, состоящая на три четверти изъ купцовъ, подъ давленіемъ администраціи, городского головы, духовенства и печати, вынуждена была издать правила объ ограниченіи торговли по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Купцы стали торговать по праздникамъ не 10—12 часовъ въ день, а только три. Надняхъ эта же самая дума, очевидно, пользуясь временнымъ отсутствіемъ лицъ, принимавшихъ близко къ сердцу приказчиій вопросъ, почти единогласно постановила: „Обязательныя для городскихъ жителей постановленія, дѣйствующія подъ наименованіемъ: „объ ограниченіи торговли въ воскресные и праздничные дни“—отмѣнить“.

И отмѣнили. Бакалейная, галантерейная и живорыбная публика, слушавшая пренія, кричала „браво!“ такъ громко и единодушно, что ее два раза выводила полиція. Ужъ воистину браво! Только brave и очень храбрые люди могутъ говорить публично и не краснѣя такой вздоръ, какой выпаливали гг. купцы, желающіе во что бы то ни стало торговать по воскресеньямъ. Одинъ сказалъ, что въ „церковъ ходятъ не приказчики, а интеллигентные люди“, другой, торгующій на два гроша въ день, жаловался на какіе-то многомилліонные убытки, третій, купецъ Ланинъ, уравнивающимъ въ себѣ одномъ „хозяина и приказчика“ (онъ числится членомъ общества приказчиковъ), тономъ человѣка безпристрастнаго, для котораго одинаково дороги интересы обѣихъ сторонъ, сказалъ, что правила не нужны, что можно и торговать и въ то же время давать приказчикамъ отдыхъ, т.-е. и капиталъ нажить и невинность соблюсти. Онъ былъ за границей и видѣлъ, какъ тамъ по праздникамъ вмѣсто приказчиковъ

торгуютъ жены и дочери хозяевъ. Этотъ обычай можно привить и въ Россіи, лишь бы только правила были поскорѣе отмѣнены и хозяева „пожелали бы торговать сами или поставить своихъ женъ, сыновей и дочерей за прилавкомъ“. Этотъ Ланинъ, очевидно, изучалъ заграничную торговлю въ Москвѣ въ лимонадныхъ будкахъ и въ дешевыхъ колбасныхъ, гдѣ, дѣйствительно, торгуютъ жены и дочери хозяевъ. Чѣмъ сослаться на заграничные порядки, проще было бы этому г. Ланину заглянуть къ себѣ въ заводъ ланинскаго шампанскаго. Хватитъ ли у него дочерей и сыновей, чтобы замѣнить ими десятки приказчиковъ, работающихъ у него въ складѣ и на заводѣ? Кого бы онъ сажалъ по праздникамъ за прилавокъ, если бы былъ холостъ или бездѣтенъ? И почему это, спрашивается, семейство его должно сидѣть за прилавкомъ въ то время когда онъ самъ и его приказчики будутъ гулять? Чтѣ за вздоръ...

Человѣкъ говоритъ глупости, когда бываетъ не правъ и не уменъ. Каждый день и каждый часъ говорится много глупостей и въ Москвѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани; на всякое чиханье не наздравствуешься, трудно отвѣчать и на всякую глупость. Но вздоръ московскихъ Ланиныхъ имѣетъ слишкомъ острый и слишкомъ специфическій запахъ, чтобы можно было оставить ихъ безъ вниманія. Слишкомъ ужъ чувствуется та лисица, которая прячется подъ маскою московскаго глупца и юродиваго, когда онъ разглагольствуетъ на ярмаркахъ или въ засѣданіяхъ думы. Не лицемѣріе ли, защищая торговлю по праздникамъ, говоритъ о церкви? Не лицемѣріе ли, защищая свой хозяйскій карманъ, называть себя приказчикомъ и говорить какъ бы отъ имени приказчиковъ? Не лицемѣріе ли—пугать многомилліонными убытками или антагонизмомъ приказчиковъ и хозяевъ? Не похожи ли эти многомилліонные убытки и приказчиѣя революція на то „мирное завоеваніе англичанами Сибири“, какимъ недавно нижегородскіе политико-экономы пугали воображеніе министра финансовъ? Лондонъ ведетъ торговлю по меньшей мѣрѣ въдесятеро, а можетъ-быть, въ двадцать и тридцать разъ превышающую общій итогъ торговыхъ оборотовъ Москвы, а между тѣмъ по воскресеньямъ Лондонъ не торгуетъ; отдыхаютъ и хозяева и приказчики. И къ чему говорить о семействѣ? Вѣдь этотъ г. Ланинъ отлично знаетъ, что послѣ отмѣны правилъ не сидятъ за прилавокъ ни его

жена ни дочери, а будутъ торговать тѣ же приказчики. И странное дѣло! Всѣ эти защитники праздничной торговли, желая побить приказчиковъ ихъ же орудіемъ, стараются придать своимъ претензіямъ тоже религіозную подкладку; они говорятъ, что въ праздники гуляющій приказчикъ будетъ шататься по трактирамъ и проч. и этимъ оскорблять святость праздника. Какіе, подумаешь, святые! Но отчего же они не начинаютъ своихъ проповѣдей съ четвертой заповѣди? Тогда бы приказничій вопросъ съ религіозной точки зрѣнія былъ совершенно ясенъ и не понадобилось бы публично оскорблять тысячи старыхъ и молодыхъ тружениковъ обвиненіями въ развратной жизни, въ нерелигіозности и проч. Если ужъ святошамъ такъ хочется связать тѣсно приказничій вопросъ съ этими обвиненіями, то надо бы дѣлать это поумнѣе, потактичнѣе и кстати бы ужъ не забывать, что тысячи развратныхъ канареекъ или кроликовъ гораздо лучше, чѣмъ одинъ благочестивый волкъ *).

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ 1888 г. (№ 4531), безъ подписи.

НАШЕ НИЩЕНСТВО.

Политико-экономы и полицейское право, ведущіе борьбу съ уличнымъ нищенствомъ, говорятъ: „Ради блага чело вѣчества не подавайте ни копейки!“. Эту фразу слѣдуетъ видоизмѣнить такимъ образомъ: „Ради блага чело вѣчества не просите милостыни“, и вторая форма, кажется, будетъ ближе къ рѣшенію вопроса, чѣмъ первая. Вѣдь берутъ и просятъ гораздо чаще, чѣмъ даютъ. Рѣдко кто умѣетъ и любить давать. Русскій чело вѣкъ, напримѣръ, ужасно застѣнчивъ, когда дастъ или предлагаетъ, зато просить и брать онъ умѣетъ и любитъ, и это даже вошло у него въ привычку и составляетъ одно изъ его коренныхъ свойствъ. Это свойство присуще въ одинаковой степени всѣмъ слоямъ общества: и уличнымъ нищимъ и ихъ благодѣтелямъ. Въ низшихъ слояхъ развита и вѣками воспитана страсть къ нищенству, попрошайничеству, приживальству, а въ среднихъ и высшихъ — ко всякаго рода одолженіямъ, любезностямъ, пособіямъ, заимствованіямъ, уступкамъ, скидкамъ, льготамъ... Извозникъ проситъ прибавки, трактирный офиціантъ презираетъ того, кто не даетъ ему на чай, акушерка не стыдится стоять на крестинахъ съ тарелочкой и собирать съ гостей двугривенные, драматургъ со спокойной совѣстью заимствуетъ чужія пьесы и выдаетъ ихъ за свои, одна десятая пассажировъ въ каждомъ поѣздѣ ѣдетъ бесплатно, въ театрахъ, загородныхъ садахъ и въ циркахъ даровые посѣтители составляютъ необходимое, привычное зло, съ которымъ не рѣшится вести борьбу ни одинъ антрепренеръ; въ каждомъ правленіи желѣзной дороги, или банка вы найдете съ десятокъ порядочныхъ, очень приличныхъ людей, получающихъ жалованье совершенно даромъ; ни одинъ чиновникъ не

откажется отъ пособия или командировки, и любой врачъ подтвердить, что добрая половина тѣхъ медицинскихъ свидѣтельствъ, которыя прилагаются къ прошениямъ объ отпускахъ и пособияхъ, выдаются изъ любезности, а не по совѣсти. У самой щепетильной и совѣстливой части общества—у молодежи—стипендія, пособия, подписки, концерты съ даровыми исполнителями давно уже стали обычаемъ; общество вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ никакъ не можетъ получить долговъ со своихъ бывшихъ клиентовъ, и, кажется, не было еще примѣра, чтобы студентъ, ставши богатымъ человѣкомъ, считалъ нужнымъ возратить свою стипендію. О неуваженіи къ мелкимъ долгамъ и авансамъ, о зачитываніи чужихъ книгъ и рукописей, о томъ, что изъ ста тысячъ читающихъ за чтеніе платитъ только одна тысяча, нечего и говорить. Каждый интеллигентный человѣкъ читалъ Тургенева и Толстого, но далеко не каждый платилъ за ихъ сочиненія.

Красть безнравственно, но брать можно. Адвокатъ беретъ за свое участіе въ бракоразводномъ процессѣ minimum четыре тысячи не потому, что это должно, а потому, что можно. Художникъ за свою картину, написанную въ пять дней, проситъ десять тысячъ, артистъ проситъ за сезонъ двадцать двѣ тысячи, и никто за это не называетъ ихъ дурными людьми. Можно брать—и они въ глазахъ общества правы.

И сознаніе, что „это можно“, всякаго просящаго и берущаго спасаетъ отъ стыда и неловкаго чувства. Иная полковница, почтенная мать семейства, стыдится, что у ней сѣдые волосы, но ей нисколько не стыдно ѣхать въ поѣздѣ по билету агента или сидѣть въ партерѣ театра по контрамаркѣ, взятой у знакомаго капельдинера. Стыдно лгать, но не стыдно просить у доктора медицинского свидѣтельства, чтобы одурачить казну и содрать съ нея ни за что ни про что 200—300—1000 рублей, не стыдно просить у вліятельной особы мѣста для человѣка, завѣдомо неспособнаго. Порядочный человѣкъ не перестаетъ быть порядочнымъ оттого, что даромъ получаетъ жалованье, или ѣдетъ въ командировку, надъ которой самъ же смѣется. О пособияхъ, подпискахъ, даровыхъ жалованьяхъ, о бесплатныхъ билетахъ и контрамаркахъ, о зачитанныхъ книгахъ и проч. всѣ говорятъ вслухъ, никто не краснѣетъ, всѣ чувствуютъ себя прекрасно и всѣ милые люди.

Тѣ, кому все это не симпатично въ русскомъ человѣкѣ,

оправдываютъ его рудинскими свойствами его характера, именно тѣмъ, что русскій человѣкъ относится одинаково безпечно какъ къ чужой, такъ и къ своей собственности: онъ зря беретъ и въ то же время зря даетъ. Пусть такъ. Но вѣдь человѣку, кромѣ характера и темперамента, дана еще способность разсуждать; кто берется оправдывать или обвинять, тотъ не долженъ забывать объ этой способности. Каждый зря просящій и зря берущій, если онъ не извозчикъ и не официантъ, легко можетъ разсудить и понять, что всѣ эти одолженія, любезности, уступки, скидки и льготы не такъ невинны, какъ кажется, что за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произволъ, насиліе надъ чужою совѣстью, эксплуатація чужого чувства, преступленіе. Развѣ начальникъ станціи, дающій даровой билетъ, не крадетъ? Развѣ льгота, данная Ивану, не служилъ въ ущербъ Петру?

Хуже всего, что безпечность и художественный безпорядокъ, царящіе въ отношеніяхъ русскаго человѣка къ чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даромъ воспитали въ обществѣ дурную привычку не уважать чужой трудъ. Баринъ, играющій въ вѣять, нисколько не думаетъ о своемъ кучерѣ, мерзнушемъ на дворѣ; такъ и наше общество привыкло не думать о томъ, что сельское духовенство работаетъ почти даромъ и живетъ впроголодь, учителя, получающіе за свой тяжелый трудъ гроши, бѣдствуютъ, что въ городскихъ больницахъ работаетъ даромъ, ничего не получая отъ общества, масса молодыхъ врачей, и что тотъ же злополучный Дрейпельхеръ, на котораго была возложена громадная отвѣтственность, получалъ отъ общества, его осудившаго, гроши. Рѣдко кто ратуетъ за прибавку жалованья, напри- мѣръ, офицерамъ или почтовымъ чиновникамъ, но за убавку готово стоять большинство. Чѣмъ дешевле, тѣмъ лучше, а если даромъ, то это еще лучше.

Уличное нищенство—это только маленькая частность большаго общаго. Нужно бороться не съ нимъ, а съ производящею причиною. Когда общество во всѣхъ своихъ слояхъ, съ верху до низу, научится уважать чужой трудъ и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнетъ само собою *).

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ 1888 г. (№ 4587), декабря 4, безъ подписи.

ЛЮДИ ПОДВИГА.

Н. М. Пржевальскій, умирая, просилъ, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умирающему Богъ далъ силы совершить еще одинъ подвигъ — подавить въ себѣ чувство тоски по родной землѣ и отдать свою силу пустынѣ. Такіе люди, какъ покойный, во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ обществахъ, помимо ученыхъ и государственныхъ заслугъ, имѣли еще громадное воспитательное значеніе.

Одинъ Пржевальскій или одинъ Стэнли стоятъ десятка учебныхъ заведеній и сотни хорошихъ книгъ. Ихъ идейность, благородное честолюбіе, имѣющее въ основѣ честь родины и науки, ихъ упорство, никакими лишеніями, опасностями и искушеніями личнаго счастья непобѣдимое, стремленіе къ развѣ намѣченной цѣли, богатство ихъ знаній и трудолюбіе, привычка къ зною, холоду, тоскѣ по родинѣ, къ изнурительнымъ лихорадкамъ, ихъ фанатическая вѣра въ христіанскую цивилизацію и въ науку — дѣлаютъ ихъ въ глазахъ народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А гдѣ эта сила, переставъ быть отвлеченнымъ понятіемъ, олицетворяется однимъ или десяткомъ живыхъ людей, тамъ и могучая сила. Не даромъ Пржевальскаго, Миклуху-Маклая и Ливингстона знаетъ каждый школьникъ, и не даромъ по тѣмъ путямъ, гдѣ проходили они, народы составляютъ о нихъ легенды.

Изнѣженный десятилѣтній мальчикъ-гимназистъ мечтаетъ бѣжать въ Америку или Африку совершать подвиги — это шалость, но не простая; безграмотный абхазецъ говоритъ вздорныя сказки объ Андрѣ Первозванномъ, но это не простой вздоръ. Это слабыя симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по землѣ отъ подвига.

Въ наше большое время, когда европейскими обществами обуюла лѣнь, скука жизни и невѣріе, когда всюду въ страшной взаимной комбинаціи царятъ нелюбовь къ жизни и страхъ смерти, когда даже лучшіе люди сидятъ, сложа руки, оправдывая свою лѣнь и свой развратъ отсутствіемъ опредѣленной цѣли въ жизни, подвижники нужны, какъ солнце. Составляя сильный поэтический и жизнерадостный элементъ общества, они возбуждаютъ, утѣшаютъ и облагораживаютъ.

Ихъ личность — это живые документы, указывающіе обществу, гдѣ, кромѣ людей, ведущихъ споръ объ оптимизмѣ или пессимизмѣ, пишущихъ отъ скуки неважныя повѣсти, ненужныя проекты и дешевыя диссертаци, развратничающихъ во имя отрицанія жизни и лгущихъ ради куска хлѣба, что, кромѣ скептиковъ, мистиковъ, психопатовъ, іезуитовъ, философовъ, либераловъ и консерваторовъ, есть еще люди иного порядка, люди подвига, вѣры и ясно сознанной цѣли.

Если положительные типы, создаваемые литературой, составляютъ цѣнный воспитательный матеріалъ, то тѣ же самыя типы, даваемые самой жизнью, стоятъ выше всякой цѣны. Въ этомъ отношеніи такіе люди, какъ Пржевальскій, дороги особенно тѣмъ, что смыслъ ихъ жизни, подвиги, дѣла и нравственная физіономія доступны пониманію даже ребенка.

Всегда такъ было, что, чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ истинѣ, тѣмъ онъ проще и понятнѣе. Понятно, чего ради Пржевальскій лучшіе годы своей жизни провелъ въ центральной Азіи, понятенъ смыслъ тѣхъ опасностей и лишеній, какимъ онъ подвергалъ себя, понятенъ весь ужасъ его смерти вдали отъ родины и его предсмертное желаніе продолжать свое дѣло послѣ смерти: оживлять своей могилой пустыню. Читая его біографію, никто не спроситъ: За чѣмъ? почему? какой тутъ смыслъ? Но всякій скажетъ: онъ правъ *).

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ 1888 г. (26-го октября), безъ подписи. См. „Письма А. И. Чехова“, т. II, стр. 201 (письмо Е. М. Линтваревой отъ 27-го октября 1888 г.): „Сегодня въ „Новомъ Времени“ (среда 26-го окт.) есть мой короткій вопль по адресу покойнаго Пржевальскаго — образчикъ моихъ передовицъ. Такихъ людей, какъ Пржевальскій, я любилъ безконечно“.

В. А. БАНДАКОВЪ.

(Некрологъ).

15-го января, въ гор. Таганрогѣ, скончался духовный писатель и проповѣдникъ, протоіерей *Василій Анастасьевичъ Бандаковъ*, имя котораго достаточно популярно среди нашего духовенства, особенно южно-русскаго. Строго соблюдая апостольскую заповѣдь, свою долготѣльную священническую дѣятельность покойный проявлялъ прежде всего въ постоянной проповѣди. Проповѣдывалъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, не стѣсняясь ни временемъ ни мѣстомъ. За все время служенія его церкви имъ было произнесено нѣсколько десятковъ тысячъ проповѣдей, изъ которыхъ самыя выдающіяся по своей простотѣ, силѣ и прекраснѣйшему, выразительному языку изданы въ 12-ти томахъ подъ общимъ заглавіемъ: „Простыя и краткія поученія“. Эти поученія обличаютъ въ авторѣ всестороннее знакомство съ жизнью и людьми, образованность и рѣдкую наблюдательность. Будучи въ самомъ дѣлѣ простыми и краткими, они составляютъ истинный кладъ для сельскихъ священниковъ, и книги о. Бандакова поэтому можно найти почти во всѣхъ церковныхъ библіотекахъ. Обладая по природѣ своей крупнымъ публицистическимъ талантомъ, въ высшей степени разнообразнымъ, онъ рѣдко останавливался на отвлеченныхъ богословскихъ темахъ, предпочитая имъ вопросы дня и насущныя потребности того города и края, въ которомъ онъ жилъ и работалъ; неурожай, повальные болѣзни, солдатскій наборъ, открытіе новаго клуба — ничто не ускользало отъ его вниманія, и потому-то его 12 томовъ составляютъ энциклопедію, въ которой могутъ найти для себя одинаково интересное и полезное чтеніе люди всѣхъ званій

и профессій: и богатѣйшіе негоціанты, и чиновники, и дамы, и солдаты, и арестанты.

Какъ проповѣдникъ, онъ былъ страстенъ, смѣлъ и часто даже рѣзокъ, но всегда справедливъ и нелицепріятенъ. Онъ не боялся говорить правду и говорилъ ее открыто, безъ обиняковъ; люди же не любятъ, когда имъ говорятъ правду, и потому покойный пострадалъ въ своей жизни не мало. Умеръ онъ на 84-мъ году, оставивъ послѣ себя память добраго, любящаго и безкорыстнаго человѣка *).

*) Было напечатано въ „Новомъ Времени“ 1890 г., безъ подписи.

ФОКУСНИКИ.

Въ Москвѣ появилась небольшая брошюрка пр. Тимирязева „Пародія науки“. Статья, составляющая ее содержаніе, имѣетъ размѣры обыкновенной журнальной замѣтки, и потому для многихъ читателей Тимирязева кажется страннымъ, почему онъ не напечаталъ ее въ „Русской Мысли“ или въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, сотрудникомъ которыхъ онъ давно уже состоитъ. Вѣдь „Русская Мысль“ и „Русскія Вѣдомости“ такъ любятъ науку! Впрочемъ, не въ нихъ дѣло.

Брошюрка г. Тимирязева особенно интересна тѣмъ, во-первыхъ, что онъ московскій профессоръ и извѣстный ученый, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ этой брошюркѣ онъ старается доказать, что дирекція Московскаго Зоологическаго сада, во главѣ которой стоитъ тоже московскій профессоръ и тоже извѣстный ученый, занимается *шарлатанствомъ*! Шутка сказать!

При Московскомъ Зоологическомъ садѣ открыта ботаническая станція. Г. Тимирязевъ, какъ извѣстно, ботаникъ и читаетъ въ университетѣ „физиологію растений“. Вновь открытая станція близко касается его специальности, и онъ, какъ главарь московскихъ ботаниковъ, считаетъ себя обязаннымъ высказать о ней свое мнѣніе. И онъ не стѣсняется. Разказавъ, что такое представляетъ собою вновь открытая „ботаническая опытная станція“, онъ резюмируетъ свою оцѣнку такъ: „Можно сказать, что, начиная съ оскорбляющей обоняніе своими амміачными испареніями, весьма знакомой атмосферы Зоологическаго сада, выбора мѣста подъ навѣсомъ деревьевъ убогаго, случайнаго, во всѣхъ отношеніяхъ непригоднаго помѣщенія, жалкаго числа опытовъ и кончая мельчайшими подробностями ихъ не-

ряшливаго исполненія,—все здѣсь служить образцомъ того, какъ не поступаютъ и какъ нельзя поступать при такого рода изслѣдованіяхъ“ (стр. 9). А дальше: „Если дирекція Зоологическаго сада имѣетъ смѣлость публично называть свою жалкую затѣю „ботанической опытной станціей“, то знающіе свое дѣло ботаники нравственно обязаны сказать той же публикѣ: не вѣрьте, это недостойная пародія, свидѣтельствующая о прискорбномъ неуваженіи къ наукѣ и публикѣ“ (стр. 14).

Итакъ, значитъ, станція, открытая учеными мужами „для строго-научнаго изслѣдованія по строго-научнымъ методамъ“, является жалкой затѣей, недостойной пародіей и неуваженіемъ къ наукѣ и публикѣ. Это нехорошо пахнетъ. Но, быть-можетъ, спроситъ читатель, учредители станціи не имѣли въ виду производства ученыхъ изслѣдованій, а скромно задавались только популяризацией физиологіи растений? Г. Тимирязевъ, очевидно, предвидѣлъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него такъ: „Популяризаторъ имѣетъ право выступать передъ публикой во всеоружіи *настоящей* науки, показывая этой публикѣ завоеванія науки, добытыя талантомъ и трудомъ въ тиши *настоящихъ* лабораторій и кабинетовъ. А выходить на улицу, публично производить пародію научныхъ изслѣдованій въ какихъ-то пародіяхъ лабораторій, въ невозможной обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительной обстановкой научнаго труда, да еще въ неряшливой формѣ, значитъ сознательно подрывать значеніе науки“ (стр. 12).

Если же ботаническая станція, открытая зоологами, не имѣетъ смысла ни для ученыхъ, въ которыхъ, по заявленію автора, можетъ вызвать только справедливое негодованіе, ни для учащихся, для которыхъ можетъ служить развѣ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ относиться къ наукѣ, ни наконецъ для публики, потому что представляетъ собою новый типъ не опытной, а потѣшной станціи,—то какой же смыслъ имѣетъ учрежденіе этой фито-біологической станціи въ Московскомъ Зоологическомъ саду?

Г. Тимирязевъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Результаты искусственныхъ культуръ“, которыми занимаются на станціи, „очень эффектны, они могутъ производить впечатлѣніе даже на профана,—такъ не воспользоваться ли этими дешевыми научными фокусами для поднятія себя въ глазахъ публики? Наука нашего времени творитъ чудеса, почему бы не найтись и современнымъ Симонамъ-волхвамъ,

готовымъ за недорогую цѣну приобрести возможность показывать эти чудеса. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ достать изъ аптеки нѣсколько фунтовъ солей, растворить въ водѣ, разлить въ банки, сунуть по сѣмени, и фокусъ готовъ. Но разсуждающіе такимъ образомъ забываютъ, что эти фокусы—плоды таланта и труда поколѣній ученыхъ, и что даже для удачнаго ихъ повторенія, кромѣ солей, нужно еще знаніе, умѣніе и добросовѣстный трудъ—все продукты, которыхъ изъ аптекъ, даже за деньги, не отпускаютъ“ (стр. 14).

Г. Тимирязевъ въ своей брошюрѣ ни разу не употребляетъ слова „шарлатанъ“, но, какъ видите, онъ обвиняетъ ученую дирекцію въ настоящемъ шарлатанствѣ. Въ лабораторіяхъ сада сидятъ Симоны-волхвы, которымъ выгодно не уважать науку и морочить публику. Но не хватаетъ ли черезъ край г. Тимирязевъ? Не проще ли было бы, думали мы, прочитать его брошюрку, объяснить промахи дирекціи не шарлатанствомъ, а склонностью вообще русскаго человѣка браться не за свое дѣло? На Руси не рѣдкость, что сапоги тачаетъ пирожникъ, а пироги печетъ сапожникъ, иначе бы Крыловъ не написалъ своей басни. Вѣдь случалось же у насъ, что учебными округами управляли врачи и бывшіе прокуроры, въ окружныхъ судахъ предсѣдательствовали естественники, и ботанику въ университетахъ читали словесники. Мы думали такъ: если зоологи промахнулись на ботаникѣ, то что за бѣда? Почитатели ихъ могутъ утѣшиться на зоологіи...

И мы, чтобъ утѣшиться, поспѣшили совершить экскурсію въ область зоологіи...

Но, ахъ, какой видъ!

Здѣсь мы, прежде всего, сталкиваемся съ страннымъ отношеніемъ московской публики къ своему ученому саду. Она иначе не называетъ его, какъ „кладбищемъ животныхъ“. Воняетъ, животныядохнуть съ голода, дирекція отдаетъ своихъ волковъ за деньги на волчьи сѣдки, зимою холодно, а лѣтомъ по ночамъ гремитъ музыка, трещать ракеты, шумятъ пьяные и мѣшаютъ спать звѣрямъ, которые еще не околѣли съ голода... Почему это такъ? спрашиваемъ дирекцію. Что общаго между волчьими сѣдками и наукой, или между ракетами и самимъ г. Богдановымъ? Въ отвѣтъ дирекція настойчиво увѣряетъ, что бѣдная обстановка сада, жалкій и случайный составъ его животныхъ, мизерность и неяркость ихъ содержанія—это одно, а

„научная“ и „ученая“ дѣятельность стоящаго во главѣ сада кружка зоологовъ—это другое. Если первое не выдерживаетъ критики „вслѣдствіе недостаточнаго вниманія публики къ дѣлу зоологовъ“, какъ говорятъ зоологи въ годичныхъ засѣданіяхъ своего Общества акклиматизаціи, то второе неустанно идетъ все впередъ и впередъ. Ладно. Въ чемъ же, спрашиваемъ, состоитъ собственно ученая зоологическая дѣятельность сада?

Намъ отвѣчаютъ: она можетъ состоять, во-первыхъ, въ рѣшеніи вопросовъ сравнительной анатоміи и морфологіи, съ каковыми цѣлями сады, имѣющіе для этого достаточныя средства, организуютъ свои *лабораторіи*; во-вторыхъ, въ непрерывныхъ біологическихъ наблюденіяхъ надъ животными, для чего ведутся подневныя записки—*Дневники* сада, а накопляющійся въ нихъ матеріалъ время отъ времени подвергается обработкѣ и публикуется; въ-третьихъ, наконецъ, въ устройствѣ *выставокъ*, которыя имѣютъ цѣлью наглядно ознакомить публику съ успѣхами скотоводства, птицеводства и акклиматизаціи.

Прекрасно. Идемъ по саду искать лабораторію. Такъ какъ она предназначена „для строго-научныхъ изслѣдованій по строго-научнымъ методамъ“, то мы, конечно, найдемъ, прежде всего, хорошее помѣщеніе, достаточно обширное для того, чтобы соответствовать широтѣ и сложности своихъ задачъ и обставленное необходимыми спеціальными приспособленіями; затѣмъ мы найдемъ, конечно, персоналъ спеціально свѣдущихъ лицъ, хорошо составленную бібліотеку, пособия и наконецъ соответствующіе инструменты. Только при наличности всѣхъ этихъ условій лабораторія сада имѣетъ право на такое названіе. Такъ именно и смотрятъ на это дѣло руководители садовъ за границей. Они или вовсе отказываются отъ предпріятія, если оно не подъ силу для ихъ кармана, и, если представляется случай, просто жертвуютъ имѣющійся у нихъ матеріалъ соответствующимъ учрежденіямъ, какъ, напримѣръ, Гамбургскій зоологическій садъ—Гамбургскому музею, или же обладаютъ такими первоклассными учрежденіями, какъ сравнительно-анатомическій музей Jardin des plantes въ Парижѣ.

Но напрасно мы ходимъ по саду и ищемъ лабораторію. Намъ говорятъ, что она „пока“ закрыта. Когда нѣтъ курицы, то ѣдятъ одинъ только бульонъ; если нѣтъ лабораторіи, то пусть хотя расскажутъ намъ ея исторію. И намъ

разсказываютъ, что открытіе ея совершалось съ большою торжественностью, что предшествовали ему многочисленныя публичныя засѣданія, говорились блестящія рѣчи, печатались длинныя статьи и проч., и проч., и проч.

Въ торжественный день открытія былъ молебень, обѣдъ, тосты, благодарности, телеграммы, шампанское... Музыка играетъ, штандартъ скачетъ... Въ сладкой полудремѣ послѣ шампанскаго мерещились уже слава, членство въ академіи, Почетный Легіонъ и всякіе Орлы, Леопольды, Стефаны, Лазари и Полярныя Звѣзды... Будущіе академики и кавалеры составили изъ себя „комиссію уполномоченныхъ“, и эта комиссія выработала программу, по которой занятія лабораторіи Зоологическаго сада должны были состоять въ слѣдующемъ: 1) въ вскрытіи умершихъ животныхъ и въ приготовленіи изъ нихъ препаратовъ для Зоологическаго музея Московскаго университета; 2) въ приготовленіи матеріала для микроскопическихъ работъ и въ изготовленіи микроскопическихъ препаратовъ преимущественно по паразитамъ, находимымъ въ павшихъ въ саду животныхъ; 3) въ опредѣленіи животныхъ, поступающихъ какъ въ Зоологическій садъ, такъ и непосредственно въ лабораторію; 4) въ устройствѣ терраріумовъ и акваріумовъ какъ для цѣлей сада въ популяризаціонномъ отношеніи, такъ и для учебныхъ цѣлей Зоологическаго музея университета и работъ Общества акклиматизаціи; 5) въ экскурсіяхъ для полученія животныхъ, необходимыхъ и желательныхъ для терраріумовъ и акваріумовъ, и въ производствѣ надъ ними наблюденій съ цѣлью составленія докладовъ для Общества акклиматизаціи и любителей естествознанія, и 6) въ организаціи и устройствѣ библіотеки изъ специальныхъ сочиненій, необходимой для учено-практическихъ занятій въ саду и въ лабораторіи.

Что значитъ „производство наблюденій съ цѣлью составленія докладовъ“? Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ невинныя курьезы этой программы и спросимъ, что же на самомъ дѣлѣ представляла собою открытая дирекціей лабораторія и чѣмъ располагала она для выполненія ея многостороннихъ, намѣченныхъ программю задачъ? Въ чемъ и гдѣ плоды ея дѣятельности? И кто ее „пока“ закрылъ и почему? Намъ говорятъ, что отвѣтъ на это мы можемъ получить изъ перваго (кстати сказать, единственнаго) тома „Ученыхъ трудовъ Общества акклиматизаціи“, издавнаго подъ редакціей профессора Богданова. Мы съ боль-

шимъ трудомъ достаемъ этотъ очень толстый, объемистый первый томъ, еще съ большимъ трудомъ прочитываемъ его и узнаемъ, что возродилась лабораторія въ началѣ 1878 года, а „пока“ закрыта она въ концѣ 1884 года. Первый отчетъ лабораторіи обнимаетъ періодъ времени всего только за три мѣсяца: за іюнь, іюль и августъ 1878 года. Въ эти мѣсяцы поступило въ лабораторію млекопитающихъ 16 и птицъ 199. Вскрыто было первыхъ 15, вторыхъ 76 (т. I, стр. 121 и 122). То обстоятельство, что птицъ было вскрыто меньше половины, въ отчетѣ объясняется такъ: „Вскрытіе и дѣланіе препаратовъ главнымъ образомъ лежало на одномъ лицѣ, которому, очевидно, въ теченіе 90 дней существованія лабораторіи не было физической возможности въ этотъ періодъ произвести разборку всего поступившаго матеріала, а приходилось выбирать главнѣйшее“ (стр. 122). Оказывается дальше, что „протоколы вскрытій млекопитающихъ страдаютъ еще сильною отрывочностью, что происходитъ, какъ сказано уже, частію отъ накопленія большого количества работъ въ лабораторіи при маломъ численномъ составѣ, а частію вслѣдствіе неопытности и новизны дѣла для лаборантовъ, отъ неустановившихся еще требованій отъ „Дневника“ лабораторіи“ (стр. 123).

Такимъ образомъ лабораторія, по ея же собственнымъ печатнымъ отчетамъ, была открыта, о дѣятельности ея уже представлялись и печатались отчеты, а между тѣмъ у нея не было ни надлежащаго личнаго состава, ни книгъ, ни пособій, ни инструментовъ, ни даже установившихся требованій отъ „Дневника“ лабораторіи. Были только пріятное воспоминаніе о торжествѣ открытія, да программа, которая не исполнялась.

Отчетъ за 1879 годъ занимаетъ нѣсколько писанныхъ страницъ, прочитанныхъ въ годичномъ засѣданіи Общества и въ свое время напечатанныхъ въ газетахъ. Онъ начинается съ указанія на недостатки отчетовъ европейскихъ зоологическихъ садовъ, въ которыхъ-де излагается дѣло со всею краткостью и безъ всякихъ сообщеній о своей будничной жизни. „Не разъ, — съ важностью заявляетъ отчетъ, — приходилось намъ слышать такіа объясненія по этому предмету: число лицъ, входящихъ въ составъ администраціи сада, не велико, имъ некогда обрабатывать тотъ обширный матеріалъ, который накопляется каждый годъ, передавать же въ сыромъ видѣ — не стоитъ...“ Казалось бы,

что намъ, новичкамъ въ дѣлѣ всякаго рода ученыхъ предприятий, слѣдовало бы скромно потупиться и воспользоваться указаніями опытныхъ людей и во всякомъ случаѣ не задираить вверхъ носа. Но авторъ отчета иначе смотритъ на дѣло и заявляетъ публично, что онъ не доволенъ заграничными порядками. Пусть за границей дѣло ведется дурно, но вы-то что сдѣлали, позвольте васъ спросить? Вы въ своей московской лабораторіи ровно *ничего* не сдѣлали даже въ смыслѣ собранія сырого матеріала. Да это и понятно: во второй годъ существованія лабораторіи имѣла опять-таки только *одного* лаборанта-студента, недостаточно подготовленнаго и занятаго своими лекціями, работавшаго, вѣроятно, зубами и пальцами, такъ какъ инструментовъ не было; не было и книгъ. Изъ общаго числа доставленныхъ въ теченіе года въ лабораторію звѣрей и птицъ не было вскрыто 23 млекопитающихъ и 109 птицъ. Отчетъ объясняетъ это такимъ образомъ: „въ апрѣлѣ и маѣ чувствовался большой недостатокъ въ рукахъ, такъ какъ и лица, входящія въ составъ лабораторіи, и тѣ лица, которыя могли бы оказать помощь, были обременены другими занятіями; въ іюнѣ и іюлѣ, вслѣдствіе стѣсненныхъ матеріальныхъ средствъ, чувствовался *недостатокъ спирта*; въ августѣ же это послѣднее обстоятельство осложнилось еще тѣмъ, что „пало нѣсколько цѣнныхъ животныхъ“... и т. д. А далѣе рѣчь идетъ о значительномъ недостаткѣ въ пособіяхъ, книгахъ и инструментахъ—все та же пѣсня.

Отчетъ за 1880 годъ кратокъ. О заграничныхъ безпорядкахъ уже нѣтъ разговора. Заключается отчетъ въ томъ, что, по заявленію секретаря на годичномъ собраніи Общества, лабораторія вообще составляла коллекцію органовъ животныхъ и опредѣляла причины смерти нѣкоторыхъ павшихъ животныхъ. Не вскрытыми остались 7 млекопитающихъ и 108 птицъ.

Въ 1881 году $\frac{2}{3}$ труповъ остались не вскрытыми, и отчетъ опять поетъ о недостаткѣ личнаго персонала. Затѣмъ, въ слѣдующіе годы, число не вскрытыхъ животныхъ отъ $\frac{2}{3}$ повышается до $\frac{3}{4}$ и $\frac{9}{10}$; наконецъ въ 1883 и 1884 гг. вскрытія производятся только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ (всего раза два-три въ году), а отчеты о дѣятельности лабораторіи прекращаются вовсе, по крайней мѣрѣ о нихъ уже не говорятъ въ годичныхъ засѣданіяхъ Общества.

Что же касается помѣщенія лабораторіи, то, по отзы-

вамъ очевидцевъ, въ 1885 году она представляла собою нѣчто похожее на кладовую Плюшкина. Это были склады всякаго хлама: дрова, посуда съ водой, старыя поломанныя клѣтки, негодные къ употребленію акваріи и терраріи; тамъ и сямъ между этимъ хламомъ, въ ящикахъ или просто на полу въ кучахъ лежали перебитыя между собою кости разныхъ животныхъ, битая посуда, старыя калоши, рваные отчеты, а на двухъ полкахъ въ углу стояли запыленные банки съ препаратами, начинавшими гнить, такъ какъ спиртъ испарялся... Эти кости и эти гнилые препараты вмѣстѣ со старыми калошами и битой посудой составляютъ собственно весь результатъ ученой дѣятельности лабораторіи. Мы говоримъ — весь результатъ, потому что за все время своего семилѣтняго существованія лабораторія не дала не только ни одной ученой работы, но даже ни одной замѣтки, если, впрочемъ, не считать заявленія о неудачныхъ опытахъ заразить собаку рипшою.

Очевидно, что вновь открытая ботаническая станція, на которую такъ сердится г. Тимирязевъ, есть родная дочь зоологической лабораторіи, что, строго говоря, оба эти учрежденія отличаются другъ отъ друга одними только названіями. Въ сущности, оба служатъ образчиками прискорбнаго неуваженія къ наукѣ и публикѣ. Лабораторія, такъ же, какъ и теперешняя станція, не была нужна ни для ученыхъ, ни для учащихся, ни тѣмъ паче для публики. Наконецъ самое возникновеніе ея, очевидно, имѣетъ тотъ же мотивъ, что и у ботанической станціи. Въ самомъ дѣлѣ, существованіе при садѣ лабораторіи есть несомнѣнное доказательство блестящаго состоянія его дѣлъ, и въ то же время оно свидѣтельствуетъ о научномъ направленіи дѣятельности его руководителей. Если такъ, то почему же и не устроить лабораторіи? Правда, поставить такую лабораторію, которая стояла бы въ уровень со своими учеными задачами—и дорого и не легко, потому что веденіе ея предполагаетъ деньги, опытность и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Но вѣдь требованія рекламы гораздо скромнѣе; тутъ не нужно ни денегъ, ни знаній, ни труда, а закатить только при открытіи обѣдъ съ музыкой, скажи рѣчь, упрекни публику въ равнодушіи къ зоологіи—и дѣло въ шляпѣ.

Обратимся теперь ко второму роду дѣятельности Зоологическаго сада—къ его „Дневнику“. Какъ извѣстно, во многихъ зоологическихъ садахъ Европы ведутся дневники, они несомнѣнно полезны, и печатаніе ихъ обставлено не-

премънными условіями, чтобы, во-первыхъ, факты заносились въ нихъ въ систематической непрерывности и въ возможно законченномъ видѣ, и чтобы, во-вторыхъ, заносимые въ дневникъ факты и наблюденія имѣли опредѣленную цѣль и назначеніе, вытекающія изъ научныхъ или хозяйственныхъ интересовъ сада. Какіе же факты и наблюденія нашли мѣсто въ „Дневникѣ“ нашего Зоологическаго сада? Перелистываемъ все тотъ же первый томъ, гдѣ напечатанъ „Дневникъ“, и читаемъ слѣдующее:

Факты:

17-го сентября 1878 года. Дразнилъ звѣрей молодой чепухъ.

17-го сентября. Дразнили звѣрей трое пьяныхъ

1-го октября. Дразнили звѣрей посятели.

8-го октября. Дразнилъ звѣрей офицеръ.

15-го октября. Дразнилъ звѣрей кадетъ.

17-го октября. Дразнилъ звѣрей посятель въ чужбѣ.

6-го декабря. Дразнила звѣрей публика.

4-го марта 1879 года. Дразнилъ звѣрей господинъ въ поддевкѣ.

8-го марта. Дразнилъ звѣрей посятель съ дамой.

Не правда ли, научно? Господинъ въ поддевкѣ, кадетъ и посятель съ дамой дразнили звѣрей, а отсюда выводъ: не дразните звѣрей, ибо этимъ вы только дразните ученыхъ, а ученые пишутъ глупости. Но читайте дальше:

Наблюденія. Января 1879 года. Безпокоили звѣрей: двое, ухватившись за рога оленя, старались повиснуть на нихъ; трое много шумѣли.

2-го февраля. Праздникъ. Дразнили (опять!) животныхъ: тура — за рога, кулановъ и зебра — за морду, зайцевъ тыкали руками.

4-го. Воскресенье. Народу много; дразнили (ну, конечно!) животныхъ по обыкновенію.

12-го. Господинъ съ компаніей произвелъ въ саду скандалъ. (А ученые протоколъ составили, что ли?).

Марта 4-го. Публика дразнила животныхъ, въ особенности господинъ въ поддевкѣ.

Далѣе, какой-то господинъ „тыкалъ“ тростью сову, офицеры „тыкали“ звѣрей палками. Затѣмъ слѣдуютъ не менѣе интересныя наблюденія надъ господиномъ въ поддевкѣ, юнкеромъ въ мундирѣ, дамой въ шляпѣ, солдатомъ въ фуражкѣ. А вотъ случаи:

24-го декабря 1878 года. Ночной сторожъ привелъ въ

контору неизвѣстнаго, заподозрѣннаго въ чемъ-то, что не оправдалось (?).

Января 7-го 1879 года. Одинъ офицеръ находилъ (и очень резонно), что медвѣжонку даютъ мало корму.

— 8-го. Одна госпожа предлагала купить для звѣрей тухлыхъ гусей.

— 11-го. Господинъ въ собольей шубѣ бодался съ козломъ черезъ перегородку.

Открытіе: У господина въ собольей шубѣ рога. Но далѣе: Января 26-го. Ночью кто-то изъ однокопытныхъ кашлялъ; за темнотою нельзя было разобрать, кто.

Октября 13-го. Офицеръ съ женою (!) и дочерью былъ въ отдѣлѣ акваріевъ; дочь уронила палку и перебила акваріумъ. Служитель просилъ или подождать, или пожаловать въ контору, но офицеръ, пригрозивъ служителю дать въ рожу, ушелъ.

Юня 4-го. Посятель съ семействомъ наварлъ цвѣтовъ; остановленный у кассы выругалъ его (кого его?)

И такъ далѣе. Кромѣ этихъ наблюденій насчетъ господина въ собольей шубѣ съ рогами и офицера, съ которымъ была жена, а не любовница, и скандаловъ, ежедневно происходившихъ въ мирномъ уголкѣ науки, въ „Дневникѣ“ нѣтъ ровно ничего. Въ описаніяхъ скандаловъ есть хоть пикантная подробность насчетъ рожи и цвѣтовъ, которые посятель наварлъ, очевидно, для дамы; что же касается тѣхъ записей, которыя относятся къ кашляющимъ однокопытнымъ и околѣвающимъ жвачнымъ, то тутъ „за темнотою нельзя было разобрать“ и лаконизмъ поразительный.

Просто хотъ не читай.

Сент. 21-го. Захворалъ слонъ.

Сент. 22-го, 23-го, 24-го и т. д. онъ продолжалъ болѣть.

Сент. 28-го. Выздоровѣлъ.

И только. Чѣмъ былъ боленъ слонъ? Какіе были симптомы его болѣзни? Чѣмъ лѣчили? Объ этомъ ни слова, а вотъ насчетъ того, что „одна компанія сильно наскандалила въ кассѣ“, а другая компанія ругалась и говорила: „глупо, что сдачи нѣтъ и нѣтъ контрамарокъ“ — объ этомъ свѣдѣнія самыя подробныя. Очевидно, ругающаяся компанія возбуждаетъ въ московскихъ зоологахъ гораздо болѣе интересахъ, чѣмъ кашляющій однокопытный или больной слонъ. 27-го палъ куланъ. Чѣмъ онъ былъ боленъ? Чѣмъ лѣчили? Не сказано. 26-го ноября захворалъ якъ. 27-го палъ. Чѣмъ захворалъ? Чѣмъ лѣчили? Отвѣта нѣтъ. Не бодался

ли съ этимъ якомъ господинъ въ соболей шубѣ? Отвѣтъ, навѣрное, есть, но оставимъ „Дневникъ“ и не будемъ продолжать изъ него выписокъ. Пусть побольше останется для сотрудниковъ „Стрекозы“.

Спрашивается, чѣмъ можно оправдать появленіе въ печати подобныхъ юродивыхъ „Дневниковъ“? Какая цѣль ихъ? Вѣдь веденіе „Дневника“ есть несомнѣнный признакъ порядка и личности постоянныхъ наблюденій. Его ведутъ, значитъ, хотятъ, чтобы думали и говорили, что у нихъ есть и порядокъ и наблюденія, благо — „Дневника“ никто не читаетъ. Вѣрили въ лабораторію, не заглядывая въ нее, повѣряли и въ „Дневникъ“, не читая *).

*) Напечатано въ „Новомъ Времени“ 1891, № 5608. См. „Письма А. П. Чехова“, т. III, стр. 273—4, письмо къ А. С. Суворину отъ 28-го августа 1891 г.:

„... За симъ посылаю вамъ злобу дня, брошюрку нашего московскаго профессора Тимирязева, надѣлавшую много шума. Дѣло въ томъ, что у насъ въ Москвѣ и въ Россіи вообще есть проф. Богдановъ, зоологъ, очень важная превосходительная особа, забравшая въ свои руки все и вся, начиная съ зоологіи и кончая россійской прессой. Сія особа продѣлываетъ безнаказанно все, что ей угодно. И вотъ Тимирязевъ выступилъ въ походъ. Напечаталъ онъ свою статью въ брошюркѣ, а не въ газетѣ, потому что, повторяю, все газеты въ рукахъ Богданова. Если иногда... или министры забираютъ въ свои руки прессу, то почему не дозволить этого Моск. университету? И университетъ въ лицѣ Богданова забралъ, и довольно ловко... Но объ этомъ послѣ, при свиданіи, ибо въ писмо все не влѣзетъ.

«Какъ добавленіе къ брошюрѣ, посылаю замѣтку. Тимирязевъ воюетъ съ шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоологія стоитъ ботаники. Вы прочтите замѣтку до конца; не надо быть ботаникомъ или зоологомъ, чтобы понять, какъ низко стоитъ у насъ то, что мы по невѣдѣнію считаемъ высокимъ.

«Если замѣтка годится, то напечатайте ее; если она не удобна, то, разумѣется, къ чорту. Замѣтка покажется вамъ рѣзкою, но я въ ней ничего не преувеличилъ и не солгалъ ни на йоту, ибо пользовался документальными данными.

«Подписываюсь я буквой Ц., а не собственной фамиліей, на томъ основаніи, что, во-первыхъ, замѣтка писана не мною однимъ, во-вторыхъ, авторъ долженъ быть неизвѣстенъ, ибо Богданову извѣстно, что В. живетъ съ Чеховымъ, а В. надо защищать докторскую диссертацию и т. д. — и ради грѣховъ моихъ В. могутъ безъ всякихъ объясненій вернуть назадъ его диссертацию. Да и къ чему моя подпись?

«Гонорара не надо, ибо половина замѣтки состоитъ изъ выписокъ изъ Тимирязева и документовъ.

«Итакъ два условія: сохраненіе имени автора въ самой строгой тайнѣ и вмѣсто гонорара фунтъ табаку. Въ случаѣ несогласія хотя бы на одно изъ сихъ условій, замѣтку прошу не печатать.

«Замѣтка, въ случаѣ надобности, подлежитъ сокращеніямъ и стилистическимъ измѣненіямъ“

Оглавленіе

XXIII тома.

	СТР.
Предисловіе	3

I. Драматическія и беллетристическія произведенія и отрывки.

На большой дорогѣ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи	5
Ночь передъ судомъ	25
Скоропостижная конская смерть или великодушіе русскаго народа. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи	32
Красавицы. (Изъ записокъ врача)	36
Отрывки изъ разсказа	39
Стихотворенія (факсимиле)	47
Свадьба	52

II. Темы, мысли, замѣтки, отрывки.

Темы, мысли, замѣтки, отрывки	53
Изъ записной книжки (1892—1904)	62

III. Публицистическія статьи.

Московскіе лицеисты	118
Наше нищенство	121
Люди подвига	124
В. А. Бандаковъ. (Некрологъ)	126
Фокусники	128

17200

